„ПРОБЛЕМЫ МАРКСИЗМА"

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП (б)

Год издания VI

Издательство „ПРАВДА"
Адрес редакции:
Москва, 9, Тверская, 48.
Тел. 4-38-28, времн. 3-00

№ 2 — 31 ЯНВАРЯ — 1930 г.

О новой политике в деревне.

Мы вступили в новую полосу, новый этап переходного, от капитализма к социализму, периода. Мощное развитие индустрии, усиление **производственных** форм связи между городом и деревней, радикальная реконструкция материально-технической базы сельского хозяйства создали все необходимые условия и предпосылки для коренной и в массовом масштабе ломки и переделки «старого общественно-экономического уклада» деревни. Рушатся прежние привычные и традиционные формы и методы хозяйствования. А с ними уходят с исторической сцены и представляющие их классы. «Колхозное движение, принявшее характер мощной, нарастающей антикулацкой лавины сметает на своем пути сопротивление кулака, ломает кулачество и прокладывает дорогу для широкого социалистического строительства в деревне» (Сталин).

Те общественные отношения, которые характеризовали **первый** этап новой экономической политики, начинают решительно преодолеваться, поскольку начинают **преодолеваться** индивидуальные формы хозяйства в земледелии, поскольку мелкие и мельчайшие товаропроизводители, на практике убедившиеся в преимуществах крупного хозяйства в земледелии, широкой и все нарастающей лавиной двинулись в колхозы. Иначе говоря, начинает преодолеваться та система общественных отношений, где еще существовали классы, где существовала противоположность между городом и деревней и где наличие мелкого и мельчайшего индивидуального крестьянского хозяйства являлось той базой, которая питала капиталистические элементы деревни и города.

Не имея достаточной материальной технической базы для того, чтобы приступить к разрешению задачи широкой социалистической ре-

конструкции сельского хозяйства, широкому развертыванию колхозного строительства, ломке «старого общественного экономического уклада» и переделке простых товаропроизводителей в производителей социалистических,—политика пролетарского государства сводилась на первом этапе нэпа к тому, чтобы оживляя и стимулируя развитие индивидуального бедняцко-середняцкого хозяйств, в то же время ограничивать развитие кулацко-капиталистических элементов деревни, что означало «вытеснение и преодоление отдельных отрядов кулачества, не выдержавших налогового нажима, не выдержавших системы ограничительных мер советской власти».

Положение коренным образом изменилось, когда на базе мощного развития индустрии начали создаваться материально-технические предпосылки для социалистической реконструкции сельского хозяйства. Революционизирующее влияние социалистической индустриализации нашло свое выражение в бурной тяге основных бедняцко-середняцких масс крестьянства к коллективным формам земледелия. Развиваясь вширь и вглубь, приводя к созданию районов сплошной коллективизации, колхозное движение в той стадии, в которую оно вступило, не может означать ничего другого, как начало того великого процесса, который ведет к преодолению бедняцко-середняцкого крестьянства как класса, ведет к уничтожению противоположности между городом и деревней, ведет к установлению бесклассового общества.

С другой стороны, с переделкой простых товаропроизводителей в производителей социалистических, с начавшимся процессом преодоления индивидуального крестьянского хозяйства, окончательно подрезаются корни, питающие капиталистические элементы города и деревни. Капитализм лишается питающей его базы. С коллективизацией деревни выкорчевываются последние корни капитализма в нашей стране. И именно отсюда растет то бешеное отчаянное сопротивление, которое оказывают капиталистические элементы колхозному движению. Капитализм не может не понимать, что именно сейчас и идет тот «последний и решительный бой», который окончательно решит его судьбу, его существование.

До сих пор, зажатый в тиски всем законодательством и всей политикой пролетарского государства, ограничиваемый и вытесняемый, капитализм все же существовал, все свои взоры и надежды обращая на мелкие индивидуальные крестьянские хозяйства, ожидая оттуда себе помощи и поддержки в своей борьбе с наступающим социализмом. Бурные темпы коллективизации показали для него всю безнадежность этих его надежд. В то же время с ростом колхозного и совхозного строительства оказалась исчерпанной и роль кулака как производителя хлеба. Производством колхозов и совхозов было полностью перекрыто производство кулацких хозяйств. И перед пролетарским государством встал вопрос уже не об ограничении эксплоататорских тенденций ку-

лака, не о вытеснении отдельных его отрядов, а о ликвидации его как класса.

Таким образом задача ликвидации кулачества как класса явилась прямым результатом всего прошлого нашего развития. Начавшаяся реконструкция материально-технической базы сельского хозяйства, переход от индивидуальных форм хозяйства к коллективным, создание районов сплошной коллективизации, замена производства капиталистических групп деревни производством колхозов и совхозов вплотную поставили вопрос о полной ликвидации кулачества как класса. В борьбе за бесклассовое общество, в борьбе за переделку мелкого и мельчайшего крестьянского хозяйства, в борьбе за уничтожение противоположности между городом и деревней, создание районов сплошной коллективизации и ликвидация кулачества как класса, а не отдельных групп кулачества, — являются сторонами одного и того же процесса. И с этой точки зрения не могло бы быть ничего более ошибочного, как противопоставлять дело коллективизации — раскулачиванию, ликвидации кулачества, как класса. Между тем именно такое положение вещей наблюдается в ряде мест, где: либо, забросив дело коллективизации, все усилия сосредотачивают на раскулачивании, либо, создавая районы сплошной коллективизации, обходят вопрос о кулаке, забывая, что не может быть полностью разрешена задача социалистического переустройства деревни, пока окончательно не будет ликвидировано кулачество, как класс.

Должно быть совершенно ясно, что задача ликвидации кулачества как класса, не может ставиться вне связи с ростом колхозного строительства, частью которого она является, ибо, как это подчеркнул тов. Сталин в своем ответе на вопросы свердловцев: «Основным методом осуществления ликвидации кулачества, как класса, является метод коллективизации. Все остальные меры должны быть приспособлены к этому основному методу. Все, что противоречит этому методу или ослабляет его значение, должно быть отброшено». И поэтому в тех районах и областях, где слабо развито колхозное движение, где еще не пришли в движение массы бедняцко-середняцкого крестьянства, там должен быть сохранен лозунг ограничения и вытеснения кулацко-капиталистических элементов деревни, но как «лозунг подсобный», «лозунг вспомогательный в отношении главного лозунга», ликвидации кулачества, как класса.

Особенно это относится к нашим окраинам, где влияние социалистической индустриализации сказывается слабее всего, где меньше влияние пролетариата и где процессы коллективизации еще не нарастают столь бурными темпами, чтобы в порядок дня становился вопрос о создании районов сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса. Здесь на окраинах, где сложные национальные вопросы переплетаются с не менее сложными социальными отношениями, где роль и влияние кулачества на бедняцкие и середняцкие слои еще, сравнительно, велики, основной задачей остается вовлекать бедняцко-серед-

няцкое хозяйство в колхозное строительство, ограничивая и вытесняя кулацко-капиталистические элементы деревни и, тем самым, подрезая и уменьшая его влияние на бедняцко-середняцкие массы деревни. И здесь, как и в других районах и областях нашего Союза, ликвидация кулачества как класса, должна явиться результатом мощного развития колхозного движения, вплотную подводящая к созданию районов сплошной коллективизации.

С другой стороны там, где мы уже добились решающих успехов в области коллективизации — в районах сплошной коллективизации— во весь свой рост, во всем своем об'еме должна быть поставлена задача ликвидации кулачества как класса. Правооппортунистическим кретинизмом было бы думать, что в районах сплошной коллективизации, кулацкая опасность не сильна, что кулаку все равно некуда податься и что он будет врастать в социализм через колхозную систему. Классовый враг остается классовым врагом и не прекратит своей борьбы до тех пор, пока не будет полностью и окончательно ликвидирован. И в этой своей борьбе, отчаянной и беспощадной, он будет искать поддержки у зажиточных слоев середняцких хозяйств, пытаясь их перетащить на свою сторону. Отмена в районах сплошной коллективизации права применения в индивидуальных хозяйствах наемного труда и права аренды земли—в корне подсекают прямую эксплоататорскую деятельность кулака. Но у кулака еще остаются косвенные возможности для того, чтобы эксплоатировать бедноту и неимущие элементы деревни. В то же время кулацкие земли деревни неизменно будут делать отчаяные попытки для того, чтобы повредить, помешать и сорвать дело колхозного строительства. Все это требует, чтобы в тех районах и областях, где колхозное строительство получило мощное развитие, где развертывается сплошная коллективизация, где производством колхозов и совхозов может быть замещено производство кулацких хозяйств,—ограничение и вытеснение кулацко-капиталистических элементов было заменено политикой прямой ликвидации кулачества как класса.

Неизбежно связанное с этой новой политикой в отношении кулачества обострение сопротивления кулачества и ожесточение классовой борьбы не должно застать нас врасплох. Мы вступили в последний и решительный бой с внутренним капитализмом и должны довести его до конца, не останавливаясь ни перед чем. Кулачество, как класс, не уйдет с исторической сцены без ожесточеннейшего сопротивления, без попыток воздействовать на бедняцко-середняцкие массы, без попыток вырвать эти массы из-под влияния рабочего класса. И этим попыткам кулачества мы должны противопоставить большую организованность и дисциплинированность борющихся против него сил. Под углом зрения разрешения этой задачи—ликвидации кулачества как класса—должна быть пересмотрена и вся

практика работы местных организаций: кооперации, кредитной системы и т. д.

Там, где налицо имеются все необходимые предпосылки, мы должны развернутым фронтом повести такое наступление на кулачество, итогом которого должна будет явиться полная ликвидация кулачества как класса. Там же, где колхозное строительство не получило того мощного развития, которое позволило бы заменить производство кулацких хозяйств производством колхозов и совхозов, — центр тяжести должен быть перенесен на развертывание колхозного строительства, по мере роста которого будет в дальнейшем меняться политика и в отношении кулака: от ограничения и вытеснения кулацко-капиталистических элементов, к их полной ликвидации как класса. Одновременно с этим самым решительная борьба должна быть об'явлена попыткам самоликвидации кулачества путем распродажи инвентаря, убоя и распродажи скота, уничтожения зерна и т. д. «Но из этого вопроса не следует,—говорил тов. Сталин,—что мы должны допустить раскулачивание не как часть дела коллективизации, а как самостоятельное дело, проводимое до и без коллективизации. Допустить это значило бы подменить политику обобществления в колхозах конфискованного кулацкого имущества политикой дележки этого имущества для личного обогащения отдельных крестьян. Такая подмена была бы шагом назад, а не вперед. Против «растранжирования» кулацкого имущества есть только один средство — усилить работу по коллективизации в районах без сплошной коллективизации».

Ликвидация кулачества как класса с особой силой выдвигает требование организации бедноты, ибо только в самом тесном союзе рабочего класса с беднотой может быть разрешена эта историческая задача. Класс против класса в его открытой, беспощадной, жестокой борьбе, борьбе не на жизнь, а на смерть одного из них — так должен быть сейчас поставлен вопрос, когда в районах сплошной коллективизации от лозунга ограничения и вытеснения кулачества мы перешли к его полной ликвидации. И здесь величайшая задача стоит перед теми десятками тысяч рабочих, которые двинулись из городов в деревни на помощь социалистически преобразующейся деревне, на помощь бедняцко-середняцким массам деревни в их борьбе с кулаком. Без этой помощи и поддержки рабочего класса задача социалистического переустройства деревни и ликвидация кулачества была бы неразрешима. Гегемон социалистической революции, пролетариат, будя ярость батрацко-бедняцких элементов деревни, ведет их на штурм последних твердынь капитализма, увлекая за собой и середняцкие слои деревни.

Пробил час экспроприации деревенских экспроприаторов, и беднота деревень в праве требовать, чтобы имущество ее угнетателей и эксплоататоров было использовано в интересах социалистического переустройства сельского хозяйства.

Мы вступили в полосу жесточайших боев с последними остатками капитализма в нашей стране и это требует особой четкости, особой выдержанности и твердости в работе органов пролетарской диктатуры. И с этой точки зрения, не может быть ничего вредного и ошибочного как демобилизационные, своей псевдореволюционностью покрывающие оппортунистическое содержание — лозунги о ликвидации советов и снятии вопроса «кто кого?». В обстановке обостреннейшей битвы классов, когда вплотную ставится вопрос о ликвидации класса эксплоататоров, когда десятки тысяч лучших пролетариев пошли на помощь бедноте деревень в ее борьбе за социализм и против кулака, когда для разрешения этой же задачи партия бросает на фронт борьбы за социализм и за ликвидацию кулачества как класса, тысячи испытанных и преданных делу коммунистов, — такие лозунги не могут принести ничего другого, кроме вреда. Не ликвидация советов — этих низовых органов пролетарской диктатуры, — а всяческое их укрепление в борьбе с кулачеством, в борьбе за ликвидацию его, как класса.

Не ликвидация советов, а всемерное укрепление и усиление их влияния на коллективизирующуюся деревню. Именно перед ними стоит величайшая задача по повышению уровня коллективизации, именно они должны выступить в роли организатора наиболее передовых и революционных элементов в колхозах, именно под их руководством должна проходить классовая борьба, элементы которой остались в колхозах. В борьбе классов вопрос: «кто кого?» будет решен окончательно и бесповоротно только тогда, когда один из классов будет окончательно уничтожен. До тех пор с его стороны неизбежны будут реставрационные попытки, попытки завоевать себе былое положение и былую хозяйственную и политическую мощь.

И именно в этот период, когда сопротивление ликвидируемых классов достигает особого напряжения и упорства, особого ожесточения, необходима величайшая организованность пролетариата, максимальная организованность батрачества и бедноты деревень, особая четкость в работе всех органов пролетарской диктатуры, величайшая энергия и дисциплинированность всех звеньев партийного, советского, профессионального и хозяйственного аппаратов.

В. Молотов.

На два фронта*).

После того, как тов. Рыков огласил документ тройки[1]), документ заранее заготовленный, заблаговременно написанный,— по хорошо всем присутствующим здесь известному примеру некоторых пленумов прошлого периода,— после этого нельзя не говорить прежде всего по основному вопросу, по вопросу о линии партии.

Документ тт. Рыкова, Бухарина и Томского начинается с повторения того, о чем тов. Рыков заявлял в последней своей речи, сказанной также по поручению трех, на апрельском пленуме ЦК. Он начинается с двусмысленного указания на якобы «неполноправное положение» тройки в партии и в ЦК.

Читаю начало документа:

> «Предыдущий пленум ЦК (апрель 1929 г.) по отношению к нам (Бухарину, Рыкову и Томскому) вынес решение, обвинившее нас в правом уклоне и поставившее нас в неполноправное положение в составе партии и ее руководящих органов». (Курсив мой.— *В. М.*).

О каком же в конце-концов «неравноправном положении» говорят эти товарищи? Что за «неравноправное положение» у тт. Рыкова, Бухарина и Томского создалось после решения апрельского пленума ЦК, осудившего их правоуклонистскую позицию?

Если бы эти товарищи сколько-нибудь дорожили принципиальной стороной своей позиции, они, по крайней мере, должны были бы членораздельно сказать, в чем заключается их «неполноправие» в партии и в ЦК. Но ни на апрельском пленуме, ни в прочитанном вчера документе они не расшифровали указанную двусмысленность. Между тем ясно, что двусмысленные заявления о неравноправии группы цекистов можно понять только исходя из того, что эта группа считает себя в составе ЦК стороной, противопоставляя себя Центральному Комитету: «мы» и ЦК. Тройка скатилась на деле к отрицанию единого ЦК. Защищая свою линию, свою политику, свою группу, Бухарин, Рыков и Томский противопоставляют себя Центральному Комитету. Только исходя из этого противопоставления, можно было договориться до декларации об их неравноправии в партии и в ЦК. Они, оставаясь группой, добиваются для себя в ЦК, видите ли, полноправия, «равенства», — они вы-

---

*) Настоящая статья представляет собой речь тов. Молотова, произнесенную 13 ноября 1929 года на пленуме ЦК ВКП(б). Речь печатается с некоторыми сокращениями.

[1]) «Документ тройки», т.-е. письменное заявление трех товарищей, Бухарина, Рыкова и Томского, оглашенное т. Рыковым, 12 ноября на пленуме ЦК.—*В. М.*

двигают требование паритетности. Нечего доказывать, что такое требование не имеет ничего общего с большевизмом. Двусмысленные декларации о «неравноправном положении» являются одним из характернейших отражений всей беспринципности, всей безыдейности авторов прочитанного здесь т. Рыковым документа, документа насквозь фальшивого, насквозь лицемерного, насквозь двурушнического.

Но пленум должен, наконец, иметь ясный ответ насчет того, о каком «неравноправии», о каком «неравенстве» говорят здесь три члена Политбюро? На что они, собственно, претендуют, чего они хотят от Центрального Комитета и от партии?

Если это «неравноправие» заключается в том, что их взгляды осуждены партией и охарактеризованы апрельским пленумом ЦК, как взгляды правоуклонистские то, не говоря уже о том, что это сделано по полному праву и притом признано всей партией и Коммунистическим Интернационалом,— не говоря уже обо всем этом, мы должны напомнить трем товарищам, что с таким же основанием о своем «неравноправии» в партии и в ЦК мог в свое время говорить Троцкий, когда его взгляды были признаны антиленинскими, враждебными большевизму. Повторяю, в такой же мере Троцкий и его группа могли в свое время говорить о неравноправии, когда эта группа пыталась тащить партию с ленинского пути и за это была сурово осуждена партией.

После этого, как бы торжественно группа Бухарина ни об'являла в своем «манифесте» о том, что «разногласия сняты», никто из большевиков этому поверить не может. Нет, из их выпадов против ЦК насчет «неравенства» мы видим, что группа Бухарина рассматривает себя, как оппозицию внутри партии. Одной из самых характерных черт каждой оппозиции является положение — «мы» и партия. Вот о чем говорят двусмысленные фразы о «неполноправии» в документе тройки. Тот, кто хочет проводить политику партии и дружно работать в ЦК на основе этой политики, тот не будет говорить о «неполноправном положении» и о «неравенстве». Трое членов Политбюро подходят к делу иначе. Как показывает их же собственный документ, они рассматривают себя как оппозицию партии, как лидеров этой оппозиции в ЦК. Тем самым они стали на путь фракционности. Мы вынуждены сейчас исходить из этого факта.

1. В. А. Базаров как союзник правых.

В документе тов. Рыкова и других говорится о том, что при наличии единой генеральной линии, тройка стояла и стоит за другой, чем у партии, метод проведения этой линии. Они изображают дело таким образом: будто линия у партии и у группы Бухарина — одна, но есть разница в «конкретных методах проведения генеральной линии».

Тройка, дальше, признает, что «и на рельсах принятого партией конкретного метода проведения генеральной линии» «были достигнуты в общем большие положительные результаты». Поэтому тройка, констатируя «несомненные успехи партии», заявляет: «Мы считаем, что разногласия между нами и большинством ЦК снимаются». Итак, продолжая упорно твердить, что

«при намечавшихся нами (т.-е. тройкой. *В. М.)* на апрельском пленуме методах проведения генеральной линии партии, мы могли бы достигнуть желательных результатов менее болезненным путем...», тт. Бухарин, Рыков и Томский вынуждены признать успехи партии и даже пытаются, не отказавшись от своих коренных оппортунистических ошибок, спрятаться пока за формулу: «разногласия снимаются».

Дальше я еще остановлюсь на том, что представляет собой особый «конкретный метод» проведения политики партии у группы Бухарина. Но уже и из сказанного видно, что декламация о «снятии разногласий» — сплошная фальшь.

Трое лидеров правых теперь никак не могут отрицать успехов партии. Да и как это можно отрицать, когда каждый гражданин Советской республики знает, что первый год пятилетки пройден, и притом с большим успехом, когда впервые мы уже в основном закончили хлебозаготовительную кампанию и имеем 90-миллионный неприкосновенный хлебный фонд, когда рабочий класс и широчайшие массы деревни все более охватываются энтузиазмом строительства социализма. Любопытно было бы посмотреть на тех людей среди нас, которые попытались бы отрицать эти достижения рабочего класса. Еще бы Рыков, Бухарин и Томский не признали этих элементарных фактов! Но если и после этого они заявляют, что они стоят за другой, чем у партии, «метод» проведения генеральной линии, если и теперь они заявляют, что их «метод» дал бы желательные результаты «менее болезненным путем», — то разве мы не видим, что в этих декламациях лидеры правых продолжают противопоставлять не просто один конкретный метод другому конкретному методу, а в действительности — противопоставлять одну политику другой политике, одну линию — другой линии. Фальшивые, пропитанные двусмысленностью фразы о двух конкретных методах не замажут факта: противопоставления позиции партии — позиции правого уклона. Отделить проведение политики в жизнь («конкретный метод») от самой политики («генеральная линия») нельзя. Мы твердо знаем, что политика ВКП(б) без тех практических мер, которые мы проводили в этом году,— и прежде всего без всей системы мер наступления на капиталистические элементы — не существует. Никакими словесными вывертами этого не замажешь.

Насчет заявлений о согласии с генеральной линией партии нам приходится сейчас быть сугубо осторожными. От коммуниста таких заявлений даже нельзя и требовать. Какой же это член партии, который не согласен с ее генеральной линией? При заявлении о таком несогласии любая организация укажет такому «коммунисту» дверь. Теперь такое время, когда и не имеющие ничего общего с партией и явно чуждые ей элементы иной раз декламируют о «согласии» с генеральной линией большевиков.

Последнее иллюстрирую одним документом.

Вчера на пленуме тов. Кржижановский передал мне один документ, излагающий взгляды на политику партии известного В. А. Базарова. Последний уже давно работает в Госплане и на-днях, по просьбе члена президиума Госплана тов. Черных, изложил свою нынешнюю политическую позицию. Тов. Черных записал сказанное В. Базаровым. В этой записи есть немало

любопытного не только для позиции Базарова, бывшего большевика, потом полуменьшевика, а за последние годы типичного буржуазного либерала.

Как же он относится к линии партии?

Вот что записал т. Черных 6 ноября после разговора с В. А. Базаровым:

> «Он (Базаров) может твердо заявить, что *во всяком случае* находится по нашу сторону баррикады. *Принципиальных разногласий в вопросе о линии развития у него с партией нет*»[1]).

Даже сей буржуазный либерал, оставаясь и теперь таковым, заявляет, что «принципиальных разногласий в вопросе о линии развития у него с партией нет». Разве это заявление не заставляет нас насторожиться? Конечно, заставляет.

Мы помним, что в начале нэпа и Устрялов провозглашал, что в основном «согласен» с политикой Ленина. Устрялов только думал, что нэп в конце-концов выведет Россию на буржуазный путь, и, исходя из своей концепции, он «одобрял» политику ленинской партии. Ленин тогда же предал широкой гласности заявление Устрялова и предостерег партию и всех рабочих насчет непрошенного «союзника». Это указание Ленина способствовало тому, чтобы партия сознательно относилась к сменовеховским настроениям, чтобы она усилила борьбу с контрреволюционными сменовеховцами. И эта борьба действительно укрепила большевистскую закалку партии.

Теперь у нас другой период. Мы так много говорим теперь о реконструктивном периоде, что повторяться на этот счет нет нужды.

Да, мы успешно приступили к выполнению задач реконструкции, и, вопреки всем и всяким буржуазным либералам и реакционерам, идем вперед. Тот, кто не целиком живет настроениями звериной буржуазной ненависти к советскому строю, тот не может не признавать, по крайней мере, некоторых бесспорных успехов пролетариата. Когда мы с огромным успехом начали развертывать дело социалистической реконструкции и начали победоносно выкорчевывать капитализм из последнего его убежища, из сельского хозяйства, — тогда и кой-каким буржуазным либералам приходится итти напопятную. В заявлении В. А. Базарова об отсутствии принципиальных разногласий с политикой партии мы не можем не видеть такого отступления со стороны одного из видных представителей буржуазного либерализма.

А вот что говорит Базаров о нашей промышленности:

> «Базаров не удивится, если будущий год (1930—31) даст еще более высокие показатели для индустрии...».
>
> «Базаров признает, что *действительность опровергает его теорию «затухающей кривой»*.

А ведь всего года два тому назад Базаров выпустил ученую книгу с большим количеством таблиц и диаграмм, доказывающую противоположное. Теперь ему приходится от своих «ученых трудов» открещиваться. Оказывается, и здесь «разногласия сняты»!

[1]) Курсив в выдержках о Базарове здесь и дальше мой. *В. М.*

Дальше я прочитаю то, что говорит Базаров об основных трудностях нашего развития. Вы увидите, что он идет как будто по стопам решений партии, по стопам прошлых пленумов ЦК. А высказываемые им сомнения идут как раз по той же линии, что и у Бухарина. Вот мнение Базарова:

> «Основные трудности нашего развития Базаров видит в сельском хозяйстве. Он считает, вообще говоря, правильной политику коллективизации и наступления в деревне, но думает, что *партия взяла слишком стремительный темп для наступления*».

Вы видите, что свои разногласия он проводит как раз там же, где идут разногласия между партией и правыми.

А вот, что говорит Базаров после только что приведенного места:

> «По мнению Базарова, *мы лишаем крестьянство стимула к развитию производительных сил и создаем излишние трудности в* вопросах снабжения...».

Чем же это заявление Базарова, и в частности, заявление об «излишних трудностях», которые мы «создаем», чем это заявление отличается от того, что говорится в документе Рыкова, Бухарина и Томского насчет возможности достижения желательных результатов «менее болезненным путем»? В конце-концов в позиции Базарова нет никакой разницы с позицией тт. Бухарина, Рыкова и Томского. И беспартийный Базаров, и трое цекистов сходятся на том, что «генеральная линия» обеспечила известные успехи. Но все они, в один голос, заявляют о том, что темп наступления рабочего класса создает «излишние трудности», является «болезненным путем» и поэтому, очевидно, подлежит изменению. В немножко разных выражениях, но по существу совершенно одно и то же, заявляют и Базаров, и тройка лидеров правоуклонистов. Нельзя не признать, что это весьма поучительно.

Процитирую еще несколько выдержек, излагающих взгляды Базарова. Вот, например, следующее место:

> «Положение нужно признать очень трудным, и *шансов на неудачу нашей политики* (заметьте: «*нашей политики*»! *В. М.*) *больше, чем на удачу*. Однако, из такой оценки не следует делать вывода, что он, Базаров, стоит за отступление».

Как видите, Базаров говорит о политике ВКП(б), как о «*нашей политике*».

Как истый либерал, как настоящий буржуа он не верит в успех революции. По его мнению, «шансов на неудачу нашей политики больше, чем на удачу». Но даже этот прокисший либерал не стоит за отступление. Набирая воздух в легкие и отодвигаясь еще дальше за спину рабочих, он «храбро» заявляет:

> «При данных условиях нельзя итти ни на развязывание рынка (чего Бухарин не понимал в апреле месяце! — *В. М.*), ни на повышение с.-х. цен (чего Бухарин также не понимал! — *В. М.*). *Как ни невелики шансы на успех, но сейчас можно итти только вперед*».

Базаров, как видите, почти что понял, что от стремительного темпа наступления большевиков деваться некуда, и он «храбро» заявляет, что «сейчас можно итти только вперед». Вот как мы крепко прижали господ либералов. Даже они договариваются до заявлений: «итти только вперед».

Наконец, Базаров, заявляет, что «к нему, как к беспартийному, не могут быть пред'явлены требования о стопроцентной уверенности». На этот раз, по моему, он прав. Где же от Базарова требовать «стопроцентной уверенности» в победе революции! И большевикам полагается проверять свою политику фактами, черпать из практики новый материал для улучшения своей работы, не говоря уже о том, что даже в лучшей практической работе бывают и отдельные ошибки. Мы знаем, что линия у ленинской партии правильная, марксистская. Но и партии приходится исправлять отдельные элементы своей работы и систематически следить за тем, что нового подсказывает практика. Однако, в оговорке Базарова о том, что с него, как с беспартийного, нельзя требовать стопроцентной уверенности, ясно торчит хвостик буржуазного либерала, не верящего в пролетарскую революцию. Поэтому и его заявлению насчет согласия с линией партии грош цена.

С другой стороны, мы видим, что в основном заявление Базарова, по своей политической позиции, ничем не отличается от того, что сказано в документе Томского, Рыкова и Бухарина. Но, товарищи правоуклонисты, если вы получаете себе такого нового союзника, как Базаров, или по крайней мере политически приближаетесь к этому буржуазному либералу, то никак нельзя вас поздравить с этим. Невелика в этом честь для большевика! И вы еще думаете добиваться «равноправия» вашей точки зрения с точкой зрения партии! Лучше откажитесь, ничего из этого не выйдет.

Я цитировал заявление Базарова об успехах нашей политики. Как-никак, это все же бывший большевик, бывший марксист, а в настоящее время советский работник. А теперь ведь не только бывшие революционеры и нынешние работники соваппарата признают успехи советской власти. Всем известно, что об этих успехах пишет в «Берлинер Тагеблатт» даже господин Шеффер, что в «Дейли Геральд» о том же пишет г-н Фарбман. И немало других корреспондентов буржуазных газет вынуждены в своих писаниях признавать крупные успехи советской власти в деле поднятия индустрии, в деле под'ема сельского хозяйства, в осуществлении коллективизации и т. п. А кто же не знает, что все эти Шефферы и Фарбманы — наши враги, враги ярые, враги до конца?

Поэтому расписаться в признании некоторых успехов партии и советской власти совсем недостаточно для тех, которые известны в качестве лидеров правого уклона и до сих пор от своих ошибок не отказались. Чего стоят такие признания успехов и заявления о снятии разногласий, если это делается без открытого осуждения своих правоуклонистских шатаний? Такое отношение к принципиальным вопросам может свидетельствовать лишь об отсутствии всякой принципиальности и о прямой безыдейности. Партия не может ограничиться констатированием успехов. Она должна знать и знает, какой политикой, какой работой и при каких условиях и, вместе с тем, против

кого, против чьего сопротивления, против чьей борьбы и замаскированного саботажа работы партии достигнуты эти успехи.

В своем документе Рыков, Бухарин и Томский неоднократно заявляют: мы—не правые. На первой же странице этого документа говорится о «неправильности и политической вредности всяких попыток повернуть партию «назад к XIV с'езду». В этих словах авторы заявления нашли уместным, так сказать, отмежеваться от Фрумкина. Через полтора года после выступления тов. Фрумкина они—и то в завуалированном виде—отмежевываются от него. Но от кого вы, товарищи, отмежевываетесь? Вы же пошли дальше Фрумкина в десять раз!

Разве тов. Фрумкин говорил что-либо подобное насчет политики партии в деревне, насчет борьбы с бюрократизмом, насчет положения в Коминтерне, насчет военно-феодальной эксплоатации крестьянства? Разве что-нибудь подобное говорил Фрумкин? Вы пошли в десять раз дальше Фрумкина вправо и после этого нашли удобным «отмежеваться» от Фрумкина. Разве это достойно политических руководителей? Ведь вы обобщили и довели до конца ошибки Фрумкина. Вы сделались настоящим рупором тех настроений, которые в сравнительно слабой форме выразил в прошлом году тов. Фрумкин. И теперь вы бьете по тому же Фрумкину. И таким отношением к своим сторонникам и полусторонникам вы думаете завоевать у кого-либо доверие? Нет, это ничего не имеет общего с принципиальностью, с идейностью. Больше того. Я не знаю теперешней позиции тов. Фрумкина, но не исключаю того, что он теперь ближе к линии партии, чем вы, тройка, так как итти дальше вас вправо, кажется, уже некуда.

Трое в своем документе заявляют: мы—не примиренцы. Видно, что в нашей партии не популярны ни правые, ни примиренцы к правым. Это вы доказали своими заявлениями.

Но кто же вы? «Левые», что ли? Не похоже. Не поверит никто, что вы левые. Ну, скажем, Шацкин—«левый», Ломинадзе—«левый», по крайней мере недавно был «левым», теперь он признает свои «левые» ошибки. Но вы то—«левые»? Даже не похоже на это, во всяком случае никто этому не поверит. Кто же вы такие, если вы тем не менее не согласны с ЦК и с партией?

Если вспомнить или перечитать то, что вы наговорили за последнее время, или то, что вы говорите теперь, то как это назвать? Во всяком случае то, что вы проповедуете, это — явный оппортунизм, это и есть взгляды правого уклона. Быть может, эти взгляды иногда похожи на «трусливый оппортунизм», но во всяком случае это оппортунизм откровенный, оппортунизм правого толка. Партия второй год ведет усиленную борьбу именно против правого уклона. И поэтому теперь уже нельзя прятаться даже под маской примиренчества. Примиренцы к правому уклону— это и есть теперь откровенные оппортунисты, настоящие правые. Других примиренцев теперь не существует.

2. Борьба с правыми и маневры правых.

Перехожу к основному вопросу, как тройка определяет свои разногласия с ЦК и партией.

Вот что об этом говорят авторы документа:

«Опасаясь того, что применение чрезвычайных мер, как длительной системы, неизбежно затрагивает и значительные слои середнячества, мы на прошлом (апрель 1929 г.) пленуме ЦК были против их применения. Именно в этом заключались наши разногласия с большинством ЦК и ПБ». (Курсив в обоих случаях мой.—*В. М.).*

Но каждому ясно, что это сплошная фальшь. Белыми нитками шита эта попытка смазать принципиальную сторону дела. Но смазать этого не удастся. Не удастся уже потому, что остались документы, остались речи, статьи и декларации лидеров правых. Куда же вы можете деться от ваших речей, от ваших собственных деклараций? Куда, например, вы денетесь от взятых на прокат из милюковской газеты обвинений партии в политике «военно-феодальной эксплоатации крестьянства»? Неужели вы думаете, что, не признавши безусловную ошибочность и антипартийность этих и подобных заявлений, вы можете всерьез декламировать о «снятии разногласий»?

Около года тому назад Бухарин, поддерживаемый Рыковым и Томским, заявлял следующее:

«Что определяло фактически дальнейшую политику? То, что упоминается в «документе», а именно—речь тов. Сталина о дани. На XIV партс'езде тов. Сталин бил изо всех сил Преображенского за колонии и эксплоатацию крестьянства. А на июльском пленуме он провозгласил лозунг дани, т.-е. военно-феодальной эксплоатации крестьянства». (Курсив в конце мой. *В. М.).*

В этих заявлениях, как каждому ясно, вы под видом нападок на тов. Сталина нападали не только на ЦК, но и на всю партию. Вы же говорите не о чем-нибудь, а о политике, которая проводилась «фактически», т.-е. о том, что делала вся партия. Вы бросили в лицо партии эти нападки, вы от них не отказались—и теперь думаете, что кто-нибудь поверит вам, что «разногласия снимаются»?!

Из только-что цитированного документа т. Бухарина, с которым солидаризировались т.т. Рыков и Томский, приведу еще одно место. Вот то, что было написано и от чего до сих пор тройка не отреклась, в документе тов. Бухарина от 30 января:

«Вся страна («Вся страна»!—пожалуй, можно подумать, что в том числе и кулаки, и нэпманы!—*В. М.)* мучится над вопросами хлеба и снабжения, а конференции пролетарской господствующей партии—молчат. Вся страна чувствует, что с крестьянством неладно. А конференции пролетарской партии, нашей партии, молчат. Вся страна видит и чувствует перемены в международном положении. А конференции пролетарской партии молчат. Зато град резолюций об уклонах (в одних и тех же словах)».

И теперь вы думаете отмолчаться, даже двумя словами не заявив об отказе от этих воплей, достойных растерявшихся мещан?! Не оставляете ли вы эти записанные в ваших документах нападки на партию прозапас, для будущего, на подходящий случай? Мало ли у нас еще серьезнейших трудностей впереди!

А куда вы денетесь от ваших выпадов против Коммунистического Интернационала? Как же так: «разногласия снимаются», а вы даже словом не обмолвились о том, остаются ли в силе ваши типично-либеральные выпады насчет «откопов и расколов» и насчет «разложения» в Коминтерне? И вы не считаете нужным по поводу этих недавних ваших выходок против Коминтерна ничего сказать, даже после того, как несмотря на ваши вопли выгнаны, наконец, из Коминтерна такие прохвосты, как Ловстон в Америке, такие типичные социал-реформисты, как Илек в Чехо-Словакии, такие ренегаты, как Серра в Италии, как Чильбум в Швеции? Ведь, если принимать всерьез бухаринскую истерику насчет отсутствия «консолидации» в Коминтерне, то всех этих мелкобуржуазных попутчиков и проходимцев мы должны были бы еще терпеть в рядах III Интернационала. И это в такой момент, когда зреет революционный под'ем в капиталистических странах, когда этот революционный под'ем приобретает все более международный характер. Кстати, и об этом вы до сих пор не удосужились сказать, хотя бы слово. Как видно, очки оппортунистов мешают вам видеть назревание нового могучего под'ема международной пролетарской революции.

Неужели после всего того, что вы наговорили и написали, после всего этого, вы думаете, что можно забиться в нору и отмолчаться? Нельзя, не выйдет это.

Трое лидеров правоуклонистов пришли сюда и заявили, что их главное разногласие — применение чрезвычайных мер, как системы. Будто бы все остальное не имеет большого значения. Присмотримся к этому ближе.

Разногласия с правыми касались ряда важнейших вопросов.

Прежде всего, спор шел о темпах развертывания индустрии. Обеспечение быстрого темпа индустриализации не могло не быть важнейшим пунктом из всех конкретных разногласий с правыми. Спорили также по такому вопросу, как развертывание совхозов и колхозов, что неразрывно связано со всей политикой усиленного наступления на кулака. Известно, что правые относились к этому с явным недоверием и своим обстрелом политики партии пытались сбить ее со взятого курса. Спорили также по вопросу о борьбе с бюрократизмом, о проведении внутрипартийной демократии, о политике Коминтерна.

Но в конце концов в основе спора лежала и лежит разная оценка классовых сил, разное отношение к классовой борьбе, разное понимание классовых задач. В этом корень вопроса. Вопрос всех вопросов заключается в том, как мобилизовать рабочий класс для развернутого наступления на капиталистические элементы в СССР и для революционной борьбы за свержение капитализма во всем мире. Ясно поставить этот вопрос лидеры правых и сейчас не хотят. Они жульнически смазывают основной вопрос и пытаются лицемерными рассуждениями о разногласиях по вопросу применения «чрезвычайных мер, как системы», прикрыть основные разногласия.

На деле, когда они выдвигают свои возражения против «чрезвычайных мер», они выступают не просто против «чрезвычайных мер, как системы», а против политики развернутого наступления на капиталисти-

ческие элементы, против политики усиленного наступления на кулака. Так называемые «чрезвычайные меры» в обстановке последнего года это лишь составной элемент политики развернутого по всему фронту наступления пролетариата на кулака и нэпмана. Известно, какие разнообразные меры мы принимали и принимаем для того, чтобы организованно повести усиленное наступление на капиталистические элементы. Сами чрезвычайные меры приняли другой характер. Прикрываясь теперь разногласиями, якобы, только по вопросу о чрезвычайных мерах, лидеры правых пытаются окольным путем обстрелять нашу политику наступления на капиталистические элементы. Между тем на отношении к проводившимся партией «чрезвычайным мерам» и проверялась политика. С отношением к этим мерам был неразрывно связан ответ на основной вопрос: итти ли в наступление против капиталистических элементов, не отказываясь в нужном случае от применения некоторых чрезвычайных мер, или итти назад. Вопрос стоял так: либо наступать на капиталистические элементы, либо отступить перед ними и спрятать голову в песок. Если свести все конкретные пункты разногласий с правыми в один вопрос, то он будет заключаться в следующем: итти ли по всему фронту в наступление на капиталистические элементы, не останавливаясь в необходимых случаях,—ради получения хлеба для рабочих и Красной армии, ради проведения в жизнь пятилетки и ради укрепления всего дела пролетарской революции,—перед применением чрезвычайных мер, или не итти на это наступление и оппортунистически свернуть свою линию под озлобленными контратаками классового врага. Тот, кто в этом дрейфил, тот дрейфил так же, как в Октябрьские дни, отступая перед признанием необходимости вооруженного восстания, сдрейфили Каменев, Зиновьев и др.

Таким образом, своим документом лидеры правых разоблачили себя, они действительно сдрейфили в основном вопросе—в проведении политики наступления на капиталистические элементы. Политику наступления онн пытались подменить политикой отступления. В этом наши действительные разногласия.

Даже Базаров понял, что теперь назад хода нет, что теперь для рабочего класса СССР есть путь только вперед. А ведь он вынужден это говорить, несмотря на то, что не верит в успех революции. С его стороны, по крайней мере, честно то, что о своем неверии в революцию он говорит прямо.

Важно еще остановиться на отношении лидеров правых к вопросу о так называемых «нормальных» рыночных отношениях в теперешний период. Идеолог правых тов. Бухарин на апрельском пленуме ЦК противопоставил политике партии политику «развертывания товарооборота», политику восстановления «нормальных» рыночных отношений. В этом была вся соль речи Бухарина. К «нормализации» на буржуазный лад и в связи с этим к «развертыванию товарооборота» взывал тов. Бухарин на апрельском пленуме. Кто с этим не соглашался, того Бухарин без дальних околичностей называл троцкистом.

Что же вы видите в новом документе лидеров оппозиции? Легко убедиться, что и в данном вопросе почтенные лидеры отступают, бросая по дороге бухаринский идейный багаж. Правда, н это онн делают трусливо, не по-честному.

В документе тройки говорится, что массовое колхозное движение и широкое развитие практики контрактации «ставят, при снятии системы чрезвычайных мер, вопрос о рыночных отношениях п о-н о в о м у». Слово — «по-новому» авторы документа подчеркивают. Это значит, что они вынуждены отступать от откровенной правооппортунистической линии Бухарина. Но отступают не так, как полагается людям, дорожащим принципиальной честностью в политике.

И тут они еще раз повторяют выдумки на партию, якобы применяющую чрезвычайные меры, как «систему». И тут они бросают тень на партию своим обвинением в том, будто бы она проводит строительство социализма политикой чрезвычайных мер, т.-е. политикой административных репрессий. С другой стороны, вынужденные признать необходимость своего отступления в ставке на «развертывание» рыночных отношений, они пытаются прикрыть провал бухаринской политики оговоркой, что вопрос о рыночных отношениях станет по-новому «п р и с н я т и и системы чрезвычайных мер» (курсив мой. *В. М.*). Оказывается, партия должна прежде «снять» не существующую «систему» чрезвычайных мер, а после этого лидеры правых согласятся «по-новому» поставить вопрос о рыночных отношениях. Ну, не позорно ли для большевиков такое отношение к принципиальным вопросам, к вопросам идейной борьбы? Еще раз приходится сказать, что тт. Бухарин, Рыков и Томский только на словах стоят за нашу политику наступления на кулака. На деле под всякими оговорками они тянут в другую сторону.

Наша политика—н а с т у п а т ь н а к у л а ч е с т в о, пока мы его не доканаем, п о к а м ы е г о н е д о б ь е м, к а к к л а с с о в у ю с и л у. И это наступление на капиталистические элементы обеспечивается всем тем, что делается нами для развертывания индустрии, для поддержки совхозов, для укрепления колхозного движения, для организации бедноты, для нажима на капиталистические элементы по линии налогов, по линии борьбы со всевозможными влияниями кулаков, нэпманов и вредителей в нашем госаппарате и т. д., и т. п. Авторы документа пытаются протащить в замаскированном виде другую линию. В м е с т о п о л и т и к и н а с т у п л е н и я они тянут к п о л и т и к е к а п и т у л я ц и и перед капиталистическими элементами. Что бы после этого не говорилось о «снятии разногласий», мы должны усилить разоблачение правоуклонистской политики капитуляции перед кулаком и нэпманом.

Итак, правые боролись против партии, которая развертывала наступление на капиталистические элементы. В своем документе вы на словах тоже высказываетесь за политику наступления. Но разве с вашими политическими настроениями можно итти в наступление, разве вы можете быть при таком отношении к политике партии хорошими союзниками наступающей армии? Даже нельзя сказать, что вы наступаете в обозе армии. Обоз тоже нужен, но дезорганизаторы в армии не нужны, особенно онн не нужны в штабе армии.

Из сказанного видно, что разногласия с правыми весьма серьезны. Разногласия здесь коренные. Между политикой партии и политикой правых нельзя искать—да и не найдешь—средней линии. Линия партии и линия правых—непримиримы.

Поэтому авторы документа должны додумать свои позиции до конца: либо они должны признать свои ошибки и на деле порвать с правоуклонистской идеологией — либо они покатятся в лагерь врагов партии. Правый уклон ведет в лагерь буржуазного либерализма. Здесь и находятся его корни. Понятно, что партия ведет и будет вести с этим уклоном непримиримую борьбу.

Сравним теперешний пленум с апрельским.

Лидеры правых, как каждому ясно, сделали довольно неуклюжий поворот. Чего только не наговорили Бухарин, Рыков, Томский, Угланов и др. на апрельском пленуме. Сколько тогда мы наслушались от них либеральных фраз. Сколько в их речах было потакания кулаку. Сколько было у них недопустимых выпадов против партии, и как беспомощно ведут они себя сейчас.

Вот пара иллюстраций.

Приведу одно из характерных мест в речи Бухарина на апрельском пленуме ЦК. Тогда он пытался чуть не каждого из нас грешных особенно старательно обмазать грязью, а затем «привести к одному знаменателю». И у него получился такой итог:

> «Итак, то, что проповедывал тов. Пятаков и вся троцкистская оппозиция, то, что тов. Микоян критиковал, как ставку на термидорианство, то, что он называл установкой на капиталистическое развитие, теперь в еще более острой форме проповедуется тов. Сталиным, особенно гениально углублено тов. Куйбышевым и целым рядом других товарищей. А что есть все это с точки зрения нашей борьбы с троцкизмом? Это есть полная идейная капитуляция перед троцкизмом». (Подчеркнуто везде самим тов. Бухариным. *В. М.).*

После этой «замечательной» оценки наиболее «талантливый» и уже во всяком случае наиболее упорный из бухаринцев тов. Розит заметил с места—«правильно».

Следовательно, идеолог правых, тов. Бухарин, на апрельском пленуме не нашел ничего лучшего, как обвинить ЦК в «полной идейной капитуляции перед троцкистами». И вот оказывается: после того, как ЦК полностью «капитулировал» перед троцкистами, лидеры правых нам заявляют теперь: «разногласия снимаются». Значит, и Бухарин с друзьями намереваются скатиться в лоно троцкизма.

Если же вы, авторы вчерашнего документа, хоть сколько-нибудь серьезно заявляете о том, что «разногласия снимаются», то не потрудитесь ли сделать из этих заявлений хоть самых элементарных выводов? Тогда вам придется зачеркнуть речи на апрельском пленуме, и не только эти речи. Тогда вам придется зачеркнуть ваши либеральные декларации и неудачные документы. При таком честном признании своих ошибок вы сможете работать в партии не хуже многих из нас. Подойдите же принципиально, по-большевистски к основным проблемам политики партии и откажитесь от того, что вы наговорили полулиберального, полутроцкистского, правоуклонистского, взятого на прокат из чуждого идейного багажа. И тогда действительно разногласия будут сняты, и все мы будет работать на одной позиции.

На том же апрельском пленуме тов. Угланов выступал с речами, которых лучше бы ему не говорить. Надо же было ему договориться до того, «что у нас качка, а не линия в законодательстве и директивах». А теперь как? Тоже «разногласия снимаются»?

Пока он ясно не признает своих ошибок, в частности, на апрельском пленуме ЦК, у нас не будет ясности в основном вопросе — остается ли он на прежней ошибочной позиции, или не остается. Чем больше ясности в таких вопросах, тем лучше, так как это вопрос не личный,—а принципиальный, не пустяковый, а основной. Мы должны добиваться в таких вопросах полной ясности.

Лидерам правых мы должны сказать об одном их важнейшем грехе. Этот грех свойственен всякой оппозиции, противопоставлявшей себя большевистской партии. Этот грех заключается в неверии в силы пролетариата. В своем последнем документе вы расписались в этом. Вы говорите:

> «У нас была известная ошибочная недооценка тех могучих рычагов воздействия на деревню, которые, в конечном счете, начали перекрывать отрицательные стороны чрезвычайных мер».

Вы вынуждены признать, что «недооценили» силы рабочего класса. Это и называется—на любом языке—неверием в силы пролетариата, неверием в силы революции.

Выступая против лидеров правого уклона на апрельском пленуме, мы всячески старались убедить их в том, что рабочий класс имеет большие возможности для решительного наступления на капиталистические элементы и должен его дружно развернуть. Главными аргументами против правых были аргументы о происшедших классовых сдвигах в стране, об изменившемся соотношении классовых сил и о необходимости в связи с этим покрепче нажать на кулака, усилить организацию бедноты, сплотить бедняцко-середняцкие массы вокруг партии и советов, на основе укрепления производственной смычки с рабочим классом. Рыков, Бухарин и Томский противопоставили этому защиту другой линии. Наше особое преимущество теперь заключается в том, что линия бухаринской оппозиции бита фактами, посрамлена жизнью.

В документе трех сделана попытка обвинить нашу печать в неправильной характеристике взглядов правоуклонистов. Конечно, ошибки бывали. Без этого в практической работе не обходится. Тов. Рыков даже счел удобным прочитать в своей декларации следующее место:

> «Мы не можем не заявить, что система взглядов, развиваемая в газетах и журналах (берутся «газеты и журналы» чуть ли не в мировом масштабе! *В. М.*), как система, якобы разделяемая нами, ни-

чего общего с нашими действительными взглядами не имеет». (Курсив подлинника. *В. М.*).

Если поверить злополучному документу, то оказывается, все газеты и журналы, критиковавшие правоуклонистов, были неправы. Но зато уверены в себе, в своей невинности Рыков, Бухарин и Томский. Ведь это же смехотворная вещь!

Ну, а как быть с решением апрельского пленума ЦК? Существует ли это решение, или это тоже всего лишь одна из статей в указанных «газетах и журналах»?

А как быть с постановлением пленума ИККИ о тов. Бухарине? Нельзя же отнести и это постановление к числу статей « в газетах и журналах»? Разве что на том основании, что постановление ИККИ было опубликовано в газетах!

Мне остается напомнить, что пленум ИККИ единогласно принял решение о тов. Бухарине и что Центральные Комитеты всех компартий единодушно поддержали это решение. Значит, правоуклонистские лидеры — непонятые гении. Можно, конечно, этим утешаться, но кто же этому поверит? Нам не приведено каких-либо оснований, чтобы сомневаться в том, что газеты и журналы в основном выполнили свою обязанность раз'яснения чуждой большевизму идеологии правого уклона.

Теперь придется напомнить и о том, что сказал пленум ИККИ в своей основной резолюции по вопросу о правых и примиренцах. Помнят ли товарищи следующее место из постановления X пленума ИККИ? Прочитаю его:

«Пленум ИККИ считает несовместимым с принадлежностью к компартии защиту отдельными ее членами взглядов правого уклона, осужденного Коминтерном, как течение антипартийного и глубоко враждебного интересам пролетарского революционного движения.

В то же время пленум констатирует, что примиренчество, выступавшее как трусливый оппортунизм, прикрывающее открытое ликвидаторство, скатилось за последнее время по всем основным вопросам коммунистического движения на правые позиции и внутри Коминтерна взяло на себя роль правых. После исключения правых ликвидаторов оно стало центром притяжения всех правых элементов в рядах компартий, рупором всех пораженческих настроений и оппортунистических взглядов. В виду этого пленум ИККИ требует: а) чтобы примиренцы открыто и решительно отмежевались от правых уклонистов; б) чтобы они вели активную борьбу не на словах, а на деле против правого уклона; в) чтобы они беспрекословно подчинялись всем решениям Коминтерна и его секций и активно проводили их в жизнь. Невыполнение одного из этих условий поставит всякого, нарушившего их, вне рядов Коминтерна».

Пусть повнимательнее отнесутся лидеры правых к тому, что сказал пленум ИККИ относительно правых и примиренцев.

Настоящий пленум работает спустя полгода после решения апрельского пленума, осудившего взгляды тт. Бухарина, Рыкова и Томского. Он работает и после решения X пленума ИККИ, снявшего тов. Бухарина из

президиума ИККИ и также осудившего его правоуклонистские взгляды. Несмотря на это, лидеры правых до сих пор—мягко выражаясь—плохо усвоили и явно недооценили эти решения. Такое отношение к высшим органам коммунистического движения совершенно недопустимо.

Надо сказать, что и в практической работе ЦК вопрос о правых приобрел острое значение. Так, например, для ряда практических задач ЦК не мог в последнее время использовать тех товарищей, которые плелись по дорожке правого уклона.

Поставьте перед собой такой вопрос: могли ли мы в течение последних месяцев, самых трудных месяцев заготовок, послать на место кого-либо из правых уклонистов в качестве уполномоченного ЦК по хлебозаготовкам? Не могли. Политбюро этого и не делало. ЦК не мог оказать честь такого поручения правоуклонистам. ЦК не мог доверить правоуклонистам выполнение ответственнейшего поручения по хлебозаготовкам, учитывая, что они не захотят, не сумеют и не проведут то, что партии нужно, и именно так, как этого требуют интересы дела. Поэтому мы не могли итти на посылку представителями ЦК по хлебозаготовкам кого-либо из правых уклонистов. Они и сами не просились. Однако, я вспоминаю, что в начале прошлого года тов. Угланов не плохо заготовлял на Волге. Тогда он не сбился еще на бухаринскую позицию. В этом же году, поскольку он от этой позиции не отмежевался, у нас и не возникало вопроса о командировке тов. Угланова на хлебозаготовки. Думаю, что никто, скажем, из украинцев, уральцев или сибиряков не признал бы посылку правоуклониста в качестве представителя ЦК по хлебозаготовкам за действительную помощь.

Другой пример.

В коминтерновских вопросах лидеры правых не раз играли на руку оппортунистам и ренегатам в иностранных компартиях. Группа Бухарина дала некоторым случайным попутчикам коммунистического движения за границей достаточный повод к надежде на ее помощь в этом отношении. Наглость выступлений против Коминтерна со стороны правых ренегатов в Германии, в Чехо-Словакии, в САСШ, в Швеции и в др. партиях не в малой мере питалась борьбой бухаринской группы против нашей партии. Идеологически же эти элементы питались из мутного источника теории об «организованном» капитализме,— теории, к разновидностям которой относятся и взгляды Бухарина на «организованную бесхозяйственность» в капиталистических странах.

Таковы факты.

О правых пока довольно.

Перейду к «левым».

3. Борьба с „левыми" и их махинации за спиной партии.

Есть новые документы троцкистов, которые получены ЦК только в конце октября. Из этих документов тт. Шацкин, Костров, Авербах и др. могли бы увидеть, между прочим, что Троцкий придавал особое значение

вопросу о влиянии на молодежь и на организации комсомола. В числе директив Троцкого есть специальная директива такого рода:

«Исключительно важно быть в курсе всего, что делается среди комсомола, в частности в его аппарате, в редакции «Комсомольской Правды» и пр. Необходимо выделить для этой работы хорошую группу...» и т. д.

Из этого видно, как нужно внимательно прощупать нам аппарат таких органов, как «Комсомольская Правда». При всем том, что «Комсомольская Правда», несмотря на ряд промахов и грубых ошибок, в некоторых случаях великолепно помогала делу развертывания самокритики, — при всем этом мы должны серьезно учесть наличие директивы Троцкого о посылке «группы» для работы в организациях комсомола. Мы должны очистить все наши организации, и, в частности, комсомольские, от всяких остатков этих контрреволюционных «групп».

Но особенно важен тот документ, в котором фигурирует Каменев. Я говорю о документе с записью разговора Каменева с двумя троцкистами (под инициалами «К» и «П» [1]). Этот разговор был 22 сентября 1928 г., т.-е. уже после того, как Каменев был принят в партию и успел поговорить «по душам» с Бухариным.

Вот как излагается в указанной «записи» беседа троцкистов К. и П. с тов. Каменевым:

«В 1½-часовой речи Л. Б. (Каменев) путем ответов на поставленные вопросы и раз'яснения по вопросам дал следующее определение положения в стране: страна экономически растущая, после 4 урожая вступает в более *острый экономический кризис*. Состояние хлебозаготовок служит показателем, что *мероприятиями предпринятыми кризисного положения не изжить*» [2]).

Такова была общая оценка экономического положения, по Каменеву, в сентябре прошлого года.

Дальше излагается мнение Каменева о чрезвычайных мерах. Вы думаете, он — за чрезвычайные меры? Он — против. Каменев заявляет:

«Чрезвычайные меры истекшего года, проведенные по-дурацки, захватили значительную часть середняцких элементов и даже бедняцких...»

«Если бы правительству и партии пришлось бы поставить вопрос о применении вновь чрезвычайных мер, то с уверенностью можно сказать, что *эти меры бедняцкой частью деревни поддержаны не были бы*».

Видно, что Каменев бедноту замечательно знает!

После этого Каменев подходит, так сказать, к самому существу дела. Он провозглашает:

---

[1]) Теперь стало точно известно, что эти «К» и «П» никто иные, как первый («К») — недавно вновь принятый в партию бывш. троцкист Каплинский, а второй («П») — Переверзев, до сих пор остающийся в троцкистском лагере. — *В. М.*

[2]) Курсив в этой и следующих дальше выдержках из «записи» мой. — *В. М.*

«Руководство довело страну до такого положения, когда *мер хозяйственного порядка, способных вывести страну из кризиса*, и своими собственными средствами *уже нет*. Применение снова чрезвычайных мер в данное время было бы величайшей ошибкой (а мы-то, не зная заклинаний Каменева, сколько наделали еще таких «величайших ошибок» *В. М.*), создало бы положение, при котором крестьянское население может перейти к нежелательным методам борьбы за хлеб».

Мы знаем теперь хорошо и об этих «нежелательных методах борьбы за хлеб». Как будто теперь уже никто не может отрицать факта массовой коллективизации.

Но дочитаю до конца отрывок, характеризующий суть каменевской политической «установки». Вот основные выводы Каменева:

«*Единственно возможными мерами* в данный момент *являются меры политического порядка*, т.-е. *смена руководства*, выпрямление линии в направлении большей классовой четкости, с разработкой ряда мер с длительными сроками проведения, политической мобилизации масс, активизации их».

Конечно, вся приведенная мною в конце цитаты словесность насчет «мобилизации масс», «активизации их» и т. п., все это здесь только «для красного словца». На деле существо взглядов тов. Каменева в сентябре прошлого года из этого отрывка выглядит весьма тускло — тускло, как у настоящего буржуазного либерала. В его декламации насчет необходимости новых мер «политического порядка» нельзя не услышать призыва к срыву большевистской политики и замаскированных тенденций к буржуазной демократии.

После этого понятно, и то, что говорится в цитируемой «записи» об отношении Каменева к Троцкому. В документе об этом сказано буквально следующее:

«Дальше Л. Б. (Каменев) заявил, что *оценка июльского пленума ЦК, данная Л. Д. Троцким, абсолютно верна*».

Значит, войдя вторично в большевистскую партию, тов. Каменев рассуждал как троцкист, а не как большевик. Здесь с места говорят: «как «молодой» член партии»! Да, как — молодой член партии, если считать «по новому стилю».

Придется читать еще кое-что из этого любопытного документа. Как не прочитать, например, того, что, по словам К. и П., тов. Каменев считал выходом из создавшегося положения. Об этом в «записи» говорится следующее:

«*Выходом* из этого положения Л. Б. (*Каменев*) *считает вхождение в партию, постепенное занятие ответственных советских и профессиональных должностей*».

Написано, по-моему, ясно, комментариев к этому не требуется.

Судя по тому, что сказано в «записи», у Каменева и после возвращения в партию остается камень за пазухой. В «записи» сказано дальше буквально следующее:

«*Кризис зреет, и когда он дойдет до известного предела, мы об этом скажем, заявим партии и рабочему классу. В настоящее же время* надо принять меры к тому, чтобы *работать вместе*».

Из последующей записи разговора видно, что Каменев не имел намерения рвать с троцкистами.

Находившийся же при разговоре тов. Шаров (тоже бывший троцкист из ленинградцев) не нашел ничего лучшего, как подбодрить троцкистов:

«Присутствующий Шаров заметил, что уже имеются случаи, где ихних единомышленников проводят даже в бюро ячеек, что доказывает *жизненность наших взглядов* в партии».

Пожалуй, это кое-что доказывает, но совсем не то, что думал Шаров. Это доказывает излишнюю доверчивость к бывшим троцкистам у некоторых наших организаций.

О Троцком Каменев наговорил 22 сентября совсем уж неумные вещи. В «записи» сказано так:

«Дальше Каменев говорит, что Л. Д. (*Троцкому*) *следовало бы теперь подать документ*, в котором надо сказать: *зовите, мол, нас, вместе будем работать*».

«Но Л. Д. (*Троцкий*) человек упорный, он не сделает этого и *будет сидеть в Алма-Ата до тех пор, пока за ним не пришлют экстренный поезд*, но ведь, *когда этот поезд пошлют*, положение в стране будет таким, что *на пороге будет стоять Керенский*»!

Прочитаю дальше мнение Каменева о троцкистской оппозиции. Каменев заявил пришедшим к нему троцкистам:

«*Приходится сожалеть, что произошел разрыв. Жизнь подтвердила все положения оппозиции. Диагноз, поставленный оппозицией, абсолютно верен*».

Следовательно, Каменев и после обратного прихода в большевистскую партию остался троцкистом. Во всяком случае, об этом говорит вся его беседа с троцкистами в сентябре прошлого года.

«Запись» кончается следующей фразой:

«Уходя от Каменева, *товарищи получили приглашение заглядывать на огонек*»!

Вот для кого «огонек» у Каменева.

Я не читал всего документа, но и прочитанного достаточно. Тов. Бухарин, как известно, бегал к тов. Каменеву, но из его блока с Каменевым ничего не вышло. Каменев остался Каменевым, и после возвращения в партию он тянулся к Троцкому. Это — нам урок. Я думаю, что руководящие органы и вся партия не могут пройти мимо этого документа.

В конце концов, в партии могут быть отдельные разногласия, которые нужно изживать, но прочитанный документ говорит не об отдельных разногласиях, а о прямой поддержке борьбы троцкистов против партии. Иначе,

как поддержкой врагов партии, эти переговоры Каменева с троцкистами назвать нельзя. Это — троцкистские махинации за спиной партии.

Но помимо этого надо внимательнее всмотреться в сущность политических взглядов Каменева, как они изложены в этой «записи». Характерно заявление т. Каменева о том, что, в виду создавшегося кризиса, экономические мероприятия недостаточны, что выход в «мерах политического порядка». Так и торчат из этих слов уши «неонэпа», уши глашатая «политического нэпа», уши пророка буржуазной демократии, уши буржуазного либерала! Смысл рассуждений Каменева ясен: смять политику развернутого наступления на капиталистические элементы — вот их подлинный смысл. Но, ведь, это только и снится всем и всяким либеральным буржуа.

* * *

Мы должны теперь сделать еще один *общий* вывод. Этот вывод касается правых и «левых» вместе. И те, и другие, в конце концов, тянут к одному и тому же. В условиях обостренной классовой борьбы, когда рабочий класс приступил к коренной переделке экономики страны, выкорчевывая корни капитализма в самом глубоком его убежище — в деревне, — в этих условиях как правые, так и «левые» шатания, как те, так и другие оппортунистические колебания в проведении генеральной большевистской линии ведут к одному и тому же: эти колебания ведут к срыву наступления и на практике означают капитуляцию перед усилившимися контратаками классового врага. К заявлениям о согласии с генеральной линией партии, исходят ли они от Бухарина и его сторонников или от Каменева и его политических друзей, мы должны отнестись с одинаковым недоверием, если это согласие не подкреплено безоговорочной поддержкой политики партии на деле, на практике.

Сейчас мы переживаем один из самых важных, из самых ответственных периодов революции. Наметился *перелом* в решающем деле, в социалистической перестройке крестьянского хозяйства. В колхозное движение вовлечена значительная часть бедноты. С каждым днем мы видим в этом отношении новые и новые успехи. Но особенно важно сейчас отметить, тот факт, который очень ярко подчеркнул тов. Сталин в «Правде» в статье к 12-й Октябрьской годовщине. Этот факт заключается в том, что *середняк двинулся в колхозы*. Это один из важнейших итогов последнего периода.

С тех пор, как середняцкая масса повернула в русло колхозного движения, начался новый период нашей революции, период огромного международного значения. Этот перелом в настроениях середняка означает многое. Этот перелом означает, что мы получаем теперь у широких крестьянских масс доверие не только к элементарным основам советской политики вообще, как *политики защиты интересов трудящихся масс*, но именно к советской политике, как *политике социализма*. В переломе настроений в середняцкой массе сказывается перелом в отношении середняка к социализму, к перестройке деревни на социалистический лад. Отныне идеи социализма начинают захватывать и подлинные бедняцко-серед-

нацкие массы деревни. Сознательность в борьбе за социализм уже в первые годы советской власти глубоко проникла в рабочие массы. Теперь эта сознательность начинает овладевать на деле массами деревни. Как ни много трудностей придется нам еще преодолевать на этом пути, как ни длительна наша работа по раз'яснению задач строительства социализма в деревне (да еще и в самом городе), — мы уже вышли на широкую дорогу социалистической переделки всего хозяйства, на широкую дорогу социалистического производства не только в городе, но и в деревне.

Мы и раньше знали, что при всех колебаниях доверие широких крестьянских масс к основам советской политики было огромным, но эти основы советской политики до последнего времени не были еще по-настоящему раскрыты для миллионов трудящихся деревни. Теперь в этом отношении наступил перелом, и это — величайшая победа рабочего класса и партии. Этот перелом в крестьянских массах имеет решающее значение для дела упрочения фундамента социализма в нашей стране. Тем самым с огромной силой будет расти международное значение СССР и его роль в революционном свержении мирового капитализма.

В этих условиях оппортунистические шатания должны встретить особенно дружный отпор. Партия всегда давала этот отпор, а теперь с особой сокрушительной силой дает этот отпор оппортунистам, правым и «левым».

Лидеры правых представили нам документ, о котором здесь уже сказано достаточно. Это — документ фальши, лицемерия и двурушничества. Никого в партии он удовлетворить не может. Это не документ о прекращении борьбы против партии, а документ для продолжения этой борьбы. Пленум должен из этого сделать свои выводы.

Апрельский пленум не только осудил взгляды правоуклонистских лидеров, но и сделал им предупреждение. После этого сказал свое слово ИККИ. Теперь мы должны провести необходимые меры организационного порядка для того, чтобы освободить штаб партии от неисправимых правоуклонистов. Это необходимо в интересах революционного дела, в интересах партии. Тем, кто признавал свои принципиальные ошибки, партия всегда давала возможность участвовать в общей работе с полной активностью, тем же, кто запутался в основных вопросах политики и продолжает путаться в ногах рабочего класса, идущего во главе развернутого наступления на классовых врагов, тем Центральный Комитет должен указать их место.

Партия равняется не по гнилым оппортунистическим элементам, а по сплоченным рядам бойцов пролетарской революции.

Ник. Карев.

К вопросу о теоретических корнях правого уклона.

Статья первая.

Во время дискуссии о профсоюзах в брошюре, направленной против ошибок Троцкого и тов. Бухарина, тов. Ленин писал:

> «К числу многочисленных ценнейших качеств тов. Бухарина принадлежит его теоретическая способность и интерес к тому, чтобы доискиваться теоретических корней во всяком вопросе. Это очень ценное качество, ибо нельзя вполне уяснить себе никакой ошибки, в том числе и политической, если не доискаться теоретических корней ошибки у того, кто ее делает, исходя из определенных, сознательно принимаемых им, положений» [1]).

Это замечание Ленина как нельзя более своевременно вспомнить теперь. В своих оппортунистических выступлениях тов. Бухарин, несомненно, исходил из определенных, сознательно им принимаемых, теоретических положений. И если верно, что всякая политическая ошибка имеет некоторые теоретические основания у того, кто делает ее, исходя из тех или других сознательно им принимаемых положений, то тем более мы должны искать таких оснований в том случае, если налицо есть особая ошибочная политическая линия.

То обстоятельство, что лично тов. Бухарин признал ряд своих ошибок, не должно помешать их теоретическому разбору. Тот факт, что защитник тех или иных неправильных взглядов отказывается от них, не исключает необходимости бороться против самих этих взглядов. Правый уклон и его идеология для настоящего времени остаются основной опасностью в нашей партии. Изучение и критика теоретических корней политической линии, развивавшейся идеологами правого уклона, представляет одно из существеннейших средств преодоления этой линии и теоретического воспитания партийных кадров.

Там, где налицо ошибочная линия, мы вправе поставить своей задачей попытаться вскрыть логику ошибок этой линии, отделить то, что является случайным отступлением от правильной позиции, от того, что обусловлено недостатками самой политической методологии данного политика или теоретика. Политическая же методология непосредственно смыкается с общетеоретическими, т.-е., в конечном счете, с философскими воззрениями.

В отношении тов. Бухарина это тем более необходимо, что он сам дал систематическое изложение своих общетеоретических воззрений. В первую очередь мы имеем в виду его «Теорию исторического материализма».

1. Материалистическая диалектика и теория равновесия тов. Бухарина

Марксизм Маркса, Энгельса и Ленина есть целостное мировоззрение, охватывающее собой все более и более всю совокупность человеческого знания. Решающее в марксизме, стальной стержень его образует марксистский метод — материалистическая диалектика.

[1]) Н. Ленин, Сочин., т. XVIII, ч. 1, стр. 58.

В статье, посвященной переписке между Марксом и Энгельсом, Ленин, характеризуя самое существенное в марксизме, писал:

«Если попытаться одним словом определить, так сказать, фокус всей переписки, тот центральный пункт, к которому сходится вся сеть высказываемых и обсуждаемых идей, то это слово будет **диалектика**. Применение материалистической диалектики к переработке всей политической экономии, с оснований ее — к истории, к естествознанию, к философии, к политике и тактике рабочего класса, — вот что более всего интересует Маркса и Энгельса, вот что они вносят наиболее существенное и наиболее новое, вот в чем их гениальный шаг вперед в истории революционной мысли» [1]).

«Только философский материализм Маркса, — писал в другом месте Ленин, — указал пролетариату выход из духовного рабства, в котором прозябали доныне все угнетенные классы» [2]). Ленин неоднократно утверждал, что правильное понимание тех или других стратегических и тактических проблем, стоящих перед партией рабочего класса, возможно только с точки зрения «**философии** и политики марксизма» [3]).

Естественно поэтому, что и рассмотрение теоретических воззрений тов. Бухарина мы должны начать с его философских, общеметодологических положений с тем, чтобы затем перейти к его теории классов и учению о классовой борьбе в переходный период.

Прежде всего следует отметить некоторую неточность уже в том, как тов. Бухарин определяет самую сущность марксизма, его основу. В статье, посвященной Ленину как марксисту, тов. Бухарин, характеризуя Маркса, писал:

«Ведь недаром на вопрос о том, что составляет душу марксистского учения, Маркс отвечал, вопреки очень многим, — когда я говорю очень многим, я подразумеваю даже и тех, которые сейчас считаются марксистами, — Маркс отвечал вопреки очень многим, что его учение состоит не в учении о классовой борьбе, потому что это было известно и до него, а его учение состоит в том, что общественное развитие неизбежно приводит **к диктатуре пролетариата**» [4]).

Верно, что «душу» теории классовой борьбы Маркса представляет учение о диктатуре пролетариата. Тот, кто не приемлет его — не марксист. Но одного указания на учение о диктатуре пролетариата недостаточно для определения «души» марксовского учения в целом. Ведь марксизм представляет собою целостное мировоззрение, дающее не только методологию изучения общественных отношений, но и методологию изучения природы. Он находит себе применение не только при изучении капиталистического общества. Поэтому, характеризуя сущность марксизма ни в коем случае нельзя отвлечься от его философских основ, чтобы не открыть двери всевозможным с.-д. путаникам, которые стремятся истолковать марксизм как только общественно-историческую теорию и сочетать его со всевозможными видами буржуазной философии от Канта до Маха.

Во-вторых, давая развернутую характеристику учения Маркса о классовой борьбе, нельзя ограничить его установлением необходимости диктатуры пролетариата. Маркс в письме Вейдемейеру писал:

«Что касается меня, то мне не принадлежит ни заслуга открытия классов в современном обществе, ни заслуга открытия их борьбы между собой. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы, в буржуазные экономисты — экономическую анатомию классов. То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими формами борьбы, свойственными развитию производства; 2) что классовая борьба

---

[1]) **Ленин.** Маркс, Энгельс, марксизм. Гиз, 1925 г., стр. 89—90.
[2]) Там же, стр. 45.
[3]) **Ленин.** Соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 382.
[4]) Н. **Бухарин.** Атака. Гиз, стр. 245.

неизбежно ведет к диктатуре пролетариата; 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к установлению общественного строя, в котором не будет места делению на классы» [1]).

Таким образом, Маркс говорит, что **то новое, что он внес в учение о классовой борьбе** состоит **не только** в доказательстве неизбежности диктатуры пролетариата, но и в том, что сама эта диктатура составляет лишь переход к уничтожению всяких классов. Учение о диктатуре пролетариата, как орудии уничтожения классов вообще — вот действительная «душа» теории классовой борьбы Маркса.

В «Теории исторического материализма» тов. Бухарин называет «основой основ» марксистской теории исторический материализм. Но это также не точно, как и его характеристика «души» марксовского учения. «Основу основ» марксистского учения представляет диалектический материализм или современный материализм Маркса, как его иногда называет Ленин. Материалистическое понимание истории есть, по Ленину, лишь «последовательное продолжение, распространение материализма на область общественных явлений» [2]). Диалектический материализм есть **не одна из глав** исторического материализма, не частный вопрос его, а как раз действительная «основа основ» марксистской теории.

Там, где речь заходит о марксистской философии, тов. Бухарин неизменно обнаруживает нерешительность в характеристике ее задач. На ряду с удачной защитой материализма в ряде своих работ (напр., в «Енчмениаде») в то же время тов. Бухарин никак не может уловить ее предмета, как науки [3]). То она должна быть «наукой наук», «об'единять науку, разорванную (?) на множество специальностей», то она должна «пытаться» «свести концы с концами» (!!), быть скрепой (??) всего, что известно, быть фундаментом «общего взгляда на мир (так называемого «мировоззрения»)» [4]), то она должна брать вопросы, которые в специальных науках «не очень-то (!!) разбираются» (стр. 198—199), то она призвана **на ряду с религией** быть «условием равновесия» между науками, «скрепой всех «знаний» и «ошибок» (стр. 185).

Но все это — «наука наук», «скрепа» между науками, «условие равновесия» всех «знаний» и «ошибок» (??!!) — бьет мимо цели, не выражает того, что столь ясно формулировали Энгельс и Ленин, как задачу философии — быть учением о мышлении, включающем формальную логику и диалектику. Понятно, речь идет здесь не о «критике чистого разума» в духе Канта, а о методологии, логике познания, включающей в себя и то, «что ныне зовут теорией познания, гносеологией, которая должна рассматривать свой предмет равным образом исторически, изучая и обобщая происхождение и развитие познания, переход от незнания к познанию» [5]).

Философия — не «наука наук» и не внешняя «скрепа» их результатов. Современная наука сама, частью сознательно, частью еще стихийно-диалектически, преодолевает все более и более обособленные свои специальности и устанавливает связь, единство между ними. Философия — не условие

---

[1]) Исторический материализм. Сб., составленный Адоратским и А. Удальцовым, 1924 г., стр. 89.
[2]) **Ленин.** Маркс, Энгельс, марксизм, стр. 15.
[3]) Мы не касаемся здесь тех **странных** характеристик, которые раздает тов. Бухарин в своем очерке **истории философии**. Отметим только его характеристику греческой философии начиная с Гераклита как «оторванного от жизни умствования», бесплодного «философского высасывания из пальца» («Теория исторического материализма», Гиз, 1929 г., стр. 201, 210) — это той самой философии, которую Энгельс и Ленин призывали неустанно изучать, как важнейшую ступень в развитии науки и человеческой мысли вообще.
[4]) Почему «так называемого», и почему «мировоззрения» взято в кавычки — остается неясным.
[5]) **Ленин.** Маркс, Энгельс, марксизм, стр. 13.

равновесия знаний и ошибок (?), так как наука постоянно движется вперед и материалистическая диалектика является именно орудием ее теоретической самокритики, преодоления в ней религиозных, идеалистических, механистических и проч. предрассудков. Это — метод, практически подтверждаемый и проверяемый каждым шагом научного исследования и классовой борьбы.

Он предполагает определенный ответ на вопрос о соотношении мышления и бытия, на вопрос о познаваемости мира,— философский материализм, и в своем практическом применении постоянно подтверждает его.

Именно поэтому диалектика и есть фокус, центральный пункт, как говорит Ленин, марксизма.

Неправильно оценив значение материалистической диалектики, тов. Бухарин и пришел к той гибельной для себя ошибке, что можно оставаться последовательным, «наиболее (?!) ортодоксальным»[1]) марксистом, «отступив от обычной (т.-е. марксовской. *Н. К.)* трактовки вопроса» именно в этом пункте.

Два «новшества» хочет ввести тов. Бухарин в этом отношении: во-первых, заменить материалистическую диалектику теорией равновесия и, во-вторых, отождествить механическое с органическим в нашем миропонимании. К разбору этих «новшеств» мы сейчас и перейдем.

* * *

Обоснование своей попытки истолковать и исправить материалистическую диалектику в духе «теории равновесия» тов. Бухарин дает в статье «К постановке проблем теории исторического материализма»[2]). Что побудило вступить его на этот столь зыбкий путь?

Тов. Бухарин исходит из самых лучших — для марксиста — побуждений. Идеалисты и ревизионисты всех мастей, во главе с растленным «австромарксизмом», пытаются оторвать марксистскую диалектику от реальности, превратить ее в чисто мыслительную конструкцию, ничему не соответствующую в материальном мире. Совершенно очевидно, что в противовес им нужно вскрывать «материальный корень диалектики». Однако, на этом и заканчивается положительная сторона добрых намерений тов. Бухарина. А как известно, и по отношению к философии действительна старая поговорка, что добрыми намерениями часто бывает вымощена дорога в обитель идеализма и метафизики.

Мало сказать, что надо «вскрыть материальный корень диалектики». Надо выяснить, как это делать. И с этого, именно, пункта начинаются злоключения тов. Бухарина.

Вскрывать материальный «корень» диалектики по тов. Бухарину значит находить в формах движущейся материи то, чему «соответствует» «диалектическая формула Гегеля». Что же ей соответствует, согласно тов. Бухарину?

> «Непрестанное столкновенне сил, распад, рост систем, образоаание ноаых и нх собственное двнженне, — другнмн словами, процесс постоянного нарушеиия равновесня, его восстановления на другой основе, нового нарушення и т. д., — вот что реально соответствует гегелевской триединной формуле. Что «нового» вносит это толкованне? По сущестау, это то же самое. Но адесь указывается иа матерввльный процесс н иа двнженне материальной формы. Другнмн словвми, здесь — дналектика материального становлення, идеально выражвемая гегелевской триадой»[3]).

---

[1]) См. Н. Бухарин. Теория историческото материализма, нзд. 7-е, стереотипное. Гиз, 1929 г., стр. 6. В дальнейшем мы, цитируя это издание, будем сокращенно писать: «Т. н. м.».

[2]) См. Н. Бухарин. Атака. Гиз, 1924 г., стр. 116—118.

[3]) Н. Бухарин. Атака, стр. 117.

Какие же преимущества дает такое истолкование материалистической диалектики? Как относится оно к тому, как «вскрывали материальный корень диалектики» ее основоположники Маркс и Энгельс?

На этот вопрос тов. Бухарин дает хотя и не совсем прямой, но все же, в конечном счете, не допускающий никаких сомнений, ответ.

> «Маркс н Энгельс освобождали диалектику от ее идеалистической
> шелухи в действии (подчеркиуто тов. Бухарнным *Н. К.*)... при исследо-
> ванин различных областей природы и общества». Сейчас же «речь идет о
> теоретнческо-систематнческом нзложеннн этого метода и его такого же теоре-
> тического обосиования (курсив иаш. *Н. К.*). Это и дается теорией
> рааноаесия».

И далее тов. Бухарин добавляет:

> «Теория рааноаесня имеет, кроме того, еще один немалоаажный аргу-
> мент за себя: она освобождает мировоззрение от телеологического
> привкуса, иензбежно связанного с гегелевской формулировкой, которая по-
> контся иа саморазвитии «духв». Вместо эволюцнн (развнтия) и толь-
> ко эволюцин, она позволяет вндеть также случан разрушения мате-
> риальных форм. Тем самым оиа является и более общей и очищен-
> ной от ндеалнстическнх элементов формулировкой законов
> даижущнхся материальных систем»[1]).

Итак, дело ясное. Маркс и Энгельс не дали теории и обоснования диалектики. Они освободили ее от идеалистической шелухи только «в действии», в своих работах, касающихся конкретного исследования различных областей природы и общества. С «гегелевской формулировкой» диалектики, которой в общетеоретическом, а не прикладном разрезе, очевидно, не были чужды Маркс и Энгельс, неизбежно связан «телеологический привкус». Преодолеть его и должна теория равновесия.

Если развернуть то, что заключено в этих формулировках в зародыше,
в неразвитом виде — речь идет, само собой разумеется, о логике точки
зрения, а не о суб'ективных намерениях тов. Бухарина, — то можно сделать
следующий вывод: Маркс и Энгельс не преодолели оконча-
тельно гегелевского идеализма. Отсюда телеологиче-
ский привкус в ряде их формулировок. Они не обосно-
вали материалистически диалектику, не раскрыли в общетеоре-
тической постановке проблемы ее материальных корней. Сделать это только
и может теория равновесия.

Таким образом, скажем еще резче, Маркс и Энгельс, «упустив из виду живой, реальный смысл диалектики, потеряли возможность об'яснить» отдельные ее законы теоретически-систематически. А последнее есть слово в слово заявление настоящего творца теории равновесия... А. А. Богданова[2]).

В «новизне» тов. Бухарина давно известная старина слышится — «оригинальная попытка преодоления философии»[3]) А. А. Богданова. Богданов ведь тоже пытался критиковать Энгельса с якобы реалистической точки зрения.

Правильно будет сказать, что тов. Бухарин находит в Богданове своего Гегеля. «Тектология» заменяет ему «Науку логики». Диалектику он принимает и понимает так же, как ее принимает и понимает в своей «организационной диалектике» А. Богданов. Разница заключается в том, что Богданов прямо выступает против Маркса и Энгельса, стремясь дать свое «об'яснение» их методу, в то время как тов. Бухарин хочет по-богдановски «обосновать» его. Разница заключается и в том, что в то время как Богданов хочет

---

[1]) Атака, стр. 118.

[2]) Ср. А. Богданов. Философия живого опыта, изд. 3, стр. 248.

[3]) Так тов. Бухарин характеризует в «Т. и. м.» «Тектологию» Богданова, не находя для нее ни слова критики (стр. 85).

преодолеть своей теорией равновесия и идеализм, и материализм (на деле являясь идеалистом чистейшей воды), тов. Бухарин хочет соединить материализм и богдановскую теорию равновесия, становясь независимо от своей воли на эклектическую позицию.

Что же обещает дать теория равновесия?

Каковы ее основные положения?

По видимости она дает простое и якобы реалистическое понимание мира, его противоречий и движения. Мы вскоре, однако, убедимся в том, что это только по видимости.

Из приведенного уже ранее «обоснования» тов. Бухариным «гегелевской триединой формулы» мы знаем, в чем он видит сущность теории равновесия.

Весь мир есть арена столкновения различно действующих, направленных друг против друга сил. В определенные моменты они уравновешивают друг друга на некоторое время. Таким образом, возникают всевозможные системы их равновесия. Но стоит только одной из сил измениться, как сейчас же обнаруживается различная направленность этих сил друг в отношении друга; равновесие нарушается для того, чтобы смениться новым равновесием при другом их сочетании. «Что же отсюда следует? Отсюда и следует, что «противоречия» (кавычки тов. Бухарина), т.-е. антагонизм различно направленных сил и обуславливают движение» [1].

Ритм этого движения, как мы видим, таков: равновесие — нарушение его — равновесие на новой основе. Тезис — антитезис — синтез. По тов. Бухарину, именно «этот-то характер движения всего сущего, укладывающийся в трехчленную формулу (триаду) Гегеля и назвал диалектическим» [2].

Заслугу теории равновесия тов. Бухарин видит в том, что она делает возможным «переложить «мистический», как Маркс его назвал, язык гегелевской диалектики на язык современной механики» (Курсив наш. *Н. К.*).

Естественно, что с этой точки зрения для тов. Бухарина должно исчезнуть различие между механическим и органическим.

Одним из своих «новшеств» в теории исторического материализма тов. Бухарин считает устранение противопоставления понятий органического и механического [3]. Тов. Бухарин подчеркивает при этом, что он имеет в виду современную механику. Однако, и в этом «новшестве» он не оригинален. Все тот же Богданов отожествлял также свою «организационную» точку зрения с механистической, и даже не в смысле только точки зрения современной механики, а в смысле научного познания строения различных «систем» в современных физике и химии вообще [4]. Но тов. Бухарин, конечно, совершенно прав, что теория равновесия исключает различие между органическим и механическим.

Если нашим исходным пунктом в рассмотрении явлений и предметов природы является некоторое «первоначальное состояние равновесия» различно направленных сил, то отсюда необходимо следует, что изменение состояния равновесия «системы» может быть лишь результатом воздействия на нее извне. «Внутреннее строение системы (внутреннее равновесие) должно изменяться в зависимости от того отношения, которое существует между системой и средой. Отношение между системой и средой есть решающая величина». «Внутреннее (структурное) равновесие есть величина, зависимая от равновесия внешнего (есть «функция» этого внеш-

[1]) «Т. и. м.», стр. 75.
[2]) Там же, стр. 76.
[3]) Атака, стр. 116—117.
[4]) А. Богданов. Очерки всеобщей организационной науки, стр. 52.

него равновесия)» [1]. «Соотношение между системой и средой есть величина, определяющая в конечном счете движением любой системы» [2].

Речь всюду здесь идет о величинах, т.-е. о чисто-количественном учете всех изменений системы. Развитие есть налицо для тов. Бухарина, когда «противоречие между средой и системой количественно (курсив мой. *Н. К.*) стало другим» [3].

К какому же подходу в изучении предмета обязывает такое миропонимание?

Раз всякий предмет мы рассматриваем, как «систему подвижного равновесия», то каждый раз, когда мы приступаем к его изучению, мы должны спросить себя, как возможно это равновесие? Каковы его условия? Отыскание условий возможности равновесия предмета и есть задача науки. Отсюда государство для т. Бухарина есть условие равновесия между классами («Тим», стр. 163), философия и религия, как мы видели,— условие равновесия между науками и т. п. Почти каждую свою теоретическую работу тов. Бухарин начинает с вопроса, — как возможно данное равновесие в данных условиях, и затем ищет, чем нарушается это равновесие со стороны той среды, в которой оно осуществляется.

Дело другое, что тов. Бухарин не замечает, что его метод подыскивания условий для обоснования возможности существования данного предмета есть кантовский метод. Именно, Кант, этот величайший философ прусского мещанства, обосновывая свой идеализм в учении о познании, исходил из того, что даны математика и естествознание, как науки о природе, — как они возможны. Гениальный шаг вперед, сделанный Гегелем в истории человеческой мысли, и заключался как раз в том, что он попытался, хотя и недостаточно последовательно, перейти от данного — к истории.

Но что историзм Гегеля, когда есть Богданов!..

Итак, мы изложили основные положения теории равновесия в изложении тов. Бухарина. На первый взгляд они подкупают своей стройностью, доступностью и «реалистичностью». Это не сложные, исчерченные переплетающимися узорами, готические постройки Гегеля, охватывающие в своем единстве бесконечное многообразие явлений и переходов. Здесь все заключено в первом же слове — равновесии и не представляет никаких затруднений для усвоения его при помощи «здравого смысла», этого, по словам Гегеля, вместилища всех предрассудков своего времени.

Внушает лишь некоторое беспокойство родословная теория равновесия. Сколь ни близок механистам и теории равновесия Кант, со своим лозунгом «во всякой науке столько науки, сколько математики», но все же это — эклектик и, в конечном счете, идеалист. Как ни упрекает Энгельса Богданов за пережитки гегелевской схоластики и идеализма, но все же — идеалист-то сам Богданов. Ведь и печальной памяти (для пролетариата) Э. Бернштейн, тоже в качестве одного из основных своих упреков направлял против революционной точки зрения Маркса и Энгельса то, что они не преодолели окончательно Гегеля.

Осуществим ли принципиально замысел тов. Бухарина — материализовать богдановскую «организационную науку», стержень которой представляет теория равновесия?

В «Экономике переходного периода» тов. Бухарин писал, что он принимает богдановскую терминологию, на что Ленин ответил, что на деле-то

[1]) «Т. и. м.», стр. 80—81.
[2]) Атака, стр. 119.
[3]) «Т. и. м.», стр. 78.

получается подражание вовсе не богдановским терминам, а философским ошибкам[1]).

Но, как ни плоха родословная теории, окончательную оценку ей должно дать рассмотрение самих ее основных положений, выводов, из них необходимо следующих, практическая проверка теории.

* * *

Начнем с рассмотрения того, в чем видит тов. Бухарин сущность диалектики, обосновывая теорию равновесия. Для того, чтобы дать теоретическое обоснование диалектике, надо твердо уяснить себе, что такое диалектика. К сожалению, однако, из того, что мы уже приводили раньше, видно, что тов. Бухарин понимает диалектический метод совершенно превратно. Сущность гегелевской диалектики он видит в «триединой формуле»: «тезис—антитезис—синтез». Но, даже по отношению к идеалистической диалектике Гегеля, это схематическое, формальное, пустое, скажем резче — схоластическое ее понимание. Гегель (не говоря уже о Марксе, Энгельсе и Ленине) никогда не видел сущности диалектики в триаде. В своей «Феноменологии духа» Гегель писал, что тройственная схема, которую применял уже и Кант, есть сама по себе — нечто безжизненное и не научное. В «Науке логики» Гегель писал, что «вся форма метода — троичность (курсив Гегеля) — есть лишь совершенно поверхностная внешняя форма способа познания» (курсив мой. Ленин в своем конспекте Гегеля выписывает это место и ставит nota bene против него. *Н. К.).*

Видеть в «триаде» суть диалектики это значит отказаться от диалектики. Ибо суть диалектики, живой нерв ее составляют отрицание всякого схематизма, конкретно-историческая точка зрения. «Триада» может быть лишь результатом исследования, а не схемой, под которую подгоняется оно. Поэтому же на полях «Экономики переходного периода», там, где Бухарин говорит о «диалектическом отрицании», Ленин замечает: «Автор злоупотребляет словом «диалектическое отрицание; нельзя употреблять его, не доказав сначала фактами, осторожно» [2]). А триада и есть «отрицание отрицания». «Диалектическое отрицание» должно быть вскрыто при помощи диалектического метода в изучении самого предмета. Оно должно быть раскрыто, как момент его реального движения. Законы диалектики — не нами привносимые схемы и не потусторонние «сущности», которые наподобие магического философского камня все могут сами собой об'яснить,—и то, и другое схоластика!—а отражения в нашем сознании различных форм движения материи, позволяющие нам познавать ее в ее всевозможных изменениях и всесторонней связи.

> «Диалектика есть учение о том, как могут быть и как бывают (как становятся) тождественными противоположности,— при каких условиях они бывают тождественны, превращаясь друг в друга, — почему ум человека не должен брать эти противоположности за мертвые, застывшие, а за живые, условные, подвижные, превращающиеся одна в другую» [3]).

Раскрывая это, не имеющее себе равного по глубине и точности определение диалектики, Ленин указывает, что она обязывает нас при изучении всех предметов и явлений мира ставить два основных требования — показать:

[1]) XI Ленинский сборник, стр. 356, 401.
[2]) XI Ленинский сборник, стр. 378.
[3]) IX Ленинский сборник, стр. 69.

1. Необходимую связь, об'ективную связь всех форм, сил, тенденций и т. д. данной области явлений.

2. «Имманентное происхождение различий» — об'ективную, внутреннюю логику развития предмета, различий, полярности в нем [1]).

Можно ли материалистически «обосновать» эти требования, это понимание диалектики с точки зрения тов. Бухарина?

Ответ на этот вопрос и есть «решающий опыт» для всей его теории.

Прежде всего диалектика иначе понимает соотношение между покоем, равновесием и движением, чем теория равновесия.

Тов. Бухарин не мог знать ленинских конспектов «Науки логики» Гегеля, когда писал свою «Теорию исторического материализма» [2]), но он знал, конечно, «Анти-Дюринга» Энгельса. А уже в «Анти-Дюринге» Энгельс дал исчерпывающий ответ на общий вопрос о соотношении равновесия и движения. «Покой и равновесие, — писал Энгельс, — там, где они имеют место, являются результатами ограниченного движения». «Всякий покой, всякое равновесие только относительны, имеют смысл только по отношению к той или другой форме движения» [3]). Если первая половина этого положения Энгельса может быть принята и тов. Бухариным, поскольку и он признает относительность всякого равновесия, то вторая половина бьет прямо по нему.

Движение абсолютно, вечно, присуще всякой материи, равновесие есть лишь результат ограниченного движения, — вот точка зрения Энгельса. Поэтому, с точки зрения Маркса, Энгельса и Ленина изучение предмета есть не изучение условий равновесия предмета, а изучение закона его движения, по отношению к которому равновесие есть лишь момент в нем.

Поэтому для Маркса задачей политической экономии в отношении капиталистического общества является изучение его производственных отношений «в их возникновении, развитии и гибели». Для тов. Бухарина основная задача теоретической экономии формулируется иначе:

> «Нам дано, как об'ект исследования, анархически построенное общество товаропроизводителей, растущее и развивающееся, т.-е. движ определенная бессуб'ектная система, находящаяся в условиях динамического равновесия. Спрашивается, как возможно при таких условиях это равновесие? Ответ дается трудовой теорией ценности» [4]).

Было бы совершенно неправильно отрицать, что Маркс ставит своей задачей изучение условий равновесия, лучше сказать — функционирования капиталистического способа производства. Но само это равновесие он понимает, как момент движения, воспроизводства и развития противоречий капитализма. Именно, поэтому «Капитал», развитие его категорий имеют не только логическое, но и историческое значение. Эти категории являются выражением исторически развивающихся, противоречивых и сменяющихся отношений.

Поэтому Маркс устанавливает в теоретической экономии не только закон обмена, но и закон воспроизводства капитализма, по отношению к которому обмен является необходимой его формой [5]). Нет поэтому ничего более

[1]) IX Ленинский сборник, стр. 49.
[2]) Впрочем, последнее издание ее (1929 г.) вышло после появления Ленинского сборника IX и, само собой разумеется, после появления в 1925 г. первой части конспекта Гегеля с цитированными нами определениями.
[3]) Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, изд. 3, стр. 71, 74.
[4]) Н. Бухарин. Политическая экономия рантье, стр 183
[5]) Необходимо отметить, что т. Бухарин страницей раньше цитированного места в «Политической экономии рантье» ни словом не оговаривает в приведенной им в качестве правильной цитате Гильфердинга то место, в котором Гильфердинг утверждает, что «задача теоретической экономии заключается в том, чтобы найти закон обмена» в товаро-производящем обществе.

странного, как утверждение тов. Бухарина, что при капиталистическом способе производства «анархия производства дополняется (курсив наш *Н. К.)*, противоречием между классами» [1]). Противоречие между классами при капитализме и анархия производства не дополняющие друг друга вещи, а различные выражения одного и того же основного противоречия капиталистического общества между общественным характером производства и частным характером присвоения.

Итак, диалектика и теория равновесия противостоят друг другу не как дополнение друг к другу, а как враги. Или равновесие есть момент движения, — и это диалектика. Или движение есть момент в чередовании состояний равновесия, — и это теория равновесия. Равновесие или движение — исходный пункт, — «вот в чем вопрос».

Поэтому Ленин там, где тов. Бухарин в «Экономике переходного периода» говорит о «точке зрения равновесия», замечает: «Не точнее ли говорить о «необходимости известной пропорциональности», чем о «точке зрения равновесия? Точнее, вернее, ибо объективно первое, а второе приоткрывает дверь философским шатаниям в сторону от материализма к идеализму» [2]). «Необходимость известной пропорциональности», именно, выражает лучше, вернее, об'ективнее то, что она есть момент развития, точка же зрения равновесия затушевывает его и отдает суб'ективизмом.

Таким образом, Ленин вовсе не собирается отрицать значение в экономике понятия равновесия вообще, хотя он указывает, что более удачно выражение «необходимость известной пропорциональности», но на протяжении всей критики «Экономики переходного периода», он неизменно подчеркивает момент перехода и относительности в равновесии [3]).

Если теория равновесия неправильно разрешает вопрос о соотношении равновесия и движения вообще, то уже совсем бессильной она оказывается в отношении понимания самодвижения, «имманентного происхождения различий». А между тем признание идеи самодвижения есть важнейшее отличие диалектико-материалистического миропонимания.

Диалектический материализм учит, что материи необходимо присуще движение во всех ее формах и что познание окружающего нас мира есть именно познание различных форм его движения. Если бы материи не было свойственно самодвижение, то мы, отыскивая причины смены ее форм, необходимо пришли бы в конце концов к богу, к идее, к первому двигателю, к дьяволу или к кому-либо еще. Ибо все эти персонажи в конце концов скрывают одно и то же, под разными масками. Поэтому же механистическое миропонимание, об'яснявшее всякое движение лишь как результат внешнего толчка, внешнего воздействия, часто приходило к учению о сотворении мира богом. Величайшая и диалектическая в своей основе идея Спинозы (и вслед за ним и большинства французских материалистов) заключалась в том, чтобы провозгласить природу причиной самой себя (causa sui), об'яснить ее из самое себя. Именно благодаря этому было теоретически окончательно разбито богословие. Но как об'яснить само «самодвижение» материи, где искать источника его? В ответ на этот вопрос в своих заметках «К вопросу о диалектике» Ленин писал:

«Условие познания всех процессов мира в их «самодвижении», в их спонтанейном развитии, в их живой жизни есть познание их, как един-

---

[1]) Атака, стр. 286.
[2]) XI Ленинский сборник, стр. 384—385.
[3]) Ср. там же, стр. [illegible].

ства противоположностей. Развитие есть «борьба» противоположностей. Две основные (или две возможные? или две в истории наблюдающиеся?) концепции развития (эволюции) суть: развитие, как уменьшение и увеличение, как повторение. И развитие, как единство противоположностей (раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношение между ними).

«Первая концепция мертва, бедна, суха. Вторая — жизненна. Только вторая дает ключ к «самодвижению» всего сущего; только она дает ключ к «скачкам», к «перерыву постепенности», к «превращению в противоположность», к уничтожению старого и возникновению нового.

«Единство (совпадение, тождество, равнодействие) противоположностей условно, временно, преходяще, релятивно. Борьба взаимоисключающих противоположностей абсолютна, как абсолютно развитие, движение.

«При первой концепции движения остается в тени самодвижение, его двигательная сила, его источник, его мотив (или сей источник переносится вовне — бог, суб'ект, etc). При второй концепции главное внимание устремляется именно на познание источника «само»-движения» [1]).

Спрашивается теперь — можно ли об'яснить самодвижение в смысле «имманентного происхождения различий», источника его, с точки зрения теории равновесия? Будучи достаточно последовательным, его ни «об'яснить», ни «обосновать» с помощью теории равновесия нельзя. Мы уже видели, что с точки зрения теории равновесия нарушение равновесия приходит только извне и иначе и быть не может, так как «силы», действующие в данной системе, берутся, как данные, качественно неизменные. Они, строго говоря, могут лишь перегруппироваться, но не изменяться. Именно поэтому для тов. Бухарина так труден анализ всякого переходного явления. «Силы» эти могут перетасовываться, как карты в колоде, но нельзя теоретически об'яснить себе, как они могут качественно преобразовываться, исчезать и возникать в новой качественно форме.

Проблема возникновения нового, важнейшая проблема диалектики, неразрешима с механистической, чисто количественной точки зрения теории равновесия. Поэтому и законы для нее — законы равновесия, а не законы становления, — возникновения, функционирования и уничтожения.

Здесь же лежит корень эклектизма и суб'ективизма, необходимо связанных с теорией равновесия.

Если в изучаемых нами «системах» мы не можем констатировать никакого внутренне присущего им движения, если они представляют собой лишь совокупности механически направленных друг против друга сил, то к их равновесию мы можем с одинаковым успехом подходить с самых различных сторон. Определение их будет в большей степени зависеть от нашей «точки зрения», чем от развития самого предмета. Гегель как-то говорил, что самое легкое «обсуждать» предмет, выискивая те или другие стороны у него, которых может быть чрезвычайно много, труднее — понять предмет, и самое трудное, что об'единяет оба предыдущих момента, — воспроизвести дело. Но последнее возможно только в том случае, если взять предмет не только в совокупности различных его сторон и связей, а и в его самодвижении.

Как раз по этому пункту, во время дискуссии о профсоюзах, Ленин подверг критике теоретические воззрения тов. Бухарина.

О чем методологически шел спор тогда между Лениным и Бухариным?

Речь шла об определении задач профсоюзов в переходный период. Тов. Бухарин утверждал, что, «с одной стороны, они (профсоюзы) — школа коммунизма..., с другой стороны, они — и притом в возрастающей степени — составная часть хозяйственного аппарата и аппарата государственной власти вообще»... Тех, кто отрицал это положение, тов. Бухарин сравнивал

---

[1]) Н. Ленин. Соч., т. XIII, изд. 3, стр. 301 — 302.

с людьми, которые, увидев стакан на кафедре, стали бы спорить—стеклянный это цилиндр или инструмент для питья, и по этому поводу взаимно предавать друг друга анафеме.

На это казалось бы столь простое и убедительное доказательство, Ленин и отвечал, что «вот тут-то и заключается основная теоретическая ошибка тов. Бухарина, подмен диалектики марксизма эклектизмом (особенно распространенным у авторов разных «модных» и реакционных философских систем)» [1]. Тов. Бухарин, утверждал Ленин, стоит в этом вопросе «на точке зрения логики формальной или схоластической, а не логики диалектической или марксистской».

Бесспорно, всякий предмет, в том числе и стакан, и профсоюзы, имеет много различных сторон. Стакан и стеклянный цилиндр, и инструмент для питья, может служить и пресс-папье, и художественным произведением. Формальная логика ограничивается тем, что дает определение наиболее бросающимся в глаза *данным* его признакам и затем чисто *эклектически соединяет* их. С одной стороны, с другой стороны, с третьей стороны и т. д.

Чем же отличается диалектическая логика?

«Логика диалектическая,— пишет Ленин,— требует того, чтобы мы шли дальше. Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования». Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и от омертвения. Это, во-первых. Во-вторых, диалектическая логика требует, чтобы брать предмет в его развитии, «самодвижении» (как говорил иногда Гегель), изменении... В-третьих, вся человеческая практика должна войти в полное «определение» предмета и как критерий истины, и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку. В-четвертых, диалектическая логика учит, что «абстрактной истины нет, истина всегда конкретна», как любил говорить, вслед за Гегелем, покойный Плеханов» [2].

Это определение вполне совпадает с приведенными нами ранее положениями из IX Ленинского сборника.

Чтобы действительно знать предмет, нельзя брать его с одной только какой-либо стороны. Надо стараться *всесторонне* изучить его, взять его во всей совокупности его сторон, тенденций, связей и т. д. Но и на требовании всесторонности изучения предмета нельзя останавливаться. Надо выделить вслед за тем то, что обуславливает *развитие* предметов, его «самодвижение». Надо само это «самодвижение» взять в данных *конкретных* условиях. И надо, наконец, по указанию Ленина, чтобы в полное «определение» предмета вошла человеческая *практика*, и как критерий истины, и для указания связи предмета с тем, что нужно человеку.

Именно, указание наличия об'ективного источника «самодвижения» предмета, *основного* движущего его противоречия отличает диалектику от эклектики, софистики, релятивизма. Именно, поэтому, исследуя те противоречия, в которых осуществляется политика партии, Ленин никогда не останавливается на эклектическом «с одной стороны — с другой стороны», а указывал *решающее звено* всей цепи работы партии. Как мы видим, характернейшая черта ленинского гения, заключавшаяся в его изумительном умении выделять *основные определяющие* моменты в политической борьбе и выражать их в лозунгах, рассчитанных на миллионы, находит себе глубокое основание в исходных положениях его мировоззрения.

Естественно поэтому, что Ленин, как диалектик, подходил к каждому теоретическому и политическому вопросу не с точки зрения подыскивания условий равновесия, благодаря которым *сохраняется* данная цепь явле-

[1] Н. Ленин. Соч., т. XVIII. ч. 1, стр. 59
[2] Там же. стр. 60.

ний, а под углом зрения ее *развития, откуда и куда она растет, где движущее ее основное противоречие, как наша практическая деятельность должна быть включена в него так, чтобы обеспечить успех нужной нам тенденции*.

Ленин не только всесторонне учитывает все стороны дела, но и умеет выделить в них главное, то, что обусловливает собой *для данного конкретного времени* все остальное. Это можно было бы проследить на рождении каждого ленинского очередного звена борьбы, каждого лозунга. А для того, чтобы повлиять на большие исторические ряды явлений, надо думать прежде всего о том, как включить в них миллионы; поэтому настоящая политика для Ленина начинается там, где *считают миллионами*. Все остальное в политике,— лишь вспомогательные средства. Поэтому лозунг должен быть доступен, должен выразить правильно и отчетливо то, что смутно сознают гигантские пласты народа. Поэтому каждое положение Ленина скрывает за собой грандиозную работу диалектически и материалистически развивающейся мысли.

Различие в подходе к изучению предмета с точки зрения тов. Бухарина и с точки зрения материалистической диалектики особенно разительно поэтому в *переходные* моменты развития нашей революции (1918, 1921, 1928—29 гг.).

Если вы подходите к делу с точки зрения подыскивания условий *равновесия* данной *системы*, вы неизбежно должны подменить закон *борьбы*, изменения, *перехода в другую форму—схемой рядом друг с другом существующих сил и элементов*.

Мертвый схематизм представляет характернейшую отличительную черту теории равновесия.

Как мы видели, Ленин учил о том, что мы должны всесторонне изучать предмет. Но по Ленину это должно было служить средством предохранить себя *от ошибок и омертвения*. Это значит, что учитывая *все стороны и связи* предмета, мы должны видеть, как они сочетаются, взаимодействуют с решающим звеном цепи, *не упустить того момента, когда оно уже недостаточно для изменившихся условий*. В самом предмете мы должны постоянно следить за происходящими в нем изменениями, никогда не забывать, что *данное* есть лишь *момент истории*, перехода к чему-то иному. Поэтому Ленин всегда указывал по отношению к какому конкретному моменту развития, к какой его ступени и к каким условиям относится тот или иной лозунг. Одни лозунги имеют более длинную, другие более короткую историю, в зависимости от того, как скоро мы проходим ту или другую ступень развития в отношении того или другого предмета. Поэтому так глубоко враждебно *методу* Ленина переносить, скажем, те или другие его положения, относящиеся к началу нэпа, когда мы имели подорванную войной индустрию, недавний голод, широкое осереднячение деревни,—к периоду восстановленной и быстро движущейся вперед промышленности, способной *производственно* воздействовать на отстающее от нее сельское хозяйство, к периоду обострения классовой борьбы в деревне. Это все равно, как если бы мы только что перенесшего тиф человека заставили носить пятерики с мукой, а здорового, растущего юношу, вступающего в решительную борьбу, кормили овсяной кашей.

Прекрасный пример *конкретного* политического анализа Ленин дает в своем «Послесловии к тезисам по вопросу о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира» 21—24 января 1918 г. [1].

[1] XI Ленинский сборник, стр. 47.

Ленин видит основную ошибку выступавших против его точки зрения товарищей в том, что они «исходя из самых лучших революционных побуждений и лучших партийных традиций, дают увлечь себя «ярким лозунгом», *не схватывая новой* общественно-экономической и политической ситуации, не учитывая *изменения условий*, требующего быстрого, крутого изменения тактики, и весь мой спор... приходится сосредоточить на выяснении того, что марксизм требует учета об'ективных условий и их изменения, что надо ставить вопрос конкретно, применительно к этим условиям». И далее Ленин продолжает: «Я стою на старой позиции Ленина»—воскликнул один из молодых москвичей... В том-то и беда, что москвичи хотят стоять на старой *тактической* позиции, упорно не желая видеть, как *изменялась*, как создалась *новая, об'ективная* позиция» (курсив всюду Ленина).

Все это рассуждение дает блестящую характеристику существа ленинской *тактики*.

Нет ничего более чуждого духу и существу ленинской диалектики, как абстрактная схема и шаблон.

Но как раз, исходя из своего метода, теория равновесия и приходит необходимо к схеме и шаблону.

«Системы» и явления рассматриваются ею с точки зрения *сохранения данных соотношений*, а не под углом зрения их постоянного *преобразования*. Отсюда «растут» и многие недостатки *политической* методологии тов. Бухарина. Характерным для многих его выступлений и теорий оказывается превращение отличительных особенностей определенных, ограниченных во времени условий, задач и методов работы в *постоянную, общую* закономерность целой исторической эпохи.

Так родилась «Экономика переходного периода» в период военного коммунизма. Так лозунги и установки восстановительного периода нэпа в известной части автоматически были перенесены им на период реконструктивный.

Здесь—«теоретический корень» и правых и «левых» ошибок тов. Бухарина. Поэтому проявляются они резче всего именно в *переломные* моменты и именно поэтому, отказавшись от одной крайности, он иногда почти немедленно впадает в другую. Характер этих ошибок зависит, конечно, целиком от *конкретной* обстановки, данного соотношения классов в стране.

В замечаниях на «Экономику переходного периода» тов. Ленин неоднократно предупреждает против схематизма. Он подвергает резкой критике представление тов. Бухарина о мировом хозяйстве То, что в мировом хозяйстве выступает как *тенденция*, осуществляющаяся в *противоречивом* развитии—тов. Бухариным, ищущим законченной схемы, принимается за *закончившийся процесс*. Он ищет *чистых типов* вместо изучения законов, *тенденций развития* реальных отношений. Поэтому для его «чистой теории» совершенно безразлично, напр., насколько велик *об'ем* данного общественного хозяйства [1]). Но ведь совершенно очевидно, что, проходя через определенную количественную грань, оно необходимо и *качественно* изменяется. Для «абстрактной теории» тов. Бухарина *сравнительно второстепенен* вопрос о том, что выступает в качестве суб'екта отдельного хозяйства. Но он не может быть второстепенным для теории, дающей метод изучения действительно существующих хозяйственных систем. Для тов. Бухарина современный капитализм есть «капитализм мировой», капиталистические производственные отношения *уже* господствуют во всем мире. Но Ленин, исходя из конкретно-исторической точки зрения, сейчас же на это замечает: «Не во

[1]) XI Ленинский сборник, стр. 349.

всем» [1]). Для тов. Бухарина, строящего голую схему равновесия данного типа хозяйства, финансовый капитал *уничтожил* анархию производства внутри крупных капиталистических стран. Для Ленина—«*не уничтожил*» и в качестве «*суб'ектов*» капиталистического хозяйства выступают не только «государственно-капиталистические тресты». *Тенденцию* Бухарин, повинуясь логике своей схемы, принимает за факт, забывает поэтому о противоречиях, в условиях которых только и существует эта тенденция, приходит к неправильному, политически опаснейшему представлению об империализме. Капиталистическое «народное (не мировое. *Н. К.*) хозяйство» для тов. Бухарина «превратилось *уже из иррациональной системы в рациональную организацию*, из бессуб'ектного хозяйства в хозяйствующий суб'ект» [2]).

Для механистической методологии тов. Бухарина очень характерно, как он разрешает противоречие между конкуренцией и монополией при империализме. Он их *пространственно* отделяет одну от другой. Монополия господствует внутри страны, конкуренция между странами. На самом же деле положение значительно сложнее. Реально существующая монополистическая тенденция внутри страны осуществляется и в конкурентной борьбе внутри страны, и в необходимо дополняющей ее борьбе за монополию на мировом рынке, в колониях и других странах. Действительность оказывается бесконечно сложнее и противоречивее механистической схемы.

Этот же схематизм методологически лежит в основании и решении тов. Бухариным проблемы национальных движений. «Так называемое» «национальное государство» уже в довоенный период было, согласно тов. Бухарину, *чистейшей фикцией*. На это Ленин замечает, что оно является «не чистейшей фикцией, а нечистой формой. Нарушение «диалектического материализма состоит в *логическом* (не материальном) *скачке* через *несколько* конкретных стадий». «Автор (Бухарин) забыл, что 1) наимпериалистические государства выросли из национальных; 2) что «национальные» государства в колониях формируются» [3]).

Таким образом нарушение *диалектического материализма*, методологическая ошибка т. Бухарина заключается по Ленину в данном случае именно в забвении переходов, подмене *конкретного* рассмотрения ступеней развития чисто логической схемой. Он отвлекается от того, *откуда растет* данный тип явлений, так как в *данной* системе равновесия *погашается* целиком ее прошлое. Диалектика же требует *исторического* рассмотрения предмета и, только уяснив его в целом, мы действительно можем познать данный предмет.

Отсюда же вытекает и *формализм* теории равновесия.

Так как все элементы системы качественно неизменны, движение их есть только *извне* обусловленное движение, то все различия между системами сводятся к чисто внешним различиям.

Поэтому и получается так, что тов. Бухарин подчас отождествляет качественно совершенно различные вещи, ограничиваясь указанием на их *формальное* сходство. Недаром там, где тов. Бухарин дает оправдание применению термина «социализация», и по отношению к процессам обобществления, совершающимся еще при капитализме, и по отношению к обобществлению средств производства в эпоху пролетарской диктатуры, Ленин иронически замечает: «Оправдал» смешение «процесса» рождения человека с «процессом» смерти» [4]).

[1]) XI Ленинский сборник, стр. 349.
[2]) Там же, стр. 350.
[3]) Там же, стр. 399.
[4]) Там же, стр. 380. Ср. стр. 369.

Естественно, что абстрактный схематизм и формализм теории равновесия приводит тов. Бухарина к *фактическому* отрицанию возможности качественного изменения явлений в природе. Наиболее резкое выражение эта сторона теории равновесия находит в отрицании различия между механическим и оргаиическим. Однако, аргументы, приводимые тов. Бухариным по этому поводу, не выдерживают даже самой легкой критики.

Прежде всего иеправильно противопоставлять механическое только органическому. Механическое движение противостоит не только оргаиическому, но и физическому, и обществеино-историческому. Если и Маркс, и Эигельс, и Ленин говорят по отношению к общественным явлениям об органических связях, оргаиизмах и т. д., то лишь для того, чтобы подчеркнуть *качествеиное своеобразие* и надмехаиический характер движения в них, а не для того, как правильно замечает сам же тов. Бухарин, чтобы солидаризироваться с предрассудками «органической школы» в социологии.

Далее тов. Бухарин совершенно напрасно представляет дело так, что Маркс и Ленин протестовали против механистического миропонимаиия лишь для того, чтобы преодолеть «робинзонады» [1]) в общественных науках, представление об изолированных «человеках», подобных неделимым, изолированным атомам старой механики. Во-первых, классики марксизма возражали против механистического миропонимания *вообще*. Во-вторых, классики марксизма возражали против механистической точки зреиия на общество потому, что оно приводило к забвению *качественного своеобразия* общественных явлений, возникающих в результате взаимодействий между людьми. *Именно* в признании качественного своеобразия общественных явлений и заключалось преодоление «*робинзонад*». Ибо если в результате взаимодействия между людьми в воспроизводстве их материальной жизни возникает нечто такое, что невыводимо из рассмотрения отдельного биологического индивида, если закономерность *целого* есть не только нечто отличное от закоиомерностей *отдельных частиц, входящих в его состав*, а, иаоборот, целиком обуславливает жизнь и каждого отдельного человека, то недействительны и все «робинзонады».

Тов. Бухарин ссылается иа то, что современное естествознание уничтожило представлеиие об *изолированном* атоме, и поэтому противопоставление механистического и органического стало бесссмысленным. Но и старая механика вовсе не рассматривала движущиеся тела, как *абсолютно* изолированиые.

Недостаток мехаиической точки зреиия заключается в том, что само движеиие она рассматривает лишь как *перемещеиие* в пространстве *качествеино неизменных* частиц и их сочетаиий. Поэтому и современная физика *не удовлетворяется*, вопреки тов. Бухарину, *механическим миропониманием*. В доказательстве этого положения заключалась одиа из главных идей «Материализма и эмпириокритицизма» Ленина. Из роста витализма и идеализма в современной буржуазной философии мы вовсе не должны в пику ей называть белое черным. Последнее было бы как раз на руку виталистам и идеалистам.

Основное несчастье тов. Бухарина с его теорией равновесия в том, что он движение мыслит только в качестве механического движения. Защищая теорию равновесия, тов. Бухарин пишет:

> «*Нельзя* современную механику *противопоставлять* диалектике. Если механика не диалектична, т.-е. недиалектично и все движение, то что же остается от диалектики» [2]).

[1]) От имени «Робинзона», героя романа Дефо, попавшего на необитаемый остров.

[2]) Атака, 117.

Но если последовательно стоять на этой точке зрения, то и законы
общественной жизни должны быть *сведены* в конечном счете к законам
современной механики. Однако последнее было бы *грубейшим* извра-
щением марксизма. С точки зрения классиков марксизма движение есть *не
только* перемещение в пространстве, но и *изменение вообще*,
*включающее все многообразие качественных перехо-
дов в природе и общественной жизни*.

Очень показателен для того, к чему приводит чисто количественная,
механистическая точка зрения один пример в «Т. и. м.» тов. Бухарина. На
стр. 98 он солидаризируется с утверждением немецкого социолога и философа
Зиммеля, утверждающего, что «чем уже круг взаимодействующих людей, тем
вообще говоря, теснее связи между ними». Это—чисто количественная, меха-
нистическая точка зрения. У Зиммеля она имеет явно *реакционный*
характер. Зиммель противопоставляет «одиночество» и «заброшенность» ин-
дивида,—интеллигента и буржуа, в капиталистическом обществе, в котором
«человек человеку—волк»,—прочности и интимности патриархальных и фео-
дальных отношений. Приведем простейший пример, чтобы увидеть всю вздор-
ность общего «социологического закона» Зиммеля, с которым соглашается
тов. Бухарин. Сравните степень взаимной связи между людьми в деревне
из 50 дворов и в современном промышленном тресте или рабочем поселке
из 1.000 человек, чтобы сразу убедиться, что «закон» Зиммеля есть лишь
выражение положения отдельных, *мелкобуржуазных* слоев населе-
ния при капиталистическом способе производства и отражение их *реак-
ционных* чаяний. Тов. же Бухарин, следуя своей количественной, меха-
нистической точке зрения, попадается на удочку Зиммеля и повторяет вслед
за ним его благоглупости.

С механистическим характером теории равновесия неразрывно свя-
зано понимание ею самого *противоречия*. Противоречие для тов. Бу-
харина сводится к *антагонизму* направленных друг против друга сил.
Не трудно, однако, убедиться, что это понимание единства противопо-
ложностей, их борьбы, противоречий действительности не способно ни в коей
мере дать нам настоящего выяснения «материального корня» диалектики.
Оно до крайности *вульгаризирует и суживает* его.

В самом деле. Ленин говорил, что *в каждом явлении действи-
тельности, в каждом акте суждения* дано единство противопо-
ложностей.

Но можно ли всех их свести к антагонизму направленных друг против
друга сил? Одним из примеров единства противоположностей является,
по Ленину, суждение: Иван—человек, так как посредством него мы утвер-
ждаем, что *Иван—отдельный*, особый человек, в то же самое время—
человек, нечто такое, что *обще* целому ряду лиц. «Отдельное не суще-
ствует иначе, как в той связи, которая ведет к общему. Общее существует
только в отдельном, через отдельное» [1]). Человеческий род существует только
как совокупность отдельных людей, а отдельные люди—лишь как обусло-
вленные жизнью и развитием рода в целом. Можно ли понять это единство
противоположностей, единство общего и отдельного, как особое проявление
антагонизма противоположно направленных, механически движущихся сил?
Конечно, нет. Соответствует ли оно *реальным связям, реальным
соотношениям* в природе? Безусловно соответствует. Первого же испы-
тания практикой познания теория равновесия не выдерживает.

Возьмем другой пример. Пусть нам дан *товар*, как «самое простое,
обычное, основное, самое массовидное», по определению Ленина, отношение
товарного общества. Ленин пишет, что анализ Маркса должен вскрыть

[1]) Н. *Ленин*. Соч., изд. 3, т. XIII, стр. 303.

в этом простейшем явлении, в этой «клеточке» буржуазного общества *зародыш всех противоречий* капиталистического способа производства. Так вот,—противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения, потребительной и меновой стоимостью, абстрактным и конкретным трудом и т. п.,—можно ли все эти противоречия выразить в виде антагонизма противоположно-направленных сил? Конечно, нет. Соответствуют они каким-либо *реальным* сторонам действительности товарного общества? Безусловно. Они необходимо связаны *с антагонизмом классов*. Но этот антагонизм — по типу своему, по своей структуре вовсе не тождественен антагонизму противоположно направленных сил *в механике*. Результат борьбы классов вовсе не есть их равнодействующая в результате простого *сложения, параллелограмма* сил, как в механике. Можно сказать, что механистическое истолкование антагонизма классов *переходит непосредственно в оппортунизм*.

Антагонизм является вообще таким типом противоречия, *когда противоположные его стороны совершенно обособились друг от друга* и внешне противостоят друг другу. Это—лишь *один из случаев*, одна из ступеней развития диалектического единства противоположностей.

Поэтому там, где в «Экономике переходного периода» тов. Бухарин пишет, что «капитализм есть антагонистическая, противоречивая система», Ленин замечает: «Архи-неточно. Антагонизм и противоречие совсем не одно и то же. Первое исчезнет, второе останется и при социализме»[1]). Практический пример этому, — *конкуренция* и *соревнование*. Конкуренция есть борьба внешне противостоящих друг другу на рынке товаропроизводителей. Это — антагонистическая форма борьбы, которая исчезнет окончательно при социализме. Соревнование есть тоже форма борьбы, противоречия, в котором, однако, соревнующиеся не внешне противостоят друг другу, стремясь к взаимному уничтожению, а где само противоречие есть форма и движущее начало *товарищеского сотрудничества*.

Таким образом свести диалектику к антагонизму внешне направленных друг против друга сил, — значит лишить себя действительных богатств ее содержания.

К этому надо добавить, что теоретически не выдерживает критики и само понятие «силы», как первоосновы всего сущего, всех действительных вещей и явлений природы. Еще Энгельс указывал, что понятие «силы» большей частью применяется там, где мы не в состоянии указать, какую *форму движения* в данном случае мы имеем.

Поверив Богданову в том, что действительность можно рассматривать, как совокупность различно направленных сил, тов. Бухарин, вопреки своему намерению материалистически «обосновать» диалектику, на деле приходит *к богдановскому идеализму*.

Что значит для Богданова, что мир представляет собой совокупность различно направленных сил, создающих некоторые относительные состояния равновесия? Это значит, что *первооснову* мира представляет «хаос», изначала данных качественно-неизменных «элементов», которые в результате внешних воздействий на них комбинируются в «системы» различной ступени организованности.

Эти «элементы» есть по своему типу *махистские*, чисто идеалистические «элементы опыта», организуемые нами с различных «точек зрения».

---

[1]) XI, Ленинский сборник, 357.

Вот где истинный «корень» «Тектологии» Богданова. Не увидеть его,— значит не понять «основы основ» теории равновесия. Поэтому, поверив Богданову, и тов. Бухарин необходимо впадает в суб'ективизм и идеализм.

Отсюда у тов. Бухарина отмеченные Лениным в «Экономике переходного периода» формулировки, в которых метод Маркса определяется только как «познавательное» орудие, а не как *отражающий* об'ективный мир. Ленин называет одну такую формулировку тов. Бухарина «стыдливым»... агностицизмом [1]).

Итак, действительный, об'ективный смысл теории равновесия прямо противоположен тому, каким хочет его видеть тов. Бухарин. На деле она дает не материалистическое, «теоретико-систематическое» обоснование диалектики, а схоластическое, механистическое ее искажение, имеющее в своем фундаменте чисто-идеалистические предпосылки [2]).

Прежде чем перейти к рассмотрению теории классовой борьбы тов. Бухарина в связи с его общефилософскими воззрениями, мы должны привести еще одну иллюстрацию того, как опасно последовательное проведение механистической методологии теории равновесия в применении к политическим вопросам сегодняшнего дня.

Общеизвестно то огромное значение, которое имеет правильная политика пролетариата по отношению к крестьянству в наших условиях. Для того, чтобы вести правильную политику, необходимо правильно оценить, понять действительное положение крестьянского хозяйства в условиях диктатуры пролетариата и характер его развития.

Диалектика, как мы видели, требует для этого, чтобы мы взяли крестьянское хозяйство, во-первых, во всей совокупности связей и взаимоотношений, в которых оно находится в условиях обобществленной индустрии и сосредоточения политической власти в руках рабочего класса. Во-вторых, мы должны взять его в его *самодвижении*, имманентном происхождении в нем различий. Мы должны уяснить себе *конкретные* условия этого самодвижения и рассмотреть, как включается в них наша *практическая* деятельность.

Сторонник теории равновесия будет исходить из того, что есть налицо некая система равновесия между крестьянским хозяйством и условиями пролетарской диктатуры, сменившая систему равновесия, существовавшую до ее установления. Движение крестьянского хозяйства целиком обусловлено теми *внешними* условиями, в которых оно находится. Поэтому, если при капитализме оно необходимо порождало внутри себя капиталистические отношения, то в таких условиях, когда командные высоты в народном хозяйстве принадлежат пролетариату, столь же необходимо оно должно «врастать» в социализм, независимо от того, какой тип крестьянского хозяйства мы имеем. Ведь при всех условиях—«внутреннее равновесие» есть «функция» «внешнего равновесия». Поэтому и кулацким хозяйствам все равно будет *некуда* податься, и кулацкие кооперативные гнезда необходимо врастут в систему пролетарских хозяйственных *организаций*.

В основе ошибки сторонника теории равновесия в данном случае лежит неправильная оценка двух вещей — характера мелкого, распыленного крестьянского хозяйства, наличия различных прослоек внутри крестьянства, и соотношения его со «средой».

Чрезвычайно поучительно сопоставить методологически в этом пункте большевистскую точку зрения с правой и троцкистской установкой.

---

[1]) XI Ленинский сборник, стр. 348.

[2]) Подробное рассмотрение идеалистических основ теории равновесия Богданова см. в нашей статье «Тектология или диалектика», «Под Знаменем Марксизма» за 1926 г.

Тов. Бухарин, применяя в данном случае в своем политическом анализе теорию равновесия, неправильно оценивает характер крестьянского хозяйства. Соответствующую, центральную его ошибку в этом пункте Ленин отметил еще в заметках на «Экономику переходного периода». Там, где тов. Бухарин писал, что «диктатура пролетариата неизбежно сопровождается скрытой или более или менее открытой борьбой между организующей тенденцией пролетариата и товарно-анархической тенденцией крестьянства», Ленин замечает: «Надо было сказать: между социалистической тенденцией пролетариата и товарно-капиталистической тенденцией крестьянства. Подставлять здесь слово «организующей» есть теоретическая неверность, шаг назад от Карла Маркса к Луи Блану» [1].

Верно, что пролетариат после своей победы выступает как организатор обобществленного хозяйства и борется с анархическими тенденциями крестьянства. Но это только сторона дела, не выражающая центральной проблемы. Организационная работа пролетариата есть лишь выражение его социалистической тенденции, товарно-анархическая же тенденция крестьянства есть товарно-капиталистическая его тенденция и в условиях диктатуры пролетариата. Почему? Потому что «мелкое производство рождает капитализм и буржуазию постоянно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе» [2].

Такова тенденция, необходимо присущая самодвижению мелкого производства в условиях наличия рыночных, товарных отношений.

Но изменой марксизму является остановиться только на констатировании этой тенденции развития мелкого производства, необходимо ему присущей. Надо взять эту тенденцию в конкретных условиях ее реализации, во всей совокупности ее связей и опосредствований. В забвении этого второго требования ленинской диалектики — «корень» методологии троцкизма.

Если правые отвлекаются от товарно-капиталистической тенденции развития мелкого производства, то троцкисты забывают о качественном различии условий развития крестьянского хозяйства при капитализме и в переходный период. Это—два уродства, взаимно друг друга дополняющие. Троцкисты «забывают» то обстоятельство, что если при капитализме переход от мелкого производства к крупному в сельском хозяйстве возможен только в капиталистической форме, то при диктатуре пролетариата, благодаря помощи и воздействию обобществленной промышленности и пролетарского государства, благодаря руководству пролетариата, переход этот возможен по иному, социалистическому пути.

Марксизм-ленинизм одинаково далек в своей методологии и от Троцкого и от Богданова. Надо добавить, что Троцкий в свою очередь в этом пункте непосредственно соприкасается со всем международным меньшевизмом.

Диалектика учит, что в изучении движения предмета мы должны учесть и присущую ему тенденцию самодвижения, и всю совокупность связей его с окружающей средой в данных конкретных условиях, и то, как вплетается в него наша практическая деятельность. Вообще говоря, чем ниже форма движения, тем более определяющим для нее является воздействие среды.

[1]) XI Ленинский сборник, стр. 368.
[2]) Ленин. Соч., т. XVII, стр. 118.

Поэтому опираясь на обобществленную, быстро развивающуюся индустрию и силу государственной власти, пролетариат может способствовать переходу мелкобуржуазного, распыленного крестьянского хозяйства через кооперацию и колхозы к крупному сельскому хозяйству социалистического типа.

Эта возможность обуславливается не только воздействием извне на крестьянское хозяйство, но и тем, как реализуется само «самодвижение» крестьянского хозяйства. Крестьянин выступает не только как покупатель средств потребления, но и как покупатель средств производства. Без последних не может существовать и развиваться крестьянское хозяйство. Получить же их у нас оно может только из рук пролетарского государства. Именно производственные формы смычки оказываются решающими в деле переделки крестьянского хозяйства, направления его развития не по капиталистическому, а по социалистическому пути. Поэтому, в меру усиления производственных возможностей восстановленной и развивающейся индустрии, дается все необходимое для переделки мелкого крестьянского хозяйства в крупное обобществленное. Само «самодвижение» крестьянского хозяйства оказывается возможным только в этой форме. Вся совокупность экономических, маневренных, политических и идеологических орудий пролетарской диктатуры оказывается колоссальным усилителем и ускорителем реализации этой возможности.

Так обстоит дело с теорией равновесия тов. Бухарина.

Какие же результаты дает она в применении к изучению общественно-исторического процесса в целом? Для выяснения этого необходимо перейти к рассмотрению трактовки т. Бухариным важнейших положений исторического материализма и его теории классов.

В. Милютин и Б. Борилин.

К разногласиям в политической экономии*).

Революционные процессы социальной и технической реконструкции, идущие вглубь и вширь всех сторон общественной жизни, бурные темпы коллективизации, социалистическое соревнование,—весь этот процесс создания нового общественного строя выдвигает на каждом шагу новые проблемы, новые жгучие вопросы, правильное разрешение которых требует углубленной теоретической работы.

Между тем нигде не наблюдается такое сильное отставание от темпов жизни, как в области теоретической работы над вопросами социалистического строительства и современного империализма. И это как раз тогда, когда теория, опираясь на практику, о б я з а н а идти впереди нее, намечая новые пути, открывая новые возможности, давая четкие марксистско-ленинские обобщения. Тов. Сталин, выступая на Всесоюзной конференции аграрников-марксистов, правильно и своевременно указал ряд вопросов, в которых теоретики-аграрники отстают от действительности. Указания тов. Сталина относятся не только к аграрным проблемам, но и ко всем остальным областям нашей экономики и культуры.

Необходимо в значительно большей степени, чем до сих пор, заняться теоретическим изучением процессов нашего развития. СССР идет к завершению переходного периода и близится к построению социалистического общества в обозримые сроки, вопреки паникерству правых оппортунистов. Наша практика разоблачает все еще живучую в мелкобуржуазных слоях троцкистскую теорию об отсутствии в нашей стране источников и сил для построения социализма. Наша плановая работа перерастает за рамки пятилетнего плана и на очередь дня выдвигается составление генерального плана—плана п о с т р о е н и я социализма. В связи с предстоящей работой над генеральным планом встает ряд проблем, требующих углубленной теоретической разработки. Необходимо осмыслить те новые общественные отношения, которые должны сложиться в процессе осуществления этого плана. Следует осознать и теоретически осмыслить характер новых производственных отношений. В новом свете выплывает вопрос о взаимоотношении между производительными силами и производственными отношениями.

Генеральный план для своего осуществления требует изучения о т д е л ь н ы х э т а п о в и о с в е щ е н и я конкретных путей нашего развития к социализму. Как будут протекать процессы новой организации труда, реконструкции техники, развития новых классовых отношений, изменения форм хозяйства в условиях сплошной коллективизации? Какова роль совхозов и колхозов в новых условиях? Как будет изменяться роль и значение предприятий последовательно-социалистического типа в нашем хозяйстве? Как видоизменяется значение денежной формы и реконструируется финансовая система? Как будет вместе с рыночными отношениями отмирать и денежная форма? Как видоизменяется структура потребления? Как будет про-

*) Примечание редакции см. на 61 стр.

исходить уничтожение противоположности между городом и деревней и в частности уничтожение «ножниц»? Как разрешить проблему социалистических городов? Как должны складываться наши экономические отношения с капиталистическим миром в условиях растущей экономической независимости СССР? Каковы законы расширенного воспроизводства в условиях переходной экономики и продвижения к коммунизму?

Указанные вопросы и целый ряд других властно требуют ответа и нуждаются в углубленной теоретической разработке. Вопреки актуальным требованиям жизни двухлетняя дискуссия по вопросам политической экономии, углубившая постановку ряда важнейших вопросов и вскрывшая механистические и идеалистические тенденции в политической экономии, отвлекла огромное количество квалифицированных партийных сил от насущных теоретических проблем социалистического строительства. При всей важности разработки общеметодологических проблем политической экономии, необходимо напомнить, что всякая добродетель, продолженная дальше определенного предела, превращается в свою противоположность.

Дискуссия обнаружила тенденцию замкнуться в рамках одной только абстрактной теории и общей методологии, не подходя вплотную к крайне сложным вопросам социалистического строительства, где острая борьба классовых интересов делает теоретическое исследование особенно трудным и политически ответственным. Более того, среди некоторых экономистов подчас наблюдается прямо пренебрежительное отношение к проблемам советского хозяйства, как к «низкой» эмпирии, как к вопросам узкого практицизма; упускают из виду, что здесь-то и открывается обширное поле для творчества в области теории.

Характерным показателем отрыва дискуссии от актуальных политических и экономических проблем социалистического строительства является тот факт, что дискуссия прошла мимо такого извращения теоретических основ марксизма-ленинизма, как троцкизм.

В то время как троцкизм полностью и целиком разоблачил себя, как одна из форм мелкобуржуазного влияния на пролетариат, в то время как троцкизм, перейдя все грани, превратился в контрреволюционную мелкобуржуазную разношерстную группировку, в то время как партия Ленина нанесла троцкизму сокрушительный удар,—спорящие стороны не уделили внимания дальнейшей критике теоретических корней этой формы фальсификации учения Маркса-Ленина.

Дискуссия не разоблачала и не вскрывала антидиалектической, антимарксистской сущности троцкизма с характерным для последнего немарксистким пониманием законов классовой борьбы и связанным с этим антиленинским представлением об отношении рабочего класса к крестьянству, с его немарксистским пониманием сущности диктатуры пролетариата, основных характерных черт империализма, закона неравномерного развития капитализма в империалистическую эпоху и вытекающей отсюда возможности победоносного строительства социализма в нашей стране.

Для ленинца тем более невозможно игнорирование задачи разоблачения антидиалектических, немарксистских корней троцкистской идеологии, что рецидивы последней имеют место и в настоящее время, несмотря на то, что переживаемый этап нашего развития наглядно демонстрирует полнейшее банкротство троцкизма.

Задачи по разоблачению антидиалектической концепции Бухарина ни в коей мере не снимают необходимости решительного и углубленного разоблачения основных теоретических и методологических установок троцкизма в целях противодействия проникновению его в каких бы то ни было формах в ряды рабочего класса.

Нет сомнения, что *правильное* разрешение поставленных в дискуссии методологических проблем безусловно необходимо для плодотворной коллективной работы экономистов-коммунистов над вопросами теории советского хозяйства и современного империализма. Но не следует забывать, что только на основе работ над этим кругом проблем метод диалектического материализма может быть обогащен и развит далее. К сожалению, забвением этого бесспорного положения страдает происходящая дискуссия в теоретической экономии. Тем самым многоречивые рассуждения о методе остаются бесплодными. Оторванные от действительности, они превращаются *в пустышку*, вырождаются в *схоластику*. Такой «метод» перестает быть отражением об'ективной закономерности развития. С этой точки зрения настоятельно необходимо переключить силы экономистов-коммунистов на разработку актуальных теоретических вопросов социалистического строительства. Это необходимо тем более, что в этой области до сих пор сильны враждебные делу социалистического строительства буржуазные и мелкобуржуазные теории.

Существенные ошибки, допущенные в этой дискуссии, приобрели тем более опасный характер, что в *современных условиях* ошибки в методе особенно быстро перерастают в *ошибочные установки, ведущие ко всякого рода оппортунистическим извращениям политической линии партии.*

Решительно борясь с ревизией марксистско-ленинского учения, следует иметь в виду, что в эпоху диктатуры пролетариата выступления против марксизма сплошь и рядом облекаются в форму «нового понимания» и толкования теории Маркса-Ленина. Открытый ревизионизм и присоединение к буржуазной науке на манер Бернштейна и К-о в условиях диктатуры пролетариата не имеет шансов на успех. Господство марксизма в общественных науках заставляет ревизионистские выступления рядиться в одежды ортодоксии. Буржуазная и мелкобуржуазная, особенно *социал-демократическая*, идеология зарождается у нас и проникает к нам с Запада сплошь и рядом под оболочкой марксистских фраз. Тем больше опасность проникновения ревизионистских взглядов в среду коммунистов и тем больше необходимость четкой, ясной, непримиримой линии ленинцев, сплоченной борьбы коммунистов со всеми извращениями теории и метода Маркса-Ленина.

Необходимо ни на минуту не упускать из виду, «что без непримиримой борьбы с буржуазными теориями на базе марксистско-ленинской теории невозможно добиться полной победы над классовыми врагами». (Сталин).

Гибнущий класс, капиталистические элементы в нашей стране сопротивляются всеми мерами и способами политического, экономического и идеологического характера. В области экономической теории это выражается конкретно в том, что буржуазные неонароднические меньшевистские представления о законах экономического развития при капитализме шаблонно и в то же время в завуалированном советской фразеологией виде переносятся в условия переходной экономики и кладутся в качестве обоснования определенных программ практических мероприятий (Кондратьев, Громан, Базаров и др.). Поворот к ликвидации кулачества как класса требует решительного преодоления и этих остатков старых представлений и теорий, являющихся идеологическим заслоном капиталистических элементов в стране.

Только последовательное проведение диалектического материализма может обеспечить твердую научную базу для практической деятельности ленинской партии.

За последние десятилетия буржуазная наука, атакуя марксизм, изображала метод Маркса двойственным. Эту «двойственность» усматривали

«критики» в мнимом соединении противоположных натуралистических и «социологических» тенденций в системе Маркса. Характерной чертой буржуазной критики является здесь отождествление материального с вещественным, социального с идеальным (Струве, Петри, Финн-Енотаевский и др.). Именно на этом основании буржуазные ученые об'являют общественную жизнь царством свободной воли и «телеологии».

В борьбе с суб'ективизмом народников Ленин показал, что общественное развитие подчинено об'ективной закономерности, прокладывающей себе дорогу через сознательные действия людей. Маркс и Ленин смотрели на развитие общественно-экономической формации, как на «естественно-исторический процесс»[1]). Но необходимость и закономерность общественного развития есть, по Марксу и Ленину, необходимость действия людей, *общественных классов*. Материалист-диалектик в отличие от «об'ективиста» и вульгарного материалиста «не ограничивается указанием на необходимость процесса, а выясняет, какая именно общественно-экономическая формация дает содержание этому процессу, *какой именно класс определяет эту необходимость*[2]). Материализм «*включает в себя... партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы*»[3]).

Непонимание метода диалектического материализма связано обычно с недооценкой или с отрицанием роли революционной теории Маркса-Ленина, как руководства к действию для рабочего класса. На этой основе растут двоякого рода ревизионистские течения. Одни из них идут по линии превращения марксизма в натуралистическую систему, другие превращают учение Маркса в безобидную «социологическую» игру понятий.

Причудливо сплетаясь в некоторых пунктах, оба вида извращений диалектического материализма, хотя и не в одинаковой степени, представлены в политической экономии. Корни этих ревизионистских течений лежат в философском агностицизме (Юм, Кант), и в «социологическом» извращении метода Маркса, которое давно было начато австро-марксистской школой и, в частности, Гильфердингом. Механистическое направление в политической экономии ближайшим образом исходит из натуралистически-механистических взглядов Богданова.

Одной из основ богдановской политической экономии является механистическое сведение общественных законов к законам природы. Богданов пытается вывести общественные противоречия и борьбу классов из нарушения равновесия между обществом и средой (богдановский «энергетический баланс»). Воспринятая целиком тов. Бухариным в его «Теории исторического материализма» «теория энергетического баланса» получила известное распространение в политической экономии.

Прямым продолжением той же механистической концепции является подмен закона данной общественной формации общими надисторическими законами. Теория надисторичности экономических категорий, распространение категории абстрактного труда на все общественные формации лежит в основе богдановско-бухаринского «закона трудовых затрат». Исходя из нее, т. Бухарин делает вывод, что с устранением «костюма» товарного хозяйства законы общественного развития выступят в «голом» виде. В социалистическом обществе, по мнению т. Бухарина, неизменный закон трудовых затрат будет регулировать движение производительных сил *непосредственно*. Сами производительные силы, вопреки критике Ленина,

---

[1]) *Ленин*, Собрание сочинений, т. I, стр. 57.
[2]) Там же, стр. 276.
[3]) Там же.

зачастую отождествляются т. Бухариным с техникой и вообще берутся вне их специфической общественной формы. Производственные отношения изображаются просто как «размещение людей в пространстве», как чисто техническая связь.

Из такой установки растет недиалектическое представление о развитии производительных сил в переходный период, не учитывающее специфически общественные особенности каждого этапа развития. Рост производительных сил в условиях диктатуры пролетариата изображается метафизически, как рост богатства в о о б щ е, народного дохода в о о б щ е, сельского хозяйства в о о б щ е. Социальная форма этого развития в различных секторах и его противоречия игнорируются. Необходимость роста производительных сил именно в социалистических формах смазывается. Борьба с капиталистическими тенденциями за развитие социалистических форм п р о т и в о п о с т а в л я е т с я в конечном счете росту производительных сил в нашей стране.

Смешение технических отношений с общественным строем производства ведет далее механистов (т. Бухарин и его школа) к отождествлению процесса капиталистического производства с процессом непосредственно-общественного труда. Механисты упускают из виду, что обобществление труда капиталом усиливает, а не устраняет противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения. Говоря об обобществлении труда, они не видят ограниченной формы этого обобществления, происходящего под командой капитала. Механисты полагают, что капитализм развивается по направлению к сознательно «организованному хозяйству», «к дефетишизации» производственных отношений. Отсюда иллюзия тов. Бухарина, что монополии устраняют конкуренцию, анархию капитализма. Он строит на этом свою теорию «организованного капитализма», устраняющего будто бы конкуренцию внутри отдельных капиталистических стран. Тов. Бухарин не понимает, что «эта монополия капиталистическая, т.-е. выросшая из капитализма и находящаяся в общей обстановке капитализма, товарного производства, конкуренции, в постоянном и безысходном противоречии с этой общей обстановкой» [1].

Тов. Бухарин не видит того, что «монополии», вырастая из свободной конкуренции, не устраняют ее, а существуют над нею и рядом с ней, порождая этим ряд особенно острых и крупных противоречий, трений, конфликтов» [2].

Механисты изображают процесс воспроизводства как механическое движение вещественных и личных элементов производства. Тов. Бухарин и его сторонники совершенно упускают из виду качественную определенность воспроизводства и его пропорциональности и потому не понимают процесса изменения количественных пропорций с изменением характера общественного воспроизводства.

Механисты изображают общественное воспроизводство в виде колебательных движений «отклонений» от извне данного, самостоятельно движущегося уровня равновесия. Равновесие из момента движения, определяемого характером и формой последнего, превращается у механистов в исходный пункт как теоретического исследования в целом, так и действительного движения. Экономические законы формулируются ими как законы равновесия и противопоставляются законам движения. Отсюда противопоставление законов существования капитализма законам его гибели.

Теория равновесия «не имеет ничего общего с ленинизмом» (Сталин). Она вооружает теоретическими аргументами враждебные рабочему классу

---

[1] Л е н и н, Собр. соч., т. XIII, стр. 314, изд. 1924 г.
[2] Там же, стр. 305.

элементы против политики индустриализации, проводимой партией. Она служит в руках буржуазных и мелкобуржуазных экономистов для теоретической защиты индивидуального крестьянского хозяйства против коллективизации, для укрепления позиций частного капитала, вытесняемого развитием социалистической промышленности и кооперации. Несмотря на всю очевидность своего антиленинского существа, теория «подвижного равновесия» чрезвычайно широко распространена. Даже политические противники и критики взглядов т. Бухарина полностью не разделались с нею до сих пор и что лишний раз свидетельствует о живучести механистических тенденций в политической экономии.

Тов. Бухарин, будучи целиком подчинен своей механистической методологии и последовательно развивая теорию равновесия в теорию «балансирования», приходит к неизбежному выводу, что для каждого данного момента возможна только одна схема чисто количественных соотношений между элементами народного хозяйства. В переводе на язык экономической политики это влечет за собой требование равнения по «узким» местам. Тов. Бухарин не понимает, что дело не в одной только различной количественной характеристике элементов пропорциональности, но и в качественной их определенности, ибо от социальной формы воспроизводства зависит ход последнего и развитие свойственных ему противоречий.

Очевидна несостоятельность утопического стремления тов. Бухарина отвлечься от противоречий классовых интересов в переходный период путем создания гладких схем воспроизводства.

Тип воспроизводства в советском хозяйстве качественно иной, чем при капитализме, подчинен другому строю общественного производства, другим законам движения.

Наконец, должно быть особенно подчеркнуто, что, исходя из механистической концепции, нельзя правильно понять условия развития классовой борьбы в СССР, активную роль пролетариата в деле создания социалистической формы производства и значение этой последней для развития производительных сил нашего хозяйства. Отсюда проистекает недооценка т. Бухариным наших возможностей, его неверие в высокие темпы индустриализации, невиданные при капитализме.

Непонимание основ диалектического материализма нашло свое выражение у тов. Бухарина в его немарксистском понимании предмета политической экономии. Когда тов. Бухарин пишет в «Экономике переходного периода», что «т е о р е т и ч е с к а я политическая экономия есть наука о социальном хозяйстве, основанном на производстве т о в а р о в, т.-е. наука о н е о р г а н и з о в а н н о м социальном хозяйстве...» Ленин на полях замечает: «Две неверности: 1) определение шаг назад против Энгельса; 2) товарное производство есть т о ж е «организованное» хозяйство». Когда тов. Бухарин пишет, что «политическая экономия изучает т о в а р н о е хозяйство», Ленин замечает «не только»! А на утверждение тов. Бухарина, что «конец капиталистически-товарного общества будет концом и политической экономии» Ленин заявляет «неверно. Даже в чистом коммунизме хотя бы отношение I v+m к II c? и накопление»?

Из бухаринского понимания предмета политической экономии логически вытекает непонимание необходимости как теории советского хозяйства, ошибочно-оправдываемой лишь в меру наличия стихийных «неорганизованных» рыночных отношений в нашем хозяйстве, так и теоретического изучения производственных отошений социалистического общества. Марксистская политическая экономия изучает «общественные отношения людей по производству» (Ленин). Она изучает производственные отношения, как форму развития производительных сил данной общественной формации. Тем самым она исследует экономическую структуру, как естественно историче-

ский процесс, познает об'ективную закономерность возникновения, развития и упадка данных производственных отношений, т.-е. экономический закон движения общества. «Исследование производственных отношений данного исторически определенного общества в их возникновении, развитии и упадке — таково содержание экономического учения Маркса». (Ленин).

Методологические установки тов. Бухарина были непосредственно восприняты тт. Коном, Бессоновым и другими. Выступая на борьбу с антимарксистскими неокантианскими взглядами И. И. Рубина, они, вместо преодоления идеалистического ревизионизма в политической экономии, на деле лишь усугубляли и поддерживали механистическое направление в этой области и тем самым фактически способствовали укреплению и дальнейшему развитию идеалистических тенденций. Система ошибочных положений, выставленных этими товарищами, является прямым продолжением механистической, антидиалектической концепции т. Бухарина. Тт. Кон, Бессонов и другие оказались фактическими защитниками теоретических основ правого уклона, несмотря на то, что они защищают генеральную линию партии и не разделяют политических взглядов т. Бухарина.

Главнейшими из механистических ошибок тт. Кона и Бессонова являются:

1) Утверждение о надисторичности категории абстрактного труда, связанное с физиологически-энергетическим пониманием его. 2) Непонимание роли обмена в товарно-капиталистическом обществе, связанное с вульгаризацией теории товарного фетишизма Маркса. 3) Отождествление производительных сил с техникой и с процессом труда «как таковым». 4) Механистическое сведение производственных отношений непосредственно к производительным силам. Отсюда вытекает вульгарное понимание материальности производственных отношений и непосредственная характеристика специфичности различных типов производственных отношений уровнем развития техники. 5) Смешение политической экономии с технологией. 6) Богдановская теория «энергетического баланса» (т. Кон). 7) Теория равновесия и бухаринский «закон трудовых затрат». 8) Тезис о «дефетишизации» производственных отношений по мере развития капитализма, логически ведущий к положению о мирном врастании капитализма в социализм (т. Бессонов). 9) Ряд коренных ошибок в теории империализма, воспроизводящих бухаринскую концепцию (т. Кон). 10) Немарксистское представление об общественных науках (право, история и проч.), которые якобы не занимаются вопросами социальной революции (т. Бессонов). 11) Отождествление формы и содержания, проникающее все перечисленные выше ошибки, и ряд других ошибок.

Вытекающее отсюда смешение предмета технологии с предметом политической экономии ярко выступает в следующем положении т. Бессонова: «производительные силы в действии, процесс труда «как таковой» составляет такую же неот'емлемую составную часть политической экономии, как и обусловленная им общественная форма производственного процесса» [1]. Тов. Бессонов выставил в свое время вульгарно-механистический тезис, что производительные силы и производственные отношения «равноправно» входят в об'ект политической экономии. После решительного отпора со стороны подавляющего большинства экономистов-коммунистов т. Бессонов от этого тезиса отказался, но лишь формально.

Тов. Кон в своей последней статье пишет: «Технология и экономические науки изучают одно и то же материальное производство, однако, угол зрения, аспект этих двух наук на единый об'ект совершенно различны. Грань между политической экономией и технологией, стирать которую было бы преступлением, заключается в различии их точек зрения на материальное производство, в том, что первая (?) из них изучает материальный процесс производства с точки зрения эффективности воздействия человека на природу, вторая же изучает материальное производство с точки зрения его определенной общественной формы» [1].

[1] «Проблемы экономики», № 4—5, стр. 210.

Суб'ективистская установка т. Кона бросается в глаза. Марксизм различает технологический процесс и экономическое развитие как две об'ективно существующие формы движения. Тов. Кон в зависимости от избираемой им точки зрения «видит» то одну, то другую сторону единого об'екта. Т. Кон делает ошибку, аналогичную ошибке т. Бессонова, смешивая исходный пункт политической экономии «общественно-обусловленное производство индивидов» (Маркс) с естественно обусловленным процессом труда (технология).

По поводу такого оперирования «точками зрения» Ленин в своих заметках на «Экономику переходного периода» Бухарина замечает: «Суб'ективизм, солипсизм». Не в том дело, кто «рассматривает», кому «интересно», а в том, что есть независимо от человеческого сознания» [2].

Дискуссия отчетливо обнаружила всю несостоятельность и механистический характер положений, выдвинутых тт. Коном и Бессоновым и др. Непримиримая критика их механистических взглядов совершенно необходима, так как допущенная ими система ошибок непосредственно смыкается с антидиалектической концепцией т. Бухарина.

Эти ошибки тем более опасны, что мы имеем за последнее время попытки возрождения явной богдановщины (после Дашковского и Шабса—Кожанов и Финн-Енотаевский).

Заявления тт. Бессонова и Кона [3], каковы бы ни были их желания, отнюдь не могут быть признаны достаточными. Заявляя теперь о своей борьбе на два фронта, эти товарищи до сих пор не поняли, что их ошибки и есть механистические ошибки и что в своих взглядах они примыкают к механистическому фронту. Они до сих пор не видят механистических тенденций в политической экономии.

Об этом свидетельствует выпущенный ими в самое последнее время сборник «Рубинщина или марксизм», не только повторяющий основные ошибки тт. Кона и Бессонова, но в ряде случаев усугубляющий их.

Решительный отказ названных товарищей от всех допущенных ими ошибок и вскрытие методологических основ этих ошибок настоятельно необходимы для преодоления механистического направления в политической экономии.

Вульгарно-механистические извращения Маркса-Ленина т. Бухариным и его учениками (Марецкий, Айхенвальд и др.) представляют из себя серьезнейшую опасность в теоретической экономии, ибо они неизбежно ведут к правооппортунистическим выводам в области политики и теории советского хозяйства — главной опасности в рядах нашей партии.

Разоблачение антидиалектической концепции т. Бухарина отнюдь не может считаться законченным. Больше того, в ряде случаев это разоблачение только начинается (философские работы и работы по теоретической экономии). Отсюда вытекает настойчивая необходимость со всей энергией продолжать критику механистической теории и борьбу с оппортунистическими ошибками тов. Бухарина в вопросах советского хозяйства и совре-

[1] «Проблемы экономики», № 6, стр. 94.
[2] XI Ленинский сборник, стр. 385.
[3] См. «Проблемы экономики», № 10—11.

менного империализма. Не менее решительно должны разоблачаться и прикрытие этих ошибок т. Бухарина и примиренческое к ним отношение.

Признание рядом товарищей генеральной линии партии и активная ее защита от правооппортунистических извращений на ряду с допущенной ими системой механистических ошибок (Кон, Бессонов и др.) не может рассматриваться иначе, как величайшая непоследовательность.

Однако, грубейшей ошибкой было бы думать, что ревизия основ марксистско-ленинского учения идет только по линии их извращения со стороны механистов. В условиях обострения классовой борьбы, выкорчевывания корней капитализма, бурной социалистической переделки всего общественного строя страны, в условиях капиталистического окружения и дальнейшего развития кризиса мирового капитализма, социально чуждые и враждебные делу пролетариата элементы в стране питают как механистическую, так и прямо идеалистическую ревизию учения Маркса-Ленина. Поэтому борьба с механистической опасностью никоим образом не должна ослабить борьбу с опасностью откровенных идеалистических извращений марксизма. И было бы грубейшей ошибкой в какой бы то ни было мере забывать марксистам-ленинцам эту первейшую обязанность борьбы с теорией идеализма во всех ее проявлениях и направлениях.

Решительная борьба с последними тем более необходима, что они возведены в систему идеологами мировой социал-демократии (К. Каутский, М. Адлер, К. Реннер, Р. Гильфердинг, Отто Бауэр и др.) и способствуют успеху непримиримых врагов марксизма, теоретиков буржуазной «социальной школы», выросшей на основе неокантианского идеализма (Аммон, Штольцман, Петри).

Выразителем и представителем идеологии теоретиков II Интернационала в политической экономии является у нас И. И. Рубин. Кантианскую схоластику эпигонов буржуазной науки гибнущего капитализма И. И. Рубин ставит *выше* об'ективного научного анализа *классиков* политической экономии. Он считает «социальное направление» «многообещающим», находит в нем идейное «теоретическое» сродство с марксизмом, приветствует то, что теоретики социальной школы ищут «новых путей» для экономической науки, сочувствует их стремлениям, выражает им свою «признательность», считает работу Штольцмана, Аммона, Петри «плодотворной» [1].

Оставаясь на позициях международного меньшевизма, И. И. Рубин не понимает и не может понять, что политическая экономия апологетов капитализма принципиально и непримиримо враждебна пролетариату. В общеполитических позициях И. И. Рубина лежит корень того, что вся его концепция ограничена, замкнута в рамках общих абстрактных вопросов. И. И. Рубин отрывает общеметодологические проблемы политической экономии от проблем советского хозяйства и послевоенного империализма, старательно обходя и игнорируя эти последние. Методологическая «утонченность» работ И. И. Рубина сводится поэтому к бесплодной игре понятий, к чисто схоластическим упражнениям, лишь прикрывает марксистской терминологией их антимарксистское, антиреволюционное, неокантианское *содержание*. Работы И. И. Рубина и спор вокруг них отвлекают теоретическое исследование от разработки проблем советской экономики (социалистическое строительство) и противоречий мирового империализма (проблемы мировой революции). Не может быть ортодоксальной разработки общих теоретических проблем при антиреволюционной общеполитической линии [2].

---

[1] И. И. *Рубин*. Современные экономисты на Западе. (Предисловие).

[2] В этой связи следует считать совершенно правильным решение экономического отделения ИКП, Ин-та Экономики об И. И. Рубине (см. «Правда», от 2 февраля 1930 года).

Превосходство Маркса над классиками И. И. Рубин видит не в том, что «Маркс применил диалектику Гегеля в ее развитой форме (т.-е. материалистическую диалектику—*В. М.* и *Б. Б.*) к политической экономии» (Ленин), а в анализе капиталистического хозяйства с новой «социологической точки зрения». Важнейший результат исследования Маркса: вскрытие за вещными категориями, экономическими формами вещей производственных отношений людей и классовых противоположностей — остается поэтому фактически вне поля зрения И. И. Рубина. Он не видит, что сущность метода Маркса при изучении капитализма заключается в рассмотрении капиталистической формации, как естественно-исторического процесса. И. И. Рубин не понимает каким образом Маркс выводит экономические формы вещей из специфически общественного *строя производства*, из таких производственных отношений, существование которых не только «не зависит от сознания человека, но, напротив, последнее само от них зависит» [1].

Не случайно Рубин отрицает материальность абстрактного труда. «Абстрактный труд, образующий стоимость, — говорит он, — должен быть понимаем, как категория социальная, в которой мы не найдем ни одного атома материи» [2]. Это понимание социального показывает антимарксистский, антидиалектический характер всей концепции И. И. Рубина. По Марксу, абстрактный труд существует лишь в товарном хозяйстве, в котором равенство труда, как затрат одной и той же физиологически однородной человеческой рабочей силы, выступает, как специфически общественная форма труда. Лишь в товарном хозяйстве это равенство труда становится *общественной формой* труда, т.-е. абстрактным трудом. По И. И. Рубину, абстрактный труд есть не действительное, об'ективное равенство труда, а лишь вещное выражение равенства товаропроизводителей как автономных суб'ектов хозяйства [3].

Именно здесь коренится отрыв формы от содержания, который характерен для *И. И. Рубина и который находится* в непримиримом противоречии с методом Маркса-Ленина. Стремясь скрыть это противоречие и примирить свою теорию с Марксом, И. И. Рубин об'являет содержание стоимости то историческим, то неисторическим в зависимости от *подхода*, от точки зрения: с «точки зрения» анализа содержанием стоимости об'является общечеловеческий труд надисторическая материальная категория, с «точки зрения» синтеза абстрактный труд — историческая социальная категория. Рубин разрывает таким образом единство диалектического метода Маркса. Крайне характерно, что именно в этом вопросе с И. И. Рубиным солидаризируется тов. Кон. Идеалистические тенденции Рубина неизбежно влекут за собой отказ от марксовой диалектики, несмотря на словесное признание ее.

Вопреки И. И. Рубину и тов. Кону никакого разрыва у Маркса между анализом и синтезом нет. Конечный пункт анализа Маркса и исходный пункт его *синтеза один и тот же*. Отрыв синтеза от анализа свойственен кантианцам, а не диалектическому материализму. Анализ и синтез взаимно предполагают друг друга. Диалектический метод «на каждом шагу своего движения действует одновременно и аналитически и синтетически». Эта характеристика Гегеля одобрена Лениным заметкой: «Великолепно» (XI Ленинский сборник, стр. 307).

Противоречие между формой и содержанием, являющееся движущей пружиной развития, не отрицает, а предполагает их единство: никакого от-

---

[1] См. В. И. Ленин, Собр. соч., т. I, изд. 2-е, стр. 59.

[2] См. И. И. Рубин, «Очерки», III изд., стр. 149—150.

[3] «Очерки», изд. 3-е, стр. 98 и 111.

рыва формы от содержания марксизм не допускает. Содержание не бесформенно, — это оформленная материя. Форма содержательна [1].

И форма и содержание историчны. Форма активна. Приоритет содержания ограничивает активность каждой данной формы определенной исторической ступенью развития содержания. По мере этого развития противоречие между формой и содержанием растет. Из условия развития форма превращается в его оковы и «отвергается» содержанием. Лишь новая форма, возникающая на основе изменения самого характера содержания, создает условия для его дальнейшего развития. Только на этой основе можно понять диалектику производительных сил и производственных отношений, рост противоречий между ними, ведущий в классовом обществе к социальной революции. Никакой другой «точки зрения» диалектический материализм не знает.

Отрывая содержание от формы, И. И. Рубин уничтожает возможность материалистического их понимания, ставя форму над содержанием. Он выводит характеристику производственных отношений из особенностей правовой организации, относя право непосредственно к характеристике экономической структуры. «Отсутствие внеэкономического принуждения, организация трудовой деятельности отдельных лиц не на началах публичного права, а на началах права частного и, так называемого, свободного договора есть **характернейшая черта экономической структуры современного общества**. Отсюда и основная форма производственных отношений между отдельными частными хозяйствами, форма обмена, приравнивания обмениваемых стоимостей» [2]. Итак, по мнению И. И. Рубина, не экономическая структура общества определяет и характеризует его право, а право определяет («отсюда») и характеризует экономическую структуру. Он рассматривает капиталистическое производство, как бесформенный процесс, к которому форма присоединяется извне, из процесса обмена [3].

И. И. Рубин видит внутри отдельного предприятия, в процессе непосредственного производства только технические «организованные» отношения (см. 2-ю главу «Очерков»). Общественные производственные отношения, характеризующие капиталистический способ производства как специфическую общественно-экономическую формацию, он переносит в сферу рыночных отношений между предприятиями, в сферу обращения. В результате производственные отношения, отождествляемые И. И. Рубиным с отношениями купли и продажи, выступают только как отношения «владельцев вещей», как отношения равноправных суб'ектов хозяйства, а «не как» отношения товаропроизводителей [4]. На основе этого противопоставления отношений обмена отношениями производства затушевываются далее отношения самого процесса капиталистического производства, отношения эксплоатации. Недаром И. И. Рубин берет термин классовые при характеристике производственных отношений в кавычки [5].

И. И. Рубин грубо извращает соотношение производства и обмена в экономической системе Маркса. Он игнорирует бесспорное марксистское положение, что экономическая структура определяется отношениями людей в процессе производства, и заявляет, что «предмет марксовой теории стоимости» составляет «исследование процесса обмена его общественной формы и его

[1]) Форма «содержит внутри себя устойчивое существование, или материю, как одно из своих определений. Таким образом (как внутреннее строение.— *В. М. и Б. Б.*) форма есть содержание, а в своей развитой определенности она есть **закон** явления». (Гегель, соч., т. I, стр. 223).

[2]) «Очерки», изд. 3, с. 98. (Выделено нами. *В. М. и Б. Б.*).

[3]) «Очерки», изд. 3, с. 18.

[4]) «Очерки», изд. 3, с. 16, 30 и др.

[5]) **И. И. Рубин.** Современные экономисты на Западе, с. 188—189.

связи с производством товарного общества» [1]). На самом деле, форма производства **определяет** форму обмена. Процесс товарного производства включает в себя необходимость частного обмена для движения общественного воспроизводства. Капиталистическое воспроизводство сверх того включает и необходимость купли-продажи рабочей силы. Это **моменты самого процесса производства**.

Ошибочная трактовка И. И. Рубиным проблемы производительного труда представляет собой явную ревизию учения Маркса. Отход от марксизма в этом вопросе широко открывает двери всякого рода современным буржуазным теориям распределения, исходящим из признания производительными всех видов «труда», выполняемого буржуазией и ее помощниками в деле присвоения прибавочной стоимости. В применении к советской экономике антимарксистская трактовка проблем производительного труда служит базой для ряда враждебных нашей партии теоретических концепций, совершенно извращающих характер, перспективы и задачи нашего хозяйственного строительства.

Своими комментариями, смазывая качественное различие между простым товарным хозяйством и капитализмом, И. И. Рубин **извращает** отношение между развитием экономических категорий в системе Маркса и действительным историческим развитием. Простое товарное хозяйство об'является только надуманной логической схемой, **только** абстракцией капитализма и перестает быть для И. И. Рубина исторической ступенью в развитии капитализма, его первой эмбриональной, зародышевой формой. Отрыв логического хода исследования от исторического хода развития явно противоречит многочисленным высказываниям Маркса, Энгельса и Ленина. Этот отрыв смазывает момент возникновения капитализма и его гибели, ведет к вытравливанию из марксистской теории ее революционно преобразующего смысла.

Вся концепция И. И. Рубина отличается тем, что у него социальное общественное не берется, как классовое. Концепция Рубина, в которой выхолощено боевое революционное классовое содержание, не может не служить на деле интересам чуждых и враждебных пролетариату слоев. В этом — антимарксизм и антиреволюционность И. И. Рубина.

Центральный орган партии «Правда» своевременно и правильно выдвинул задачу борьбы на два фронта (см. «Правда», № 234, от 10 октября 1929 г.).

Борясь против механизма, нельзя забывать «рубинизма». Смазывать актуальность критики ревизионистской концепции И. Рубина было бы глубочайшей ошибкой. Не следует упускать из виду нить, связывающую взгляды И. И. Рубина с австро-марксистами, с теорией социализации через обращение. По этой линии концепция И. И. Рубина представляет богатый питательный источник для меньшевизма. Извращения марксизма не являются и не могут быть «нейтральными». Из них могут и должны неизбежно вытекать антиреволюционные, меньшевистские тенденции.

Партия развернула невиданную активность в среде пролетариата, на **основе нового способа производства**, нового отношения рабочих «к дисциплине труда» (Ленин), на основе их отношения к средствам производства, как к достоянию всего рабочего класса. Новые производственные отношения на предприятиях социалистического типа в городе и деревне ускорили развитие производительных сил нашей страны. Активность производственных отношений доказана на практике невиданными при капитализме темпами роста нашего хозяйства. В итоге вслед за полным разоблачением авантюризма троцкистской политики сверхиндустриализации и троцкистской

[1]) См. «Очерки», стр. 96.

теории, утверждающей невозможность построения социализма в нашей стране, бит жизнью правый уклон и окончательно добиты троцкистско-меньшевистские теоретические построения.

Для коммунистов-экономистов должен быть ясен ревизионистский, меньшевистский характер взглядов И. И. Рубина, его неспособность стать на путь классового анализа экономических отношений, антимарксистский характер его учения. Решительная борьба со взглядами И. И. Рубина является настоятельно необходимой, ибо они закрывают путь к марксистско-ленинскому пониманию нашего развития. Защита же их в какой бы то ни было форме со стороны коммунистов есть полный разрыв с марксизмом.

Игнорировать меньшевистскую опасность на том основании, что в партии выступает ревизионизм преимущественно механистического порядка, значит выпускать из поля зрения страну в целом, в которой меньшевизм представляет силу, враждебную марксизму. Недооценка идеалистической меньшевистской опасности характерная в дискуссии для ряда товарищей свидетельствует о том, что они не сумели занять правильную позицию борьбы на два фронта. Односторонняя борьба против механистических тенденций («антибухаринизм»), или односторонняя борьба против рубинщины («антирубинизм»), явно не достигает цели. Глубоко ошибочно изображать И. И. Рубина борцом за ортодоксальный марксизм против ревизионизма механистов и против «социального направления», принимать некритически с ничтожными оговорками ряд его теоретических положений, как строго марксистские. (См. сборник «Против механистических тенденций» и т. д., под редакцией тт. Борилина и Леонтьева, статьи тт. Греблиса, Коровая, Степанова и Г. Деборина).

Группа товарищей (Борилин, Леонтьев и др.) правильно выступила против механистической опасности, что следует поставить им в бесспорную заслугу. Однако, не поняв антимарксистского, антидиалектического, антиреволюционного характера работ И. И. Рубина, эти товарищи давали в корне ошибочную положительную оценку его работ (см. ряд мест в «Сборнике против механистических тенденций», стр. 9, 10, 57, 129) и тем самым стали на ошибочную, эклектическую позицию, об'ективно способствуя распространению теоретических взглядов И. И. Рубина, затрудняя борьбу на два фронта, которую правильно вел ряд товарищей.

В односторонней борьбе против механистов некоторые товарищи разделяли ряд немарксистских положений И. И. Рубина об абстрактном труде, об отношении производства и обмена, его определение предмета политической экономии, отождествление производительных сил с материально-технической стороной производства, с технологическим процессом. В последнее время эти товарищи под напором критики начали отходить от неправильной позиции, признав у И. И. Рубина систему идеалистических ошибок, однако, это сочеталось у них с утверждением, что для И. И. Рубина характерны не извращения марксизма, а в основном правильная интерпретация Маркса-Энгельса. Тем самым эти товарищи впадали в явную непоследовательность и эклектизм.

Единство взглядов экономистов-коммунистов может быть выработано только в борьбе на два фронта, исключающей примиренческое отношение к механистическим и идеалистическим—меньшевистским—тенденциям в политической экономии. Всякие попытки выработки положительных взглядов на затронутые в дискуссии вопросы вне такой борьбы осуждены на неудачу и ведут к эклектизму.

Только на этой основе, но никак не на основе беспринципного сговора по лозунгу «единство ради единства», консолидация партийных сил в области политической экономии пойдет быстрым темпом и непроизводительные издержки дискуссии будут сведены к минимуму. Следует положить конец теоре-

тическому разброду. Коммунистическая академия должна стать действительным центром, собирающим партийные силы для теоретической разработки современных экономических проблем. Экономисты-коммунисты должны помочь как плановым органам в деле поднятия плановой работы на должную научную высоту, так и нашим руководящим хозяйственным органам (ВСНХ, НКЗ, НКПС, НКТорг и др.), в деле разрешения стоящих перед нами задач социалистического строительства. Научное обоснование социалистического строительства, планирования и практического его осуществления должно иметь в своей основе правильно понятую марксистско-ленинскую теорию общественного развития.

Экономисты-коммунисты должны преодолеть вредную тенденцию отрыва теории от практики. Проблема советской экономики должна стать во главу угла дальнейшей работы теоретической экономии. Вместе с этим необходимо углубить теоретическую разработку проблем послевоенного империализма. Следует радикально изменить то положение, при котором теоретическая работа сильно отстает от всего нашего строительства. Лишь в этом случае политическая экономия останется той «действительной теорией», которая, по словам тов. Сталина, «дает практикам силу ориентировки, ясность перспективы, уверенность в работе, веру в победу нашего дела».

ОТ РЕДАКЦИИ.

Редакция «Большевика» считает правильным основные положения статьи тт. Милютина и Борилина.

Редакция считает нужным особо подчеркнуть неотложную, настойчивую необходимость перенесения центра тяжести теоретической работы на изучение проблем социалистического строительства и современного империализма. Коренным недостатком дискуссии в политической экономии является ее оторванность от практики, от живой действительности. Это обстоятельство не только снижает уровень и результаты дискуссии, но и заводит ее в тупик, превращает ее, в значительной степени, в бесплодные, схоластические споры, ведет к разрыву с марксистско-ленинским методом.

Борьба за марксистско-ленинскую теорию и метод Маркса и Ленина возможны лишь в процессе изучения советской экономики и современного этапа развития мирового капитализма. Между тем, именно к этим вопросам не было внимания со стороны наших теоретиков экономистов. Проходившая же дискуссия еще больше отвлекла силы и внимание экономистов от этих актуальнейших вопросов современности, направив их по пути голой абстракции и чистой схоластики. И в значительной степени в силу этого образовался тот «разрыв между практическими успехами и развитием теоретической мысли», который отмечал тов. Сталин в своей речи на конференции аграрников-марксистов.

Поэтому, теоретическая мысль наших экономистов вместо того, чтобы давать «практикам силу ориентировки, ясность перспективы, уверенность в работе, веру в победу нашего дела», в значительной степени плелась в хвосте событий, не всегда даже регистрируя факты прошлого.

Отмечая, что значительная часть экономистов-коммунистов не сумела правильно поставить вопрос борьбы с буржуазными и мелкобуржуазными взглядами в теоретической экономии, редакция считает, что как механистическая, так и идеалистическая концепция в вопросах теоретической экономии, несмотря на свою кажущуюся противоположность, питаются из одного источника. Обе уходят своими корнями в неокантианство—официальную идеологию международного меньшевизма; обе одинаково враждебны марксизму. И потому ни чем иным, как политическим и теоретическим недомыслием следует считать ***попытки ставить вопрос: какая из этих теорий «хуже».***

Поэтому, необходимо вести решительную борьбу как с механистической концепцией в вопросах теоретической экономии, так и с непосредственно идеалистической меньшевистской ревизией марксизма, носителем и выразителем которой является И. Рубин.

Механистическая ревизия экономического учения Маркса-Ленина своими корнями уходит в богдановщину. Наиболее ярким представителем этой ревизии является внутри партии т. Бухарин и его школа (Айхенвальд, Марецкий и др.), которые на механистической основе формировали идеологию правого уклона. Систематически допускавшиеся рядом товарищей (Бессонов, Кон и др.) ошибки механистического порядка смыкаются с теоретическими ошибками правых оппортунистов, — хотя часть экономистов-коммунистов, стоящих на механистических позициях в теории, активно выступает за политическую линию партии и активно борется против правого уклона. Однако, отделять политику от теории в такой «партийной науке, как политическая экономия» (Ленин), — величайшая непоследовательность. Механисты в политической экономии обнаружили, что антиленинская сущность их методологии логически ведет к оппортунистическим политическим выводам.

Редакция отмечает, что тт. Бессонов и Кон в специальном заявлении в «Большевик» заявили о полном признании допущенных ими в борьбе против Рубина механистических ошибок и заявили также, что они в основном присоединяются к статье тт. Милютина и Борилина.

Теоретические работы И. Рубина, — отражая меньшевистскую концепцию их автора, — выхолащивают революционное содержание марксизма и диалектический материализм Маркса и Ленина подменяют мешаниной из откровенно идеалистических и механистических настроений. Заняв определенную антиреволюционную политическую позицию, И. Рубин уклоняется от исследования проблем советского хозяйства и изучения современного империализма, «эмигрируя» от живой действительности, практики социалистического строительства и революционной борьбы мирового пролетариата в область абстракции и схоластики.

И несомненно, большую ошибку делают те товарищи (Борилин, Леонтьев и др.), которые, в основном правильно нащупав механистическую опасность в политической экономии, не сумели правильно нащупать опасность антимарксистских построений И. Рубина. Оказавшись в плену у рубинщины, они выдавали антимарксистские взгляды И. Рубина, как «углубляющие наше понимание марксистской политической экономии» (Борилин), как «развивающие и углубляющие» марксову политическую экономию (тт. Коровай, Греблис и др.), как базирующиеся «на правильном понимании духа экономического учения Маркса и Ленина» (Леонтьев), как «строго марксистскую» и т. д. Таким образом, вместо разоблачения антимарксистских взглядов И. Рубина, они выступили фактически их защитниками, способствуя их распространению. Признание сперва «отдельных неточностей» и «спорных» формулировок у И. Рубина, а затем наличия «системы идеалистических ошибок», на ряду с оценкой его работ, как «строго марксистских», не может быть характеризовано иначе, как непоследовательность, как эклектизм.

В связи с этим, редакция отмечает ошибочность позиции, занятой журналом «Под Знаменем Марксизма», который печатал как статьи И. Рубина так и статьи его защитников в редакционном, а не дискуссионном порядке, и тем самым взял на себя ответственность за взгляды, развиваемые и защищаемые И. Рубиным.

Одновременно должны быть отмечены и ошибки, допущенные журналом «Проблемы экономики», печатавшем в редакционном порядке отдельные статьи («Неск. замечаний о теории орг. капитализма»), хотя и направленные против теоретических взглядов представителей правого уклона, но фактически критиковавшие их с бухаринских же позиций.

Оторванность дискуссии по вопросам теоретической экономии от практики и живой действительности находит свое выражение, наконец, в том факте, что из поля зрения дискутирующих сторон выпал троцкизм, меньшевистская концепция которого представляет одну из серьезнейших опасностей, как в деле социалистического строительства, так и во всей революционной борьбе мирового пролетариата.

Редакция констатирует, что, к сожалению, Коммунистическая академия до настоящего времени оказалась в стороне от дискуссии, не руководила ею, и в этом отношении не выполнила своей роли руководящего теоретического центра, на обязанности которого лежит в первую очередь разработка теоретических проблем экономики, особенно советской экономики. Между тем, именно в этой дискуссии руководство со стороны Коммунистической академии было особенно необходимо. Надо надеяться, что Коммунистическая академия сделает все нужное, чтобы усилить и направить теоретическую работу в политической экономии в соответствии с задачами и интересами международной социалистической революции.

Редакция считает, что печатаемой статьей тт. Милютина и Борилина дискуссия должна быть закончена и призывает экономистов-коммунистов переключиться на изучение вопросов социалистического строительства и империализма; такая теоретическая работа имеет огромное значение для строительства социализма в нашей стране и для всего дела мирового коммунизма.

О. Дзенис.

Диктатура пролетариата в районах сплошной коллективизации.

В августе — сентябре истекшего года в «Известиях ЦИК» появился ряд статей, в которых проводилась точка зрения, что процесс коллективизации неизбежно ведет к отпадению необходимости в существовании самостоятельных низовых советских органов в лице сельских советов и даже райисполкомов. Исходя из того, что в сёлах, в которых проводится сплошная коллективизация, функция хозяйственного строительства почти полностью переходит к колхозам, ряд тт. ставил под сомнение целесообразность существования в упомянутых местностях советов, утверждая, что «остающиеся» функции последних можно передать правлениям колхозов. Так, например, тов. А. Львов в своей статье [1]) предлагал, исходя из того, что «за сельсоветом остаются функции чисто административные, ради которых нет смысла даже иметь какой-либо специальный орган, *функции сельсовета передать колхозу*». (Курсив наш. *О. Дз.*). Тов. Б. Каврайский это же предлагал в отношении с-х коммун [2]):

> «Надо предоставить окружным исполкомам (или крайисполкомам) право распространять на советы крупных коммун (свыше 300 душ населения) положение о сельсовете в такой части, в которой оно, вообще говоря, может иметь отношение к коммуне».

Немного позже в статье Ряхова [3]) дана эта же установка в более развернутом виде. Он пишет:

> «Мы видим, как сращиваются функции колхоза с функциями сельсовета, как колхоз подчиняет аппарат совета, как круг деятельности сельсовета все суживается и сводится *исключительно к администрированию*» (курсив наш. *О. Дз.*).

Вывод из этого лишь один — необходимо уничтожить сельсовет, передав «остатки» его функций правлению колхоза. Но порочная постановка вопроса неизбежно толкает автора дальше — к своему логическому продолжению. Он вынужден констатировать, что в связи с развертывающейся коллективизацией целых районов «и в районе налицо переплетение функций колхозного об'единения и РИК'а. Это факт несомненный». Правда, тов. Ряхов предлагает пока ограничиться лишь пересмотром функций РИК'а, но совершенно ясно, что логическая последовательность должна привести такую постановку вопроса к предложению и об уничтожении районных звеньев советской системы, оставив на их месте лишь уполномоченных высшего звена советской системы. Надо учесть, что разбираемая нами постановка нашла место еще до осенней посевной кампании, которая показала еще больший

[1]) «Известия ЦИК», № 200, от 31/VIII—29 г.
[2]) Там же.
[3]) «Известия ЦИК», № 209, от 11/IX—29 г.

размах коллективизации, поставив на очередь дня сплошную коллективизацию уже целых округов и областей. А ныне партия уже взяла твердую установку на завершение задачи охвата сплошной коллективизацией всего Союза не в 5, а в 2 — 3 года. Логически продолжая точку зрения тов. Ряхова и его единомышленников, мы таким образом должны были бы притти неизбежно к выводу о перспективе ликвидации в ближайшее же время не только окружных исполкомов, но даже краевых-областных, а к концу охвата сплошной коллективизацией всей страны — года через 3 — мы стояли бы перед проблемой целесообразности дальнейшего существования ЦИК и Совнаркома, функции которых по схеме защитников ликвидации низовых звеньев советской системы ведь также, якобы, должны свестись к «простому администрированию». Логически продолженная концепция сторонников уничтожения низовых органов пролетарского государства ярко вскрывает всю свою нелепость: она ведет к ликвидации Советского государства [1]).

В чем же основные причины ошибок «противников советской власти», как в шутку себя именовали в Воловском районе защитники ликвидации сельских советов? Несомненно ошибки коренятся в полнейшем непонимании сущности переходного периода, *непонимании сложности процесса переделки общества на новый — социалистический — лад*, непонимании сложности и многообразия классовой борьбы в переходный период, классовой борьбы вокруг колхоза и элементов классовой борьбы в самом колхозе. Всё это приводит защитников упомянутых взглядов к оппортунистическому ликвидаторству, как бы революционными им самим нередко не казались их собственные взгляды.

«Ликвидаторы» исходят из того основного положения, что в колхозе и районе сплошной коллективизации уже сняты все классовые противоречия, что процесс сплошной коллективизации сам по себе сразу создает бесклассовое общество. Тов. Ряхов это положение пытается теоретически обосновать ссылкой на Энгельса, говоря:

> «Не является ли село-колхоз, ряд сельколхозов, входящих в один сельсовет, зародышем того общества, про которое *Энгельс* говорил: «Общество, которое по-новому организует производство на основе свободной и равной ассоциации производителей, отправит всю государственную машину туда, где ей будет тогда настоящее место»?.. Не является ли колхоз-село началом отмирания отдельных звеньев государственности в нашем Советском Союзе, строющем социализм?».

Сказанное недвусмысленно говорит о том, что автор отождествил колхоз с «свободной ассоциацией производителей», т.-е. с организацией производства на той стадии развития общества, когда все средства производства уже обобществлены, когда исчезают последние пережитки классового общества, а вместе с ними отмирает и государство. После тов. Ряхова оценка колхоза как «свободной ассоциации производителей» повторялась не одним автором. В частности такая же точка зрения отстаивалась в «Рабочей Москве» в статье Доценко (от 19-го сентября 1929 года); в последнем номере органа ВУЦИК «Радяньска Украина» предложение расформировать сельсоветы в «селах-коммунах» отстаивает Я. Малакишер; ряд статей этого же направления остался ненапечатанным в редакциях; эти же взгляды вы-

[1]) Кстати, следует указать на недостаточную решительность редакции «Известий ЦИК» по этому вопросу. Печатая ст. тов. Ряхова, редакция дала в этом же номере от себя ст. тов. А. А. «Коллективизация и низовой советский аппарат», в которой по поводу предложений ликвидации сельсоветов и передачи их функций колхозам говорится: «Мы располагаем еще очень небольшим количеством материалов, чтобы судить, насколько это мероприятие является правильным». Между тем для критики принципиально ошибочной общей установки тов. Рягова и др. его единомышленников, не требовалось никакого обилия фактических материалов. Лишь спустя некоторое время в газете появились статьи, серьезно критикующие выдвинутые тов. Ряховым предложения.

сказывались в устных дискуссиях не одним только оратором. А в Сибири и на Кубани были отмечены даже отдельные случаи применения уже на практике шагов к фактической ликвидации низовых звеньев советской системы в деревне.

Взгляд «ликвидаторов» низовых звеньев советского государственного аппарата выявляет совершенное непонимание ленинского учения об отмирании государства. Ряхов в колхозе-селе ищет «начало отмирания отдельных звеньев государственности». Эта постановка выявляет чисто механистическое понимание процесса отмирания государства, идущее вразрез с ленинским учением о государстве диктатуры пролетариата. По Ленину, государство начинает отмирать с самого момента перехода власти к пролетариату. «Пролетариату нужно лишь отмирающее государство, т.-е. устроенное так, чтобы оно немедленно начало отмирать и не могло не отмирать» [1]).

Приобщение масс трудящихся к делу управления государством, подавление эксплоататоров самой вооруженной массой трудящихся — большинством населения, уничтожение классов при помощи государства, как «дубинки» в руках пролетариата — вот реальный процесс постепенного отмирания государства. Ленинское понимание процесса отмирания государства в корне расходится как с оппортунистическим пониманием плавного, спокойного засыпания государства, так и с не менее оппортунистическим взглядом отмирания его путем механического отпадания отдельных звеньев государственной системы.

Пролетарское государство есть орган насилия в руках пролетариата для подавления эксплоататоров. Но подавление, осуществляемое пролетарским государством, принципиально отлично от подавления при господстве любого другого класса тем, что в то время как все прежние типы государств осуществляли подавление большинства меньшинством, в пролетарском государстве мы имеем «уже подавление меньшинства эксплоататоров большинством эксплоатируемых» [2]). Поэтому государство переходного периода «уже не государство в собственном смысле». Именно в приобщении масс к государственному управлению, в организации подавления эксплоататоров самой массой, все более и более организующейся и приобщающейся к демократии, и следует искать отмирание государства. При этом Ленин никогда не ищет механического определения сроков отмирания, подчеркивая, что «оно представляет из себя заведомо процесс длительный» [3]).

Авторы ликвидаторских тенденций явно забыли ленинскую установку в понимании роли и задач пролетарского государства. Оно нужно пролетариату для того, чтобы «подавить неизбежное, отчаянное сопротивление буржуазии и организовать для нового уклада хозяйства все трудящиеся и эксплоатируемые массы. Пролетариату необходима государственная власть, централизованная организация силы, организация насилия и для подавления сопротивления эксплоататоров и для руководства громадной массой населения,—крестьянством, мелкой буржуазией, полупролетариями в деле «налаживания» социалиситческого хозяйства» [4]). Таким образом две задачи стоят перед государством переходного периода: 1) насильственное подавление эксплоататоров и 2) руководство трудящимися в деле строительства социалистического хозяйства. Говорить о ликвидации государственного аппарата можно лишь при осуществлении обеих этих задач, что означает полную ликвидацию классового деления общества, включая и его пережитки, и переход к коммунизму. «Только коммунизм создает полную ненадобность государства, ибо некого подавлять, «некого» в смысле класса» [5]).

[1]) Ленин, XIV, часть 2, стр. 315.
[2]) Ленин, XIV, часть 2, стр. 370.
[3]) Ленин, XIV, часть 2, стр. 365.
[4]) Ленин, XIV, часть 2, стр. 317.
[5]) **Ленин, XIV, часть 2, стр. 371.**

Именно последнего условия — необходимости ликвидации в стране классов, как таковых, для возможности отмирания государства — не видят ликвидаторы низовых советов. Изменение классовой дифференциации в данном районе в связи с об'единением бедняцкого и середняцкого крестьянства в колхозы они принимают уже за завершение ликвидации классов и превращение крестьянства в свободно ассоциированных производителей, не понимая, что процесс ликвидации классов связан не только с экспроприацией капиталистов, но и с полным уничтожением противоположности между городом и деревней, что он может быть решен лишь в рамках всей социалистической страны в целом. При этом совершенно выпадают из кругозора как элементы классовой борьбы внутри колхоза, так и классовая борьба вокруг него, борьба ожесточенная, принимающая острые формы вследствие зверского сопротивления кулачества процессу ликвидации его как класса, теснейшим образом связанного с осуществлением коллективизации. Примеры кулацкого вредительства колхозам известны, либо путем нанесения им прямого материального вреда или физической расправы с колхозниками, либо путем влияния на членов колхоза с целью разложения последнего, дает почти ежедневно вся наша печать, особенно в последний год. Перед строящим социализм пролетариатом стоит задача не только обуздания кулачества, но и полного уничтожения его как класса, без чего не может быть налажено социалистическое переустройство деревни и достигнута коренная переделка самих мелких товаропроизводителей в действительных членов социалистического общества. Только завершение ликвидации буржуазии как класса обеспечивает успех переделки мелкой буржуазии.

Выпадает из круга внимания «ликвидаторов» также классовая дифференциация в самом колхозе. Совершенно упускается из виду, что внутри колхоза не изжита классовая дифференциация крестьянства. С.-х. коммуны—высшая форма колхоза, в которых все средства производства обобществлены—составляют незначительный процент в колхозной системе. До сих пор большинство колхозов составляло низшую форму — товарищества по совместной обработке земли, в которых средства производства еще продолжают оставаться в частной собственности, а значит сохраняется и почти полностью прежняя дифференциация членов колхоза по их отношению к средствам производства, т.-е. их классовая дифференциация.

«Сохранение частной собственности на орудия производства предопределило возможность использования накопления, получающегося в результате общественного труда, для роста частной собственности и личного обогащения отдельных хозяев» (Яковлев, Я. А.).

В настоящее время мы при активнейшем участии бедноты и поддержке широких масс середняка прилагаем усилия к переходу колхозов на более высокую ступень — к обобществлению средств производства. Но совершенно ясно, что этот процесс обобществления не может протекать без сопротивления со стороны укрывшихся, особенно в колхозах первичной формы, кулаков и зажиточных. Они не только сами сопротивляются переводу колхозов на более высокие формы, но и оказывают дезорганизующее влияние на состоящих в колхозе середняков, далеко еще не изживших психологии частного собственника. Такое же дезорганизующее влияние на членов существующих колхозов оказывают кулацкие элементы и извне, влияя «через различные звенья — родственные, соседские» (Каганович), стараясь дезорганизовать работу колхоза изнутри через отдельных его членов. Для обуздания этого многообразного, явного и скрытого, прямого и косвенного сопротивления классовых врагов пролетариата колхозному строительству нужен орган диктатуры пролетариата — совет, могущий авторитетом пролетарского государства обеспечить социалистическое переустройство деревни от дезорганизующего вмешательства классовых врагов пролетариата, в каком виде бы оно не происходило.

Классовая борьба в колхозах отличается от классовой борьбы вне колхозов. Не замечать этого — было бы грубейшей и вредной ошибкой. Эта ошибка представляет теперь «характерную черту всех наших «левых» крикунов» (Сталин). Но приходить к выводу о полном исчезновении классовой борьбы в колхозах является на данном этапе самым зловреднейшим уклоном, мешающим рабочему классу преодолеть скрытое и явное сопротивление класса эксплоататоров.

Насколько выдвинутые «ликвидаторами» идеи действительно близки кулаку, насколько они отражают его идеологию, могут ярко свидетельствовать такие факты, как выдвижение в отдельных районах сплошной коллективизации (например Ирбит, Байкаловский район) кулаками лозунгов — «Долой советы», «Колхозы без советов», «За колхозы, но без руководства коммунистов» и т. п. Кулацкая линия почти полностью совпала с теоретизированием «ликвидаторов», показав, что последние являются лишь рупором кулацких настроений.

Утверждения о сведении функций советов к «простому» администрированию», при котором возможна сдача государства в музей истории, вскрывает отождествление авторами «ликвидаторских» проектов переживаемой нами стадии с первой фазой коммунистического общества, когда уже все средства производства обобществлены, все члены общества превратились в служащих по найму государства, когда налажен полнейший учет и контроль, ставший всенародным, всеобщим, когда от него нельзя уже уклониться, когда «все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством платы» [1]). Но эта стадия наступит лишь тогда, когда уже обобществлены все средства производства, ликвидирован класс эксплоататоров, «когда все члены общества или хотя бы громадное большинство их сами научились управлять государством» [2]). Именно об этой стадии Ленин говорил как о ступени, на которой общественные функции из политических превращаются в простые административные, когда государство можно назвать неполитическим государством [3]). «Когда государство сводится в главнейшей части его функций к такому учету, контролю со стороны самих рабочих, тогда оно перестает быть «политическим государством», тогда «общественные функции превращаются из политических в простые административные функции» [4]). Вступили ли мы уже в ту стадию отмирания классового общества, когда можно говорить о неполитическом государстве, об отпадении необходимости в политической власти, в управлении? Ответ может быть один — мы к ней идем, но мы к ней еще не пришли. Существование классов и существование политической власти находится в теснейшей связи. Отмирание классов связано и с исчезновением политической власти. Но до тех пор, пока будут существовать классы или хотя бы даже пережитки классовых различий, неизбежно и существование политической власти.

Экспроприация капиталистов еще не может повлечь за собой исчезновение политической борьбы и отпадение необходимости в политической власти. Нельзя забывать о наличии капиталистического окружения, побуждающего экспроприированных капиталистов надеяться на возможность восстановления капитализма и протягивать руку за помощью к иностранным капиталистам. «Переход от капитализма к коммунизму есть целая историческая эпоха. Пока она не закончилась, у эксплоататоров неизбежно остается надежда на реставрацию, а эта надежда превращается в попытки реставрации» [5]). Нет ни малейшего сомнения в том, что каждый шаг роста экономической и политической мощи Советского Союза вызывает и будет вызывать озлобление всего капиталистического мира и обострять желание империалистов уничтожить Союз путем военного нападения. Неизбежно будут учащаться попытки дезорганизовать наше хозяйство извне и изнутри, попытки прямого и скрытого вредительства. Все это будет поддерживать в экспроприированных эксплоататорах надежды реставрации капитализма, поддерживать в них враждебное отношение к пролетариату и побуждать к борьбе против него.

[1]) Ленин, т. XIV, ч. 2, стр. 379—80.
[2]) Там же, стр. 380.
[3]) Там же, стр. 347.
[4]) Там же, стр. 380.
[5]) Ленин, XV, 467.

Поэтому представление о возможности ликвидации государственного аппарата, политической власти в районах сплошной коллективизации является полнейшей иллюзией. Это механистическое представление о начале отмирания государства путем ликвидации всех низовых звеньев советского аппарата теснейшим образом увязывается с механистическим представлением об отмирании классов и классовых противоречий вообще.

Отмирание государства есть отмирание демократии. Государство отмирает с исчезновением необходимости в противопоставлении понятий принуждения и свободы. Этот процесс развертывается постепенно. По мере наиболее полного и последовательного проведения пролетарской демократии государство превращается «в нечто такое, что уже не есть собственно государство». Чтобы могли отмирать государство и демократия, нужна реализация основного условия — ликвидации классов и поголовного вовлечения всех трудящихся в дело управления государством. До сих пор мы еще далеко не осуществили этой задачи, многократно подчеркнутой Лениным: «Переход через советское государство к постепенному уничтожению государства путем систематического привлечения всё большего числа граждан к непосредственному и ежедневному несению своей доли тягот по управлению государством» [1]). Государство начинает постепенно терять черты особой силы для подавления определенного класса именно потому, что само большинство народа подавляет своих угнетателей. «Чем более всенародным становится самое выполнение функций государственной власти, тем меньше становится необходимости в этой власти» [2]). Вовлечение же всех трудящихся в дело управления государством всегда связывалось Лениным с ходом процесса организации и перевоспитания широчайших масс трудящихся. Одно теснейшим образом связано с другим. Сужение функций принуждения возможно лишь по мере расширения реальной демократии путем наиболее полной организации масс, самопеределки и самодисциплинирования их.

Рассматриваемые с точки зрения этой основной переделки самих трудящихся в созидательных строителей социализма, массовые организации трудящихся, к каковым относятся и колхозы, представляют собой мощные средства для вовлечения всех трудящихся к активной политической жизни, к активному участию в демократии. Они под руководством пролетариата перевоспитывают широчайшие массы, создают в них новую дисциплину, соответствующую новому социалистическому способу производства. «Великое значение колхозов в том именно и состоит, что они... составляют основную базу для переделки крестьянина, для переработки его психологии в духе пролетарского социализма» [3]).

Но перевоспитание мелкобуржуазного по своей классовой природе крестьянства в строителей социализма возможно лишь при одном условии — непосредственном руководстве пролетариата.

Пролетариат должен сам перевоспитаться и перевоспитать широкие массы трудящихся — городской и деревенской мелкой буржуазии. Это пере-

[1]) Ленин, том XV, стр. 162, «Черновой набросок проекта программы».
[2]) Ленин, том XIV, часть 2, стр. 330.
[3]) Сталин, Речь на конференции аграрников-марксистов, 27 дек. 1929 г., раздел 5.

воспитание широких масс может быть проделано лишь на практике самого дела управления государством и производством. Поэтому основной задачей пролетариата является как собственное поголовное участие в «деле управления государством и создания всего государственного порядка», так и вовлечение в него всех трудящихся. Перед пролетариатом стоит задача «двинуть... миллионы и десятки миллионов трудящихся от одной деятельности, более простой к более высокой... воспитывать, таким образом, более и более широкую массу управлению государством» [1]). Эта задача стоит перед пролетариатом как в городе, так и в деревне [2]). «Только тогда демократия начнет отмирать»... когда «люди постепенно привыкнут к соблюдению элементарных, веками известных, тысячелетиями повторявшихся во всех прописях правил общежития, к соблюдению их без насилия, без принуждения, без особого аппарата для принуждения, который называется государством» [3]). Поэтому, когда Ленин говорит о необходимости ставить конкретно вопрос о нашем пути к социализму, он в первую очередь подчеркивает задачу организации масс, связывая ее теснейшим образом с задачей перевоспитания масс. В этом он и видит исключительную роль пролетарского государства. Ленин не однократно подчеркивает исключительную трудность этой задачи. «Путь организации — путь длинный и задачи социалистического строительства требуют упорной продолжительной работы и соответственных знаний, которых у нас недостаточно. Едва ли и ближайшее будущее поколение, более развитое, сделает полный переход к социализму» [4]). Нет в данном случае необходимости остановиться на вопросе о понимании Лениным «поколений», но важно подчеркнуть, что этот переход к социализму связан с громадными усилиями не только по преодолению прямого сопротивления классовых врагов, но и по преодолению пережитков классового общества, неорганизованности и культурной отсталости широких масс трудящихся. Организация этих усилий под руководством пролетариата — сознательного и твердого строителя социализма — и обеспечивается пролетарским государством [5]). Лишь тогда, когда вся масса трудящихся будет перевоспитана, государство может отмереть.

Процесс отмирания государства таким образом связан у Ленина не с механической отменой целых его звеньев, а с потерей государственными органами характера органов принуждения. По Ленину процесс отмирания государства теснейшим образом связан с тем, что массовые организации увязывают свою деятельность с пролетарским государством, в частности, перенимают на себя ряд его функций. Но это возможно лишь благодаря тому, что многие функции государственного аппарата теряют свой характер насилия. Само насилие меняет свой характер, ибо оно осуществляется при активном содействии всех массовых, негосударственных организаций— всей организованной массой трудящихся. В этом процессе постепенно стирается грань между государственными и негосударственными организациями.

Каутский, перенося на пролетарское государство принципы буржуазного государства, противопоставляет государственные органы массовым организациям. Именно поэтому он и утверждает, что советы не должны были стать государственной организацией. Ленин же многократно подчеркивает, что именно потому, что советы являются наиболее массовой организацией— общей организацией рабочего класса и идущих под его руководством прочих трудящихся, они должны были стать и стали органами государственной

---

[1]) Ленин, том XVI, стр. 25.
[2]) Ленин, том XV, стр. 86.
[3]) Ленин, том XIV, стр. 369—70.
[4]) Ленин, том XIV, стр. 240. «Доклад об очередных задачах советской власти».
[5]) «Ликвидаторы» не додумываются до того, чтобы без низовых звеньев советской системы, вообще не возможно вовлечение широких масс трудящихся в дело управления государством.

власти. Советы—массовая организация трудящихся наряду с целым рядом других массовых организаций. Отличается от прочих она именно своей всеобщностью и поэтому наиболее приспособлена для осуществления господства пролетариата—борьбы с его классовыми врагами и руководства его колеблющимися мелкобуржуазными союзниками. Советы в своей работе опираются на всю систему массовых организаций, об'единяясь с ними в общую систему средств борьбы и руководства, используемых пролетариатом в деле переделки общества на новый—социалистический — лад. Противопоставление государства пролетарской диктатуры и массовых организаций пролетариата и его союзников поэтому чуждо марксизму-ленинизму. Но если чуждым марксизму-ленинизму является противопоставление советского государства прочим массовым организациям, забвение или невидение их тесной связи, то не менее антимарксистской и антиленинской является и радикально противоположная точка зрения, не видящая почти никакой разницы между советами как государственными органами пролетариата и прочими массовыми организациями при диктатуре пролетариата.

Такую неправильную установку развивал в частности в одной из своих давних работ тов. Бухарин, отождествляя в условиях диктатуры пролетариата все рабочие организации с аппаратом государственной власти. «Все рабочие организации становятся частями аппарата власти. Нет ни одной массовой организации, которая не являлась бы в то же время органом власти. Все рабочие организации становятся правящими организациями» [1]),—так понимал взаимосвязь государства и массовых организаций трудящихся тов. Бухарин. Налицо полнейшее отождествление государственной организации—органов диктатуры пролетариата со всеми прочими органами трудящихся. Стерта полностью основная разница между государственными организациями, как органами насилия и принуждения, и негосударственными организациями. В таком взгляде заложен путь к двоякого рода принципиальным ошибкам: либо к забвению особой роли государства среди классовых организаций пролетариата и его ослаблению, либо к подмену государством прочих массовых организаций и пренебрежению к их основным функциям—реализации пролетарской демократии. Во время профсоюзной дискуссии в 1921 году, соглашаясь с троцкистской идеей огосударствления профсоюзов, Бухарин совершил именно эту второго рода ошибку. В 1925 г. же, выдвигая теорию постепенного затухания классовой борьбы, он отдавал дань теоретическим основам первого рода ошибок. На основе бухаринской теории затухания классовой борьбы и выросли ликвидаторские идеи уничтожения советов в районах сплошной коллективизации.

В последнее время и в частности в «дискуссии» о низовых советах в районах сплошной коллективизации мы имели в своеобразных формах отражение тех же отклонений от ленинской линии партии, которые имели место в профсоюзной дискуссии 1921 г. Если в профсоюзной дискуссии с одной стороны имелось предложение «огосударствить союзы» (точка зрения Троцкого), сводившееся к игнорированию внутреннего процесса организации и дисциплинирования масс и переоценке роли государственного принуждения в отношении отдельных частей рабочего класса, то в последнее время подобный уклон нашел место в виде попыток отдельных звеньев советского аппарата подменить процесс воспитания широких масс бедняцкого и середняцкого крестьянства и их добровольной организации в колхозах под руководством рабочего класса простым декретированием колхозного движения и подмены в нем пролетарского руководства простым командованием. Эти тенденции игнорирования самоорганизации, внутренней дисциплины и ини-

---

[1]) Сборн. ст. «Октябрьский переворот и диктатура пролетариата». Москва, 1919 г., стр. 20. Ст. Н. И. Бухарина «Теория пролетарской диктатуры».

циативы широких масс трудящихся представляют собою проявление своего рода модернизированного троцкизма. Но особенную остроту в последнее время и особенно в «дискуссии» по советскому строительству приобрел противоположный уклон, сводившийся к игнорированию значения государственного принуждения, смазыванию классовых противоречий. Если в профсоюзной дискуссии этот уклон сводился к тенденциям «осоюзить государство» (позиция Шляпникова), передать функции государственного управления профсоюзам, то в «дискуссии» 1929 г. он нашел место в предложениях ликвидации государственного аппарата в районах сплошной коллективизации и передачи его функций колхозам, т.-е. негосударственным организациям. Этот уклон представляет собою явное игнорирование значения государственного принуждения в деле уничтожения классов, в деле переделки пролетариатом многомиллионных масс мелкобуржуазных слоев трудящихся, в деле их приспособления к новым производственным отношениям. Эта ошибка, правда, не получила столь глубокого заострения, как ошибка «рабочей оппозиции» в 1921 г., но по существу она родственна ей и не менее глубока, чем та.

Переход к коммунизму связан с отмиранием элементов насилия и воспитанием в массах сознательной общественной дисциплины. Государство лишь руководит этим делом воспитания самодисциплины, но происходит этот процесс во всей системе массовых организаций. Производительно-потребительские коммуны являются лишь наиболее высокой формой этих массовых организаций, где особенно четко выпячены моменты добровольной социалистической дисциплины, учитывающей интересы всего общества в целом. Наиболее широкое развитие этих коммун и является необходимым условием наступления последней стадии государственной организации. «Социалистическое государство может возникнуть лишь как сеть производительно-потребительских коммун, добросовестно учитывающих свое производство и потребление, экономящих труд, повышающих неуклонно его производительность и достигающих этим возможность понижать рабочий день до 7, до 6 часов в сутки и еще менее» [1].

Являются ли наши колхозы уже этими производительно-потребительскими организациями, обладающими всей совокупностью перечисленных Лениным признаков? Понятно—нет. Колхозы находятся на пути к таким производительно-потребительским коммунам, но они к ним не пришли. Вполне понятно, что поэтому и нелепым является распространение на них сказанного Энгельсом о последней стадии существования государственной организации.

Роль государства в деле организации масс сводится к общему руководству, но мы уже подчеркивали, что момент принуждения неизбежно является составной частью этого руководства. Ленин всегда подчеркивал наличие этого момента принуждения в руководстве об'единением широких масс в условиях пролетарской диктатуры. «Резолюция последнего Московского с'езда советов выдвигает как первейшую задачу момента—создание «стройной организации» и повышения дисциплины. Такого рода резолюции теперь все охотно «голосуют» и «подписывают», но о том, что проведение их в жизнь требует принуждения—и принуждения именно в форме диктатуры, — в это обычно не вдумываются. А между тем было бы величайшей глупостью и самым вздорным утопизмом полагать, что без принуждения и без диктатуры возможен переход от капитализма к социализму» [2].

Активная роль государства в деле всесторонней организации трудящихся, в деле их перевоспитания, в деле создания новой дисциплины, нового человека—при активной роли самих массовых организаций в определении деятельности самого государства пролетарской диктатуры — такова диалектическая связь государства с массовыми организациями в период диктатуры пролетариата. Принуждение со стороны государства в деле организации трудящихся масс, при определении самой деятельности государства массами и проведении самого принуждения при помощи масс—такова диалектика переходного периода—периода смены принудительной организации сознательной организацией.

Игнорирование задачи создания самодисциплины масс при активном участии государства Ленин характеризует как извращенное понимание деклассированной мелкобуржуазной интеллигенцией сущности диктатуры пролетариата. Бухарин в 1918 г. поместил в «левокоммунистическом» журнале «Коммунист» восторженную рецензию по поводу «Государства и революции», но, излагая сущность учения Ленина о государстве диктатуры пролетариата, он проглядел постоянно подчеркиваемую Лениным мысль о необходимости создания новой дисциплины масс, о перевоспитании трудящихся, как задаче, выдвигающейся на первую очередь в период диктатуры пролетариата. Это игнорирование основной труднейшей задачи диктатуры пролетариата имеет своим основанием ошибочное представление Бухариным вообще диктатуры пролетариата, как периода механического роста социализма и уничтожения капитализма. В основе этого механистического взгляда лежит представление о классовой борьбе в переходный период как о процессе постепенного затухания классовых противоречий. По всей концепции Бухарина этот процесс уже механически обеспечен одним фактом политического господства пролетариата. Поэтому для него воспитание масс, их переделка под руководством пролетариата не представляет формы классовой борьбы. Между тем по взглядам Ленина без этой переделки масс вообще невозможна победа социализма; именно поэтому эта задача и выдвигается в качестве одной из важнейших задач диктатуры пролетариата, а значит и прямых задач пролетарского государства. Ленин [1], критикуя Бухарина, указывает, что Бухарин не видел этой основной задачи диктатуры пролетариата — необходимости создания учета, контроля, дисциплины. Бухарин видит лишь то, «что может быть общего в вопросе о государстве у пролетарского и мелкобуржуазного революционера» [2]. «До чего, однако, умонастроение этих людей, их психология совпадает с настроениями мелкой буржуазии: «богатого нужно скинуть, но контроля не надо». Это их и отделяет от сознательного пролетария; а то, что отделяет сознательного пролетария от мелкой буржуазии, даже крайне революционных ее элементов, это лозунг пролетария: организуемся и подтянемся... только в организации и самодисциплине—сила нашей советской власти, рабочей диктатуры, нашего пролетарского авторитета» [3]. При этом имеется в виду как организация пролетариата в советах, в своей классовой государственной организации, так и самая широкая организация трудящихся в разных массовых организациях. «Ликвидаторы» советов не понимают, что «до тех пор, пока наступит высшая фаза коммунизма, социализм требует строжайшего контроля со стороны общества и со стороны государства» [4].

Ленин подчеркивает правильность мысли, что принуждение «в переходный период—в других формах (по сравнению с принуждением по отношению к ранее господствовавшим классам. *О. Дз.)*—переносится и на са-

[1] Ленин, том XV, стр. 206 «Очередные задачи советской власти».
[2] Там же, стр. 213.

[1] Ленин, том XV, стр. 242—244 «Доклад об очередных задачах» и там же «О «левом» ребячестве и мелкобуржуазности».
[2] Там же, стр. 278—280.
[3] Там же, стр. 242.
[4] Там же, стр. 243.

мих трудящихся и на *сам правящий класс»*[1]). Если в отношении ранее господствовавших классов принуждение сводится в первую очередь к их подавлению, насильственному их из'ятию из старой системы производственных связей—вместе с разрушением последней, то в отношении самого пролетариата это принуждение в первую очередь проявляется в известном давлении на последних, в целях их побуждения к внутренней организации и созданию ими внутренней дисциплины. В отношении пролетариата принуждение пролетарского государства сводится к борьбе с отсталыми настроениями и тенденциями, препятствующими повышению организации и дисциплины его. Другими словами, принуждение выступает здесь в роли повивальной бабки, помогающей родам и укреплению внутренней дисциплины нового господствующего класса. В отношении прочих трудящихся, мелкобуржуазных союзников пролетариата, принуждение пролетарского государства также играет отличную роль. Государство, с одной стороны, ставит препятствия развитию анархических собственнических тенденций мелкой буржуазии, иногда прибегая к прямому их подавлению (к подавлению спекулянтской души мелкого буржуа), с другой стороны — активно поддерживает мелкого производителя, как трудящегося, эксплоатируемого, заинтересованного в уничтожении капиталистических производственных отношений (поддерживает его душу труженика), активно помогает ему переделаться, перевоспитаться для новых — социалистических — производственных отношений.

Организованное в колхозы середняцкое крестьянство продолжает еще носить в себе мелкобуржуазную психологию, оно не потеряло еще своей второй души, влекущей его к *частному* накоплению, к обособлению своих индивидуальных интересов и противопоставлению их общему интересу коллектива, к колебаниям в сторону противников социализма. Особенно трудна именно задача перевоспитания пролетариатом этой многомиллионной массы мелких буржуа. «Ведь тут перед нами та мелкобуржуазная стихия, которая в числе десятков миллионов нас окружает; нас меньше, нас очень мало по сравнению с этой мелкобуржуазной массой. Мы должны воспитывать эту массу, подготовлять ее...»[2]). Государственное принуждение борется с теми тенденциями, индивидуалистическими настроениями, которые тянут мелкого буржуа обратно к капитализму, и способствует тенденциям, ведущим его к организации для движения к социализму. Но так как мелкий буржуа, вследствие двойственности своей социальной «души» не способен формулировать цели движения и точно наметить путь»[3]) его, т.-е. осуществлять самостоятельное движение к социализму, государственное принуждение обеспечивает возможность руководства всей массой трудящихся со стороны твердого защитника социализма — пролетариата. Оно обеспечивает организацию трудящихся именно *под руководством пролетариата*.

Отсюда следует и определенный вывод в отношении отмирания государства. Государственное принуждение нужно не только для подавления и уничтожения враждебных нам классов, но и для активной переделки мелкобуржуазного класса — крестьянства, а также для перевоспитания самого пролетариата. Оно необходимо постольку и до тех пор, поскольку и покуда еще не завершен процесс внутренней переделки всей массы трудящихся, внутреннего их перевоспитания. Только с завершением этого процесса отпадут классовые различия, а значит отпадет и необходимость в государственном принуждении.

---

[1]) *Ленин*, Заметки на «Экономику переходного периода» Бухарина, Ленинский сборник, XI, стр. 393.

[2]) *Ленин*, том XVIII, ч. 2 стр. 200. «Наше внешнее и внутреннее положение и задачи партии».

[3]) *Бухарин*, Экономика переходного периода. Ленинск. сборник, XI, стр. 394.

На советы, как органы пролетарской диктатуры, в районах сплошной коллективизации ложатся исключительно ответственные задачи. В деле ликвидации кулачества как класса советы должны быть твердым орудием в руках пролетариата для подавления всех попыток как прямого, так и скрытого сопротивления кулаков мероприятиям пролетарского государства. В деле коллективизации бедняцкого и середняцкого крестьянства они должны осуществлять пролетарское руководство переделкой всего хозяйства на социалистический лад, максимальной организацией всех трудящихся, и воспитанием в них новой сознательной дисциплины. Это возможно лишь путем развертывания исключительной самодеятельности масс, привлечения их к действительно реальному участию в деле управления государством и производством. Опору пролетарского государства в этом сложном деле представляет бедняцко-батрацкая масса деревни, которая и должна быть теснейшим образом сплочена вокруг советов.

Новый этап нэпа — этап решительного выкорчевывания корней капитализма, связанный с неизбежным бешеным сопротивлением всех капиталистических элементов и с колебанием мелкобуржуазной массы трудящихся,— выдвигает перед советами новые задачи—еще более сложные, более ответственные, чем на предыдущем этапе. *Не ликвидировать низовые органы пролетарской диктатуры в деревне, а поднять их работу на высокую ступень, повернуть их лицом к коллективизации деревни, к ее социалистической переделке, превратить советы в основные звенья пролетарского руководства этим процессом переделки — такова наша задача.*

Л. Мадьяр.

Пролетарская победа на Дальнем Востоке.

Конфликт на К.-В. ж. д. был генеральной репетицией грядущей войны. Эта генеральная репетиция окончилась решительной победой СССР, решительным поражением империализма, китайской контрреволюции и II Интернационала. Конфликт на К.-В. ж. д. не был конфликтом между СССР и Мукденом и Нанкином. За спиной Мукдена и Нанкина стоял империализм; Мукден и Нанкин не были даже инициаторами конфликта. Они выступили и действовали по указке империализма. Международная социал-демократия—правая, а в особенности—«левая»,—немедленно же развила злостную кампанию за империализм, за китайскую контрреволюцию и против СССР; ренегаты коммунизма немедленно же выступили против СССР. В то же время международный рабочий класс, а в особенности передовые, революционные рабочие выступили против империализма, против китайской контрреволюции и в защиту СССР. Огромное значение имеет с этой точки зрения, что *китайский пролетариат во главе с коммунистической партией без колебания занял позицию против своего правительства и за СССР*. Национал-реформисты в различных колониальных и полуколониальных странах определили свою буржуазную позицию в зависимости от кон'юнктурного состояния сделки национал-реформизма с империализмом в данной стране. Индийский национал-реформизм не осмеливался выступать с совершенно открытым забралом против СССР, но он не скрывал своих симпатий к контрреволюционному чанкайшискому Китаю. Он дал понять английскому империализму, что отношение к СССР является предметом торга. В Египте национал-реформисты в соответствии с предстоящим заключением англо-египетского договора открыли свои симпатии к Нанкину и дали свободный ход своим антибольшевистским чувствам. В Корее национал-реформистская буржуазия не уставая вторила социал-демократические сказки о красном империализме, о революционных качествах Нанкина и т. д. и т. п.

Конфликт на К.-В. ж. д. создал ту *расстановку классовых сил* в международном масштабе, которая *должна будет характеризовать грядущую войну*. Мы видели весь механизм империалистической дипломатии в действии. Мы видели, как империализм вызвал, спровоцировал конфликт, в то же время прикрываясь пацифистскими маневрами. Мы видели *пакт Келлога в действии*, и могли убедиться в том, как знаменитый пакт об отказе от войны как от средства национальной политики служит целям империалистической интервенции. Мы видели Лигу Наций, как организацию борьбы против СССР.

Мы видели, как конфликт на К.-В. ж. д. превратился с первого момента своего возникновения в борьбу между двумя мировыми системами, в борьбу между революцией и контрреволюцией. Только такая постановка вопроса дает ключ к пониманию возникновения, хода и разрешения конфликта.

Но именно такая постановка вопроса обязывает нас вскрывать причины победы пролетарской политики. Как это могло случиться, что уже на данном этапе развития, при данном соотношении сил в международном масштабе, СССР и международная революция могли одержать победу над об'единенными силами империализма, колониальной контрреволюции и II Интернационала.

Ответ на этот вопрос имеет большое значение в смысле оценки перспектив будущей войны.

* * *

Империализм подстрекал к конфликту, вызвал его для того, чтобы перерешить вопрос о К.-В. ж. д., чтобы превратить К.-В. ж. д. из совместного коммерческого предприятия СССР и Китая в собственность международного финансового капитала, в орудие империалистического внедрения, в плацдарм подготовки войны против СССР на Дальнем Востоке. Теперь уже совершенно ясно, что для осуществления этого общего плана существовали разные варианты, которые в общем и целом можно свести к следующим: 1) переход дороги в руки американского капитала; 2) переход дороги в руки французского капитала; 3) переход дороги в руки международного концерна; 4) переход дороги в руки японского капитала.

Эти четыре варианта являлись выражением общей борьбы в лагере империализма за колониальные рынки, источники сырья, сферы приложения капитала вообще и за Китай в особенности. Ведь, К.-В. ж. д. в руках финансового капитала представляла бы собой важнейшую экономическую командную высоту в Северной Манчжурии. А Северная Манчжурия представляет собой важнейшую колонизационную область всего Северного Китая. Общая площадь Северной Манчжурии по весьма приблизительным данным выражается в 862.760 кв. км., лесная площадь—в 212.320 кв. км., посевная площадь—в 82.320 кв. км., колонизационный фонд при данном уровне техники 188.220 кв. км. Население края составляет около 7,5—8 млн. человек. Природные богатства края еще вообще не исследованы, но уголь, железная руда, цветные металлы по всем данным имеются в избытке, а весьма вероятно, что край богат и золотом. Посевная площадь расширялась не только быстрым, но все ускоряющимся темпом, точно также все ускоряющимся темпом возрастает и население края. Разорение Северного Китая ускоряет процесс колонизации в Северной Манчжурии. Словом, Северная Манчжурия сама по себе представляет весьма жирный кусок с точки зрения империалистической эксплоатации, и японский капитал делает все, чтобы прибрать его в свои руки. При этом следует иметь в виду, что сельское хозяйство Северной Манчжурии является в высокой степени товарно-денежным хозяйством и, например, из 11.073 тыс. тонн общей продукции зерна на внедеревенский рынок поступает 4.210 тыс. тонн. Северная Манчжурия является все еще главнейшей поставщицей на мировой рынок ценнейших масличных семян, соевых бобов. А соевые бобы составляют 20—23% всего вывоза Китая. Та империалистическая держава, которая держит в своих руках Северную Манчжурию, имеет огромное влияние во всей Манчжурии и тем самым на всем Северном Китае. А с точки зрения грядущей войны на Тихом океане Манчжурия имеет не только колоссальное военно-стратегическое значение, но точно также представляет важнейший источник сырья (уголь, железо) и продовольствия для японского империализма. Вопрос о К.-В. ж. д. был вопросом о Манчжурии, а вопрос о Манчжурии является весьма существенной частью всей тихоокеанской проблемы, включая сюда, разумеется, не только борьбу между империалистами, но также проблему подготовки войны против СССР.

Отсюда вытекает попытка империализма поставить вопрос о К.-В. ж. д. Однако, отсюда же вытекает, что каждая империалистическая держава поставила вопрос по-своему.

В полном соответствии со всей международной обстановкой, в полном соответствии с изменениями в соотношении сил между различными империалистическими державами наиболее активно, наиболее агрессивно выступил жадный американский империализм. Теперь уже не подлежит ни малейшему сомнению, что инициатором, вдохновителем конфликта выступили С.-А. С. Ш. Дипломатия доллара вдохновляла Нанкин, толкала на конфликт с явной целью забрать К.-В. ж. д. в руки американского капитала. В этом заключалась программа максимум американского империализма. С.-А. С. Ш. попытались превращать Китай в целом из полуколонии трех—четырех империалистических держав в полуколонию американского империализма. Захват К.-В. ж. д. американским капиталом являлся частью этого общего плана.

Вся международная обстановка была благоприятна для осуществления этого плана. Главный противник американского империализма на международной арене, Англия вела и ведет отчаянную борьбу, чтобы отстаивать и даже отвоевать обратно свои утерянные позиции в собственном Китае. Но английский империализм имеет свои основные позиции на юге Китая и в долине Янцзы, а его непосредственная заинтересованность в Манчжурии относительно небольшая. Английский империализм, представляемый во время конфликта третьей партией империалистической буржуазии, «Рабочей» партии был заинтересован в том, чтобы по вопросу о К.-В. ж. д. обострились противоречия между СССР и С.-А. С. Ш. с одной стороны, и между С.-А. С. Ш. и Японией—с другой. При этом следует учесть, что конфликт на К.-В. ж. д. в смысле времени совпадал с попыткой сговора между Англией и С.-А. С. Ш. по вопросу о морском вооружении. Интересам этого далеко идущего маневра, истинный смысл которого в смысле подготовки новой мировой войны становится все яснее перед массами, английский империализм подчинил свои второстепенные интересы в Северной Манчжурии. Отсюда вытекает, что британский империализм пытаясь укреплять и расширять свои позиции в долине Янцзы и сорвать в Нанкине преобладающее влияние С.-А. С. Ш., по вопросу о К.-В. ж. д., шел параллельно с американским империализмом, поддерживал интервенционистские выступления С.-А. С. Ш., помогал дипломатии доллара использовать пакт Келлога, как орудие борьбы против СССР и китайской революции.

В этом отношении огромный интерес представляет с точки зрения изучения динамики империалистической дипломатии роль пакта Келлога и роль Лиги Наций во время конфликта. Лига Наций является в основном орудием английского империализма. Именно поэтому бойкотируют САСШ Лигу Наций. Именно поэтому был создан пакт Келлога как система, долженствующая обеспечить гегемонию С.-А. С. Ш. в лагере международного империализма. Пакт Келлога направлен своим острием не только против СССР, революционного рабочего движения и колониальных революций, но он воплощает в себе стремление американского империализма к гегемонии в лагере империализма. В этом смысле пакт Келлога является конкурентом Лиги Наций так же, как американский империализм является главным конкурентом английского империализма. Лондонская конференция по морскому «разоружению», борьба по вопросу о том, должны ли решения лондонской конференции обсуждаться также на конференции, созванной Лигой Наций по морскому «разоружению», дадут дальнейшее развертывание этой борьбы между двумя системами в лагере империализма.

Поскольку по вопросу о К.-В. ж. д. наиболее активно и агрессивно выступили С.-А. С. Ш., поскольку английский империализм свои, по сути

дела, второстепенные интересы в Северной Манчжурии подчинил более общим и важным интересам, в данном случае в борьбе против СССР и китайской революции,—выдвинулся пакт Келлога. В начале конфликта и непосредственно перед окончанием конфликта С.-А. С. Ш. двигают весь механизм пакта Келлога против СССР. Лига Наций в соответствии с интересами английского империализма играет второстепенную роль. Лига Наций официально не вмешивается в конфликт. Она организует антисоветские демонстрации, она предоставляет свою трибуну представителю Нанкина для выступления против СССР. В конечном итоге даже Нанкин не обратился официально к Лиге, ибо не желал в интересах американского империализма повышение роли и удельного веса Лиги в противовес системе пакта Келлога. Поэтому во время конфликта мы видели на первом плане борьбы против СССР систему пакта Келлога, причем Лига Наций играла скорей подчиненно-вспомогательную роль.

Международная обстановка была благоприятна с точки зрения С.-А. С. Ш. и потому, что французский империализм выступил единым фронтом с американским. Программа максимум французского империализма заключалась в захвате дороги для французского капитала. Закулисная история возникновения и хода конфликта с полной ясностью обнаружила, что в Мукдене целая группа политиков и политиканов теснейшим образом связана с французским капиталом, что эта группа во главе с У-Цзы толкала Мукден на конфликт в интересах французского капитала, что эта группа вызвала конфликт с целью перехода К.-В. ж. д. в руки французского капитала. Русская белогвардейщина в Париже и в Манчжурии, а в особенности, главари бывшего Русско-Азиатского банка оказывали этим стремлениям посильную «патриотическую» помощь. Однако, французский империализм был бы готов в порядке осуществления программы минимум пойти на дележ с американским в виде французско-американского или международного концерна. Отсюда дружное совместное выступление Бриана в начале конфликта вместе с правительством С.-А. С. Ш., отсюда чрезмерные усилия французского империализма непосредственно перед окончанием конфликта. Как известно, французский посол Эрбет попытался даже выступить от имени румынского правительства, получив за это вполне заслуженный отпор со стороны тов. Литвинова.

Однако, наряду с этими благоприятными с точки зрения американского империализма обстоятельствами, возникновение и ход конфликта обнаружили и обострили противоречия в лагере империализма. В Манчжурии все же главной империалистической державой выступает Япония. В ее руках находятся главные экономические командные высоты: банки, металлургия, угольная промышленность, значительная часть легкой и обрабатывающей индустрии, главные позиции в области внешней торговли, в Южной Манчжурии главные магистрали железно-дорожного транспорта, судоходство. Военно-стратегические позиции японского империализма в Манчжурии несравненно сильнее, чем позиции какой бы то ни было империалистической державы. А японский империализм не был бы империализмом, если бы он допустил внедрение американского империализма в Северной Манчжурии. Поэтому японский империализм решительно выступил против перехода К.-В. ж. д. в руки американского или французского капитала, или же в руки международного концерна. Внедрение С.-А. С. Ш. в Северной Манчжурии изменило бы в корне соотношение сил на случай войны на Тихом океане. Японский империализм сам хочет подчинить себе хозяйство Северной Манчжурии. Японский империализм ведет отчаянную борьбу против попыток американского капитала превращать весь Китай в полуколонию С.-А. С. Ш. Для японского империализма вопрос о Китае вообще и о Манчжурии в частности является вопросом жизни и смерти. Отсюда прежде всего, решительная борьба Японии

против попыток к захвату К.-В. ж. д. со стороны американского капитала в какой бы то ни было форме, отказ Японии участвовать в выступлениях на основании пакта Келлога, обострение борьбы во время конфликта между империалистами, развал единого фронта империалистов.

СССР, окруженный симпатиями и поддержкой передовых рабочих, твердо защитил мир, интересы международной и китайской революции. А единый фронт империалистов развалился.

В этом одна из причин победы пролетарской политики.

* * *

Империализм, а в первую очередь американский империализм пытался противопоставить СССР в качестве своей агентуры единый фронт китайской буржуазно-помещичьей контрреволюции. Надо сказать, что положение было с точки зрения империализма и китайской контрреволюции более или менее благоприятным. Нанкин как раз к моменту начала конфликта успешно закончил поход против гуансийской группы, и хотя весьма относительно и условно, но распространял свою власть на ряд провинций Китая. Мукден и тем самым более или менее вся Манчжурия, хотя и формально признали авторитет Нанкина. В торге с Японией Мукден охотно пользовался Нанкином в качестве ширмы и прикрытия, отсылая японский империализм с его требованиями, и вымогательствами к «центральному» правительству. Хотя конфликт с Фын Юй-сяном и с реорганизационалистами назревал уже, но еще не разразился. Еще не рухнули надежды на американскую помощь и Мантель, Кэммзрер и прочие американские советники еще работали в Китае. 1928 год был годом относительно хорошей кон'юнктуры для промышленности в Китае и ухудшение кон'юнктуры в начале 1929 года только началось. Сокращение милитаристских армий, создание единого бюджета, упорядочение налогового и валютного дела, подчинение генералов центральному правительству, разумеется, не удалось, но по этим вопросам, крупная буржуазия, в том числе и компрадорская, оказывали поддержку Нанкину. Выступление против СССР было рассчитано на то, чтобы завоевать еще больше доверия империалистов к гоминдановской контрреволюции, чтобы сплачивать вокруг Гоминдана отошедшие уже в оппозицию мелкобуржуазные массы, чтобы затруднять врагам Нанкина выступления против Нанкина. Не без помощи империализма Нанкин пытался создать хотя бы видимость единого фронта китайской контрреволюции против СССР.

А во время конфликта в Китае разразился общенациональный кризис. Неразрешенные вопросы революции вызвали всеобщий кризис контрреволюции. Капитуляция перед империализмом не принесла китайской буржуазии давно жданную «скорую помощь». Американский капитал не устремился в Китай. Мировой кредитный кризис, борьба империалистов за китайскую полуколонию, резкое сокращение вывоза капиталов из всех решающих империалистических стран, недоверие империалистов к устойчивости нанкинской власти делали невозможным «скорую помощь» в виде притока иностранного, а в первую голову, американского капитала. Иностранный капитал овладел новыми позициями в экономике страны, скупая ряд китайских предприятий, но не ускорил темп индустриализации созданием новых предприятий. Разразился кризис текстильной, шелковой, табачной, мукомольной, маслобойной, промышленности. Катастрофическое падение цен на серебро обесценивало основную валюту и сокровищницу страны. Китайская валюта — серебро в течение нескольких месяцев обесценилась по отношению к золоту на 25%. Резко сокращается импорт. В Шанхае лопаются даже крупные иностранные фирмы, не говоря уже о китайских. Падение цен на

с.-х. продукты и шелк оказалось более резким, чем падение цен на промышленные изделия. А главное: кризис сельского хозяйства все более и более углубляется. Даже благоприличные американские джентльмены признают, что только в одной провинции Шеньси умерло с голоду за 1928—29 г. два млн. человек. В 1927 г. голодало 9 млн., в 1928 г.—57 млн., а в 1929 г. снова 37 млн. человек. Такую катастрофу не знает история человечества. Империалистическая, помещичья, налоговая, торгово-ростовщическая эксплоатация привели страну к краю гибели. Как картонный домик рухнули надежды на то, что за капитуляцию и подавление революции империализм платит чистоганом хотя бы частичных уступок. Разлетелись иллюзии, что Нанкину удастся осуществить требования хотя бы крупной буржуазии, как-то: сокращения генеральских армий, создание бюджета, единой налоговой и финансовой системы. Суживается внутренний рынок и усиливается иностранная конкуренция. Нанкину к тому же еще не удалось уничтожение революционного движения рабочих и усмирение деревни. И когда пленум ЦК гоминдана возвещал миру и стране, что Китай об'единен, разразилась новая гражданская война. Гоминдан раскололся и реорганизационалисты во главе с Ван Тин-веем выступили вооруженным восстанием, опираясь на штыки Чан Фа-гуя. Началась война между Нанкином и Фын Юй-сяном. Эта война еще не закончилась, когда восстал Тан Шен-чжи против Нанкина. После Тан Шен-чжи выступил Ши Юй-ян и т. д. и т. д. «Об'единенный» Китай раздирается милитаристскими войнами. Растут, умножаются, учащаются бунты в милитаристских войсках. Генеральские войны разрывают торговые пути. Резко снижается экспорт. В городах растут рабочие стачки: рабочий класс выступает с демонстрациями. В Кантоне, Цзиндао уличные бои. В Шанхае рабочие громят помещение гоминдана. В деревнях нарастает волна крестьянских восстаний и усиливается партизанское движение под руководством коммунистов.

В общих рамках нового развала и раздробления страны происходит борьба между Нанкином и Мукденом. Нанкин пытается овладеть К.-В. ж. д. и министр путей сообщения Сун-Фо и американский советник Мантель весьма усердно стараются прибрать дорогу к рукам Нанкина для того, чтобы таким образом продать дорогу американскому капиталу. Мукден не может равнодушно отнестись к этим попыткам. Продать дорогу иностранному капиталу сумел бы сам Мукден. Но кроме того: основную тяжесть конфликта должен выдерживать все же Мукден. Прекращение закупок чая и деятельности советских хозяйственных организаций сильно ударили по Шанхаю и гильдия торговцев чаем неоднократно обращается с просьбой к Нанкину ликвидировать конфликт, ибо уход СССР с китайского чайного рынка при перепроизводстве чая в Индии, Цейлоне и на Яве, при резком падении цен на чай разоряет до тла и без того находящиеся в состоянии разорения чаекультуры. Но для Северной Манчжурии закрытие границ СССР равносильно параличу всякой деловой жизни. Ведь, Владивосток является важнейшим портом для экспорта из Северной Манчжурии. Ведь, только на ст. Пограничная направлялось за 1928 г.—1.415.437 тонн хлебных грузов. Грузооборот К.-В. ж. д. за 1926/27 г. составлял 4.967.476 тонн, а конфликт обозначал собой дезорганизацию дороги. При этом конфликт начался в июле. А июль—октябрь представляют «мертвый сезон». Перевозка хлебных грузов составляла за 1925 г. за месяцы июль—октябрь 47—132 тыс. тонн; за 1926 г.—122—170 тыс. тонн, за 1927 г.—116—165 тыс. тонн. А перевозки за ноябрь и декабрь показывают следующие скачки вверх: за 1925 г.—376 и 462 тыс. тонн; за 1926 г.—379 и 462 тыс. тонн; за 1927 г.—307 и 515 тыс. тонн. В ноябре начинается уборка и вывоз соевых бобов. А если Владивосток закрыт, то задыхается Северная Манчжурия. Отсюда же падение местной валюты, дезорганизация хозяйственной жизни по мере того, как удлиняется

конфликт. Отсюда же обострение между Нанкином и Мукденом по мере приближения экспортной кампании.

Однако, было бы величайшей ошибкой свести причины роста «миролюбивых» настроений Мукдена только к стремлению его обеспечить вывоз соевых бобов. Вопрос в конечном итоге решался Красной армией. Империализм и тем более китайская контрреволюция рассчитывали на то, что нажим империализма, классовая борьба в стране, экономические затруднения могут вызвать колебания в рядах Красной армии. Они рассчитывали также на то, что в тылу сибирский кулак тоже выступит против советской власти. Мы не виноваты в том, что империализм и китайская контрреволюция поверили своим нелепым выдумкам и в расчете на них прощупали силу сопротивления красных войск. Они на своем же горьком опыте убедились в том, что наша Красная армия представляет из себя такую военно-политическую силу, которая одним контрударом уничтожит все мечты и надежды империализма, китайской контрреволюции и русской белогвардейщины, да, кроме того, еще несколько враждебных дивизий.

Одна из главных причин пролетарской победы на Дальнем Востоке заключается в том, что плоть от плоти, кровь от крови трудящихся СССР, ОДВА одержала решающую победу. Международная контрреволюция на своем опыте узнала, что Красная армия со времени гражданской войны ничего не забыла, а очень многому еще научилась.

Когда в СССР рабочий класс и основные массы крестьянства как один человек сплачивались вокруг советской власти, когда передовые рабочие всего мира окружили СССР своей симпатией и поддержкой, развалился единый фронт империалистов и развалился единый фронт буржуазно-помещичьей контрреволюции в Китае.

* * *

Конфликт на Дальнем Востоке был поводом для внешнего оформления политики II Интернационала по отношению к СССР. Исполком II Интернационала вынес решение, осуждающее политику СССР, поддерживающее Нанкин и в полном соответствии с политикой империализма требовал арбитража, т.-е. решения вопроса трибуналом империалистов. «Рабочее» правительство Англии поддерживало все шаги американского империализма. Даже формально, даже на словах не говорится больше о защите СССР. В этом смысле и только в этом смысле конфликт на К.-В. ж. д. послужил толчком к полному внешнему оформлению международной контрреволюционной политики социал-фашизма.

Как и следовало ожидать, *наиболее активно и наиболее враждебно по отношению к СССР выступили как раз «левые»* социал-фашисты. Не стоит тратить бумагу на цитаты из сочинений этих «социалистов», но для характеристики все же приводим рассуждение архилевого немецкого социал-фашистского органа «Дер Классенкампф» (№ 15, август 1929 г.). Этот орган отражает взгляды группы бывшего коммуниста, Павла Леви.

«СССР точно так же сохраняет свои военные позиции на К.-В. ж. д., как царизм. Рабочий класс не даст вывести себя из терпения потому, что Россия проводит в Азии империалистическую политику и при этом наталкивается на затруднения, чего мы желаем каждой империалистической стране. С конфликтом на К.-В. ж. д. рабочий класс не имеет абсолютно ничего общего».

Читатель вовсе не должен думать, что эта гнусность представляет собой исключение в социал-фашистской печати. Нет, *вся социал-демократическая печать была выдержана в этих тонах.*

Такую позицию заняли «левые» социал-фашисты. Тем более занятно, что русский меньшевик Ф. Дан чрезвычайно недоволен «левыми» социал-фашистами, считая, что они недостаточно враждебно относились к СССР.

«Должна ли была российская социал-демократия, согласно решениям брюссельского конгресса II Интернационала призвать русские народные массы к революционному восстанию против большевистского правительства?» — спрашивает себя Дан в январском номере «Дер Кампф».

Значит, брюссельское решение II Интернационала о борьбе против военной опасности означает, что меньшевики должны призвать к контрреволюционному восстанию против советской власти. Против буржуазных правительств международный меньшевизм еще никогда не призывал к восстанию. А против пролетарской диктатуры допускается такая возможность. Но по поводу конфликта на К.-В. ж. д. Дан все же архиснисходителен к советской власти. Он отвечает на собственный вопрос следующим образом:

«При данной исторической обстановке такой призыв к восстанию был бы несомненно тяжелой ошибкой. Было ли однако правильно, что как раз левая социал-демократическая печать почти ничего не делала, чтобы разъяснить рабочим классам с точки зрения предотвращения войны роковую роль большевистской политики во время конфликта с Китаем, это—другой вопрос. Факт остается фактом, что эта печать оказалась несостоятельной, хотя решение Исполкома II Интернационала, принятое в Цюрихе, дало необходимое направление для оценки советско-китайского конфликта».

Мы можем заявить господину Дану, что его позиция весьма прозрачна. Меньшевики все же знают, что восстание есть последний акт борьбы. Поэтому в начале конфликта надо было подготовлять его, щупать возможности к такому действию. Во-вторых, на первом этапе основная задача II Интернационала во время данного конфликта, состояла в том, чтобы использовать конфликт для подрыва влияния СССР в массах. А вот так «левые» социал-демократы, которым в этом деле выпадает главная роль, недостаточно состоятельно выполняли эти задачи. Мы можем предоставить социал-фашистской партии буржуазии разрешить свои внутренние споры о методах наиболее умелой и состоятельной контрреволюционной политики, но нам все же кажется, что Дан напрасно обвиняет «левых» социал-фашистов в том, что они были несостоятельны. Это не их вина, а их беда — они делали против СССР все от них зависящее.

По своему удельному весу и политическому влиянию ренегаты коммунизма справа и «слева» навряд ли заслуживают, чтобы мы о них особо упомянули. Все же следует вкратце остановиться на поведении этих групп и группочек, ибо вопрос об отношении к СССР есть коренной вопрос пролетарской революции, на этом вопросе проверяются все течения в рабочем вопросе.

Ренегаты коммунизма справа в Германии — группа Брандлера — заняли весьма осторожную позицию. Они на словах высказались даже за защиту СССР. Очевидно, в Германии нельзя выступить открыто против СССР, если кто-нибудь хочет обмануть революционно-настроенных рабочих. Однако, «защита» СССР правыми ренегатами проводилась таким образом, что *защита была хуже, чем нападение.* Германская компартия, напрягая все свои силы, мобилизовала массы для защиты СССР, а правые ренегаты пытались развенчать каждый шаг партии.

«Спец» правых ренегатов по восточным делам г. Рой дал идеологическое обоснование политике «защиты» СССР таким образом:

«Под контролем одной из империалистических держав, как Япония, Америка или Англия, которые направляют свои взоры на дорогу, К.-В. ж. д. становилась бы постоянной тяжелой угрозой для рабочего государства. Важный порт Владивосток можно было бы отрезать из тыла и богатые равнины Сибири были бы открыты для оккупации враждебными державами. При данных условиях Китай не мог бы предотвратить использование дороги для столь враждебных целей. Поэтому СССР был вынужден участвовать в управлении дорогой, заявляя, что он готов отдать незамедлительно дорогу под чисто китайский контроль, как только это будет возможно без вышеуказанных опасностей» («Геген ден Штром», специальное приложение № 8. Июль 1929 г.).

Откуда взял г. Рой, что буржуазно-помещичий Китай «не может»
предотвратить при данных условиях использование дороги империалистами.
А разве буржуазно-помещичий Китай хочет предоотвратить подобное
использование дороги? А когда г. Рой говорит о том, как будто СССР за-
явил, что отдаст дорогу обратно, как только минуют эти опасности, то он
совершает фальсификацию. СССР никогда не делал подобного заявления.
Очевидно, г.. Рой собирается специализироваться на тонкой фальсификации.

Более откровенные в этом смысле, более гнусные контрреволюционные
выходки против СССР появились в органах троцкистов. Журнальчик,
называющий себя «Фане дес Коммунизмус», просто об'явил в связи
с конфликтом, что «СССР не пролетарское государство» («Фане дес Комму-
низмус» № 31, стр. 246). Но в то же время СССР и не буржуазное государ-
ство, а представляет собой третий тип, который может существовать лишь
недолго, на короткий срок. Что зто за третий тип? Этот третий тип есть
переход от пролетарского государства к буржуазному. Само собой разумеет-
ся, что защищать такое государство малопочтенное занятие для троцкистов.

«Вождь» бельгийских троцкистов, мелкобуржуазный пошляк, Овер-
стратен рассуждает таким образом:

«Пролетарский хвpактер государства, к сожалению, ие предотвращает,
чтобы отдельные действия этого государства не иосили имперналистические
черты. А имеино такой случай мы имеем по моему, в поведении советского
правительства по поводу К.-В. ж. д... А кроме того, нельзя упускать из внду
империалистическое вырождение советской политики, которое обнаруживв-
лось как раз во время этого конфликта» («Фане дес Коммуннзмус» № 40,
стр. 315).

Подобных «жемчужин» можно найти в органах троцкистов сколько
угодно. Сам исполком Ленин-Бунда торжественно заявляет, в своей резо-
люции: «Это исключает безоговорочную и безуслов-
ную защиту СССР».

Что именно исключает безоговорочную и безусловную защиту СССР?
А именно то, что «сталинский центризм в СССР опирается на среднее
крестьянство, что он не представляет пролетариат, а обслуживает на самом
деле капиталистических кулаков и нэпманов» («Фане дес Коммунизмус»,
№ 39, стр. 305). «Сталинский центризм» поставил вопрос о лик-
видации кулачества как класса, ВКП(б) осуществляет
эту задачу, а тупоумные идиоты или полицейские
агенты принимают решение о том, что власть в
СССР обслуживает интересы кулаков и нэпманов.
А как Троцкий относится к зтим «спасителям» коммунизма? Весьма и
весьма благосклонно. И Троцкий тоже «защищает» СССР, нэ защищает по-
своему. Вот, как он защитил, популяризовал СССР по поводу двенадцатой
годовщины Октября.

«Однв из причии противоречий заключается в ложной политике руко-
водства, которое нвходится под влиянием мелкой буржуаэни».

Не правда ли,— хорошо сказано; партия ликвидирует ку-
лачество как класс, тем самым ликвидируя ка-
питалнзм; партия выкорчевывает корни капитализма,
партия осуществляет социалистическую переделку
сельского хозяйства, но все зто делается «под мел-
кобуржуазным влиянием». «Под влиянием мелкой
буржуазии» осуществляется сплошная коллективи-
зация и индустриализация?!

Троцкий возмущается тем, что в Китае идет партизанская война в
тылу у Чан Кай-ши под руководством коммунистов, и гневно требует
об'яснения.

«Может быть это восстание возникло стихийно? Предположим, что
это так Но что обозначает собой в таком случае коммунистическое знамя?
Как относится официальная китайская коммунистическая партия к этому вос-
станию? Какова позиция Коминтерна? Что происходит в Китае?». («Фане
дес Коммунизмус» № 42, стр 331).

Мы до сих пор думали, что коммунисты обязаны возглавлять стихий-
ные крестьянские восстания, руководить ими, очищать их от реакционных
примесей и ввести их в русло общереволюционной классовой борьбы.

Так учил Ленин. А Троцкий возмущен, что партизанская война, кото-
рая, кстати, длится уже больше года, и о которой немало писалось, про-
должается и во время советско-китайского конфликта. Странная «защита»
СССР.

Во время конфликта на КВЖД китайская компартия заняла без коле-
баний и с полной решительностью ленинскую позицию: за СССР, против
своей буржуазии. Только бывший лидер партии, заядлый оппортунист, Чен
Ду-сю высказался против этой политики, за что ЦК ККП исключил его
из партии. А что делает Троцкий? Он констатирует, что Чен Ду-сю был
оппортунистом, но теперь как будто приближается к позиции Троцкого
и за зто следует его приветствовать. Троцкий приветствует Чен Ду-сю.
Так «защищает» Троцкий СССР.

* * *

Пролетарская политика одержала блестящую победу на Дальнем Во-
стоке над об'единенными силами контрреволюции. Международное поло-
жение СССР несомненно улучшилось в связи с этой победой. Советская
вчешняя политика показала и доказала на деле, что она является поли-
тикой мира. СССР доказал, что он умеет на деле защищать и отвоевывать
мир.

Пролетарская политика одержала на Дальнем Востоке блестящую по-
беду, ибо она была выдержанной, большевистской, правильной политикой.
Противоречия между империалистами, конечно, существуют, но надо уметь
их использовать. А наша политика во время конфликта на К.-В. ж. д. учи-
тывала эти противоречия и сумела их использовать. Американский империа-
лизм и китайская контрреволюця рассчитывала на то, что малейший неосто-
рожный шаг со стороны СССР, столкнет лбом пролетарское государство
с японским империализмом на полях Манчжурии. Но такие расчеты амери-
канского империализма и китайской контрреволюции были разбиты вдре-
безги. В действительности вышло таким образом, что японский империализм
столкнулся с империализмом САСШ; в действительности вышло таким обра-
зом, что умело проведенная политика пролетарского государства привела
к взрыву единого империалистического фронта. В этом отношении огромное
значение имел такой фактор международной политики, как время. Время
работало на нас. Твердость советской политики привела к тому, что во время
конфликта и в ходе конфликта, вызревали и обнаруживались противоречия
между империалистами. Единого фронта не было с самого начала и его не уда-
лось создать и во время конфликта. Это так, поскольку не удалось в него
вовлечь Японию и некоторые другие государства. Нанкин и частично и Мук-
ден, выступили под лозунгами защиты «национальных» интересов, чтобы
привлечь националистически настроенные мелкобуржуазные массы на свою
сторону, чтобы предотвратить кризис в лагере контрреволюции лозунгами
«защиты отечества» против «красного империализма». Терпеливая, выдер-
жанная, но по-пролетарски твердая политика советской власти разоблачила
до конца обманный маневр китайской контрреволюции. Во время конфликта
и в ходе конфликта обнаружилось с полной ясностью и очевидностью, что
Нанкин и Мукден выступили для того, чтобы продать дорогу, передать дорогу
империалистам. Во время конфликта выявилось с полной ясностью и очевид-

ностью, что СССР защищает национальные интересы Китая. Нанкину не удалось сколотить вокруг себя широкие мелкобуржуазные массы, создать единый национальный фронт; и назревшие уже до конфликта противоречия в лагере гоминдановской контрреволюции, имеющие свои глубокие внутренние причины взорвались и привели к новой серии гражданских войн. Наша политика разоблачила гоминдановскую контрреволюцию, как агентуру империализма даже перед китайскими мелкобуржуазными массами. То обстоятельство, что после победы пролетарской политики СССР ни на иоту ие изменил условий ликвидации конфликта, разбило вдребезги все сказки о «красном империализме». Наша политика предоставила возможность китайским массам убедиться на собствеином опыте в том, что Нанкии и Мукден обслуживают империализм, а СССР защищает интересы китайских трудящихся против новых захватов со стороны империализма.

Зависимость всей зкономики Северной Манчжурии от нормальных хозяйствеиных связей с СССР, зависимость отдельных отраслей производства всего Китая от СССР является об'ективным фактом. Однако, только иаша выдержанио-большевистская политика привела к тому, что этот об'ективный фактор действовал в пользу СССР.

Неверный шаг со стороиы СССР, мог бы облегчить исключительно яростную антисоветскую кампанию II Иитернационала и затрудиять борьбу революционных рабочих за СССР. Однако, наша выдержанно-большевистская политика разоблачила до конца все сказки социал-фашистов о «красном империализме» и придала величайший размах борьбе революционных рабочих за СССР. Рабочие массы убедились во время конфликта в том, что СССР проводит подлинно пролетарскую политику. Неслучайно, что после ликвидации конфликта вся социал-фашистская и ренегатская печать набрали в рот воды. Слишком уж очевидно было, что пролетарская политика победила и что победа СССР знаменует собой победу китайского народа над захватническим империализмом.

Мы одержали блестящую победу на Дальнем Востоке потому, что наша политика была подлинио-пролетарской, подлинно-большевистской. При этом не обошлось без известных колебаний даже в рядах нашей партии. Раздавались голоса о том, что К.-В. ж. д. принадлежит нам, что К.-В. ж. д. была построена на русские народные деньги, и т. д. И из зтих якобы пролетарских, а по существу националистических разговоров делался «левый» вывод о необходимости ввести Красную армию в Харбии. Партия отвергла эту установку. Раздавались еще больше голоса о том, что надо отказаться от К.-В. ж. д., что дорога причиняет нам только лишние «неприятности» и затруднения и т. д. Эта устаиовка вытекала также из иеверных предпосылок. Она не учитывала мелочи, а имеино, что передача дороги Нанкииу или Мукдену была бы уступкой империализму, равносильиой передаче дороги империалистам. Партия отвергла и эту устаиовку. И политика партии привела к победе. Нам удалось отразить покушение империализма на интересы СССР и Китая. Нам удалось разоблачить политику империализма, прикрытую пацифистскими фразами и авантюру китайской контрреволюции, прикрытую националистическими фразами. При этом наша политика привела к скандальному провалу дипломатической иитервенции САСШ. Опоздалое выступление САСШ непосредственно перед окоичаиием конфликта и провал зтого выступления является крупнейшим поражением, постигшим политику САСШ за последиее десятилетие.

Выразители и тех и других настроений не поняли, что конфликт на К.-В. ж. д. был нападением империализма на СССР (и на трудящихся Китая), что вопрос о К.-В. ж. д. был вопросом борьбы пролетарских интересов с ин-

тересами империализма, что борьба за К.-В. ж. д. была борьбой пролетарской
политики против политики империализма.

Однако, было бы величайшей ошибкой рассматривать победоносное
окончание конфликта на КВЖД, как финал, как заключительный аккорд.
Этот конфликт не был финалом, а скорей увертюрой. Начавшийся эконо-
мический кризис в капиталистическом мире и гигантский темп социалисти-
ческого строительства в СССР ие могут не обострить противоречия между
двумя мировыми системами, между капитализмом и социализмом. Под'ем
новой революционной волны на Западе и под'ем национально-освободитель-
ной борьбы на Востоке неразрывно связаны с укреплением и ростом СССР
и империализм в поисках выхода из кризиса, несомненио, усилит свое на-
ступление не только на революционное рабочее движение, не только на
национально-революционное движение, но также на СССР.

Мексика отозвала своего посланиика из Москвы и мелкобуржуазные
контрреволюциоиеры, проделавшие в Мексике путь гоминдаиа и в смысле
капитуляции перед империализмом и в смысле подавления рабочего и кре-
стьянского движения, несомиеино, действовали по указке Соединенных Шта-
тов. Навряд ли можно понять зтот зпизод вие связи с коифликтом на К.-В.
ж. д., вне связи с общими атаками империализма на страну советов. В Герма-
нии социал-демократы организуют кампанию травли советских учреждений и
обострение классовой борьбы внутри страны толкает в антисоветский лагерь
даже те слои буржуазии, которые до сих пор по тем или иным соображениям
не участвовали обычио в подобных кампаниях.

Во Франции оправдание белогвардейских подделывателей червонцев
и неслыхаино гнусиая кампания по поводу «исчезновения» белогвардейца Ку-
тепова, сочетается с докладами Милюкова и Керенского о предстоящем паде-
нии советской власти. Мелкобуржуазиые радикал-социалисты и французские
социал-фашисты устраивают своего рода контрреволюционное соревнование
в травле СССР.

В Англии «рабочее» правительство пытается возводить в принцип
международной политики социал-фашизма, известную басню контрреволю-
ции об ответствеиности советского правительства за Коминтерн, а Гендерсон
делает официальное выступление перед полпредом СССР по поводу воззвания
Коминтериа, опубликованного в органе английских коммунистов.

В Румынии командующий войсками в Кишиневе бряцает оружием.

В Польше увеличивается военный бюджет.

Китай устами У Ча-Чжао пытается привлечь Соединенные
Штаты в качестве беспристрастного свидетеля к переговорам с СССР
о К.-В. ж. д.

Наша победа на Дальнем Востоке не обозиачает собой финал, а на-
оборот, лишь преддверие новых, крупных конфликтов между СССР и импе-
риализмом.

Империализм лихорадит в судорогах кризиса. В СССР идет невидан-
ным темпом строительство социализма. В капиталистических странах идут
классовые бои, насыщениые элементами грядущей гражданской войны. В СССР
ликвидируется кулачество как класс. В колоииях подымаются миллионные
массы на борьбу против империализма. В СССР подымаются новые миллион-
ные массы на строительство социализма.

Отсюда же — обострение борьбы империализма против СССР.

ЛЕНИН и ЛЕНИНИЗМ.

В. Адоратский.

О занятиях Ленина философией.

*(По поводу XII Ленинского сборника) *).*

I.

В вышедшем в свет в январе 1929 г. IX «Ленинском сборнике», в котором были напечатаны три тетради Ленина, содержащие конспект «Науки Логики» Гегеля,— была начата публикация так называемых «философских тетрадей» Ленина. XII сборник содержит в себе все остальные материалы подобного рода, из числа тех, которые находятся в архиве Института Ленина. Таким образом, этим сборником завершается публикация философских заметок Ленина. Все хранившиеся в Институте тетради с заметками, выписками, конспектами Ленина по вопросам философии становятся теперь доступны изучению каждого, кто интересуется вопросами теории марксизма.

Значение этих материалов в этом отношении громадно. По богатству содержания «философские тетради» стоят многих томов. В них даются извлечения из произведений таких представителей философии как Гераклит, Аристотель, Лейбниц, Гегель, Фейербах, Маркс. В общей сложности прочитанные Лениным книги, по поводу которых написаны все эти заметки, обнимают не менее 8.000 страниц. Но особый интерес и ценность тетрадей в мыслях Ленина, которые он записывал при чтении всех этих книг. В отдельных заметках, иногда кратких, иногда более подробных Ленин развивал свою точку зрения, ставил вопросы, намечал задачи дальнейшего исследования, указывал пути дальнейшего развития мысли, темы дальнейшей научной работы.

В состав XII Ленинского сборника входят следующие рукописные конспекты Ленина:

Наиболее ранний конспект относится к 1895 г., конспект книги Маркса и Энгельса «Святое семейство». Подробный, тщательно составленный, конспект этой знаменитой книги 1845 г.— периода, когда Маркс становится уже на почву диалектического материализма, показывает образец того, как внимательно изучал Ленин произведения Маркса и Энгельса. В статье — некрологе «Фридрих Энгельс» (осень 1895 г.) Ленин упоминает о «Святом семействе» и говорит, что там уже «заложены основы революционно-материалистического социализма». (Соч., т. I, стр. 437).

Затем, следуя хронологическому порядку, идут выписки из книги Паульсена «Введение в философию» и заметки по поводу нее, сделанные около 1904 г. Далее замечания на статью А. М. Деборина «Диалектический материализм», относящиеся к 1909 г.; возможно, что к тому же времени относится подробный конспект лекций Фейербаха «О сущности религии».

*) Настоящая статья есть перепечатка с небольшими изменениями предисловия к XII Ленинскому сборнику, который выходит из печати в ближайшие дни.

Остальные тетради—это результат работ по философии в годы войны— начиная с осени 1914 г. и до 1916 г. включительно. По богатству своего содержания, по гениальности мыслей, собранных в этих тетрадях — они представляют собой исключительную ценность для теории марксизма. В этих тетрадях разрабатывается особая, новая тема — именно вопрос о диалектике. Этой теме посвящены выписки и заметки на книгу Фейербаха о Лейбнице (стр. 127). Конспект «Философии истории» Гегеля, в особенности же ценный обстоятельный конспект двух первых томов «Истории философии» Гегеля, являющейся, по словам Энгельса, одним из гениальнейших произведений и дающей массу материала к вопросу об истории диалектики (стр. 171). Важны точно так же заметки по поводу метафизики Аристотеля (стр. 329) и книги Лассаля о Гераклите (стр. 295). Сюда же относится и ряд более мелких заметок, относящихся тоже к вопросу о диалектике, о Гегеле, как главном представителе диалектического мышления в немецкой классической философии.

Ленин заботливо собирал материал по интересовавшему его вопросу и всегда умело очищал мысли философов идеалистов от идеалистической шелухи, гениально использовал их материалистически для выяснения и изучения отдельных сторон, особенностей, существа материалистической диалектики.

Было бы большой ошибкой думать, что Ленин стал особенно интересоваться вопросами философии только в это время или с 1908 г., а до того времени был якобы «равнодушен» к вопросам теории вообще, в частности философии. Это, конечно, совершенно неверно.

Правда, в письмах к Богданову 1906 г. Ленин назвал себя «рядовым марксистом» в вопросах философии. Эти письма, к сожалению, до сих пор не найденные, в которых Ленин критиковал богдановскую философию, он собирался даже издать под заглавием «Заметки рядового марксиста о философии».

Но, если бы кто-нибудь склонен был истолковать это название в том смысле, что у Ленина тогда было какое-то «рядовое», «среднее», «дюжинное» понимание вопросов философии, то это было бы грубейшей ошибкой. Дело в том, что Ленин, как известно, отличался исключительной научной добросовестностью. Став марксистом, он все внимание обратил на подробнейшее изучение экономического строя России, русского капитализма, на изучение классов русского общества, а затем на выработку программы, организации и политики революционной марксистской рабочей партии. В этих областях Ленин изучал с исчерпывающей полнотой все относящиеся сюда вопросы. Вся сколько-нибудь заслуживающая внимания литература в этих областях была Лениным изучена. С такой полнотой Ленин в 1906 году специально философскую литературу не прорабатывал и потому счел необходимым назвать себя «рядовым» марксистом в этой области. Но та блестящая характеристика диалектического материализма, которая дана была Лениным уже 1894 г. в его ранних работах, и то гениальное мастерство, с каким он владел методом марксизма, лучше всего свидетельствуют о том, что им уже в молодые годы были прочитаны, изучены и усвоены все основные произведения Маркса и Энгельса.

В наступившей революции 1905 г. Ленин показал себя лучшим материалистом-диалектиком, чем другие марксисты, успевшие прочитать к тому времени большее количество специальной философской литературы, как, например, Плеханов.

Это, конечно, ни в коей мере не должно было означать, что Ленину нечего было дальше беспокоиться и утруждать себя дальнейшим изучением философской литературы. Как раз наоборот: то обстоятельство, что Ленин овладел существом материалистической диалектики как никто другой из

марксистов, как раз это обстоятельство делало дальнейшее изучение Лениным вопросов философии особенно плодотворными. Два года спустя, в 1908 г., он написал философскую работу, которую и сам не счел уже необходимым называть работой рядового марксиста и которая знаменовала значительный шаг вперед в деле разработки философии диалектического материализма.

Во всех областях марксистской теории Ленин умел двинуть далеко вперед теоретическую мысль. Он сумел это сделать и в области философии. Потому-то такую огромную ценность представляют заметки Ленина по философии.

К сожалению, в распоряжении Института Ленина имеется далеко не все, что вообще было написано Лениным по вопросам философии. Отсутствуют письма к Ленгнику (1899 г.), посвященные критике кантианства. Отсутствуют три тетради «Заметок рядового марксиста о философии» (1906 г.) с критикой философии Богданова. Отсутствуют материалы, относящиеся к работе над книгой «Материализм и эмпириокритицизм» (1908 г.) Наконец, нет вовсе конспектов раннего времени, когда Ленин начал изучать основные произведения марксизма — «Капитал», «Анти-Дюринг» и другие произведения философского характера. Принимая во внимание, с одной стороны, трудность в те времена добыть такие книги (экземпляр «Анти-Дюринга» был, например, в конце 80-х — начале 90-х годов большой редкостью в России), с другой стороны, принимая в расчет обычный характер чтения Ленина, делавшего заметки и выписки из книг, которые он читал, можно с уверенностью предполагать, что подобные тетради и выписки существовали, но они утеряны безвозвратно. Единственным исключением является сохранившийся конспект «Святого семейства», написанный, как уже сказано, по всем вероятиям, летом 1895 г., когда Ленин был за границей, где ему, видимо, удалось достать эту редкую книгу, тогда еще не переизданную. Ленин читал ее по изданию 1845 г.

По тем документальным данным, которые находятся в нашем распоряжении, занятия Ленина философией делятся между тремя периодами.

Первый — период кануна буржуазной революции в России. Сюда относится начало литературной деятельности Ленина, время ссылки и первой эмиграции.

Второй период — это период первой революции и временной победы контрреволюции. К этому периоду относится большая философская работа Ленина «Материализм и эмпириокритицизм».

Наконец, третий период, обнимающий приблизительно около трех лет (1914 — 16), охарактеризованный самим Лениным как период кануна социалистической революции, был последним периодом, в течение которого Ленину удалось много поработать над вопросами философии (особенно в начале империалистической войны).

Начиная с 1917 г., в особенности с конца этого года, наступило время, когда Ленин уделять много времени специально теоретической, научной работе почти совсем не мог. Последние записи философских тетрадей относятся к 1915 — 16 гг. Но это ни в коем случае не означало, что Ленин не возвращался к вопросам философии и позднее, в советский период. Несмотря на крайнюю занятость, на необходимость все внимание и все силы отдавать практическим вопросам, Ленин продолжал интересоваться вопросами философии. Это видно и из его чтения. Например, 30 ноября 1920 г. Ленин заказывал книги А. Лабриола «Исторический материализм» и «О философии». 24 июня 1921 г. просил достать ему русский перевод Гегеля «Логики» и «Феноменологии духа» (см. «Записки Института Ленина», т. III, стр. 94—95). Приблизительно около того же времени Ленин интересовался книгой Ильина о Гегеле и т. д. Но Ленин не только читал, а и писал в то время по вопросам философии. $^{9}/_{10}$ заметок на книгу Бухарина «Экономика переходного периода»

относится к вопросу о методе. Несмотря на краткость этих замечаний, они дают бесконечно много, вскрывают слабости и недостатки богдановского эклектизма и идеализма и ошибки, совершаемые Бухариным от неуменья овладеть материалистической диалектикой. Разбор и оценка полностью всех этих мест и их теоретического значения требуют особой специальной обширной работы.

Наконец, здесь необходимо упомянуть о замечательном письме Ленина в журнал «Под Знаменем Марксизма», о котором мы скажем подробнее ниже. Все это показывает, что внимание Ленина к философии не ослабевало до конца его жизни. Начал же заниматься вопросами философии Ленин очень рано.

II.

Документальным доказательством ранних занятий Ленина вопросами философии являются две большие работы, относящиеся к 1894 г. — «Что такое «друзья народа» и как они воюют с социал-демократами» и «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве».

Уж в этих ранних работах Ленин выступил совершенно зрелым материалистом-диалектиком.

Сущность метода Маркса Лениным была самостоятельно продумана, и он владел этим методом в совершенстве, самостоятельно применяя его к вопросам русской экономики, русской истории, к вопросам классовой борьбы и политики. Всякий, кто прочтет указанные работы, убедится, что в 1894 г. Ленин овладел диалектическим материализмом вполне. Ленин прекрасно отдавал себе отчет в том, какое значение для марксизма имеет м а т е р и а л и з м, и вполне ясно понимал уже тогда особенности д и а л е к т и ч е с к о г о метода Маркса. В «Что такое «друзья народа» он отмечает гениальность самой идеи материализма в общественной науке (Соч., изд. 3-е, т. I, стр. 60). Он подчеркивает, что материализм Маркса — диалектический (т. I, стр. 84, 100, 105, 121 и др.). Ранние работы Ленина проникнуты революционной диалектикой. Теория марксизма по характеристике Ленина соединяет «строгую и высшую научность» с революционностью — не случайно, а «внутренне и неразрывно» (т. I, стр. 225), не потому, что таковы были индивидуальные особенности Маркса, сочетавшего в себе качества ученого и революционера, а потому, что, как выразился Ленин позднее, в 1923 г., революционная диалектика — это «р е ш а ю щ е е в м а р к с и з м е».

Характеризуя диалектический материализм, Ленин отмечает, что в противоположность метафизическому методу, который смотрит на общественные отношения, «как на простой механический агрегат тех или других институтов, простое механическое сцепление тех или других явлений», диалектический материализм ставит своей задачей понять и изобразить общественный строй в его целом «к а к ж и в о й о р г а н и з м в е г о ф у н к ц и о н и р о в а н и и и р а з в и т и и» (т. I, стр. 105). Основную мысль «Капитала» Маркса Ленин видел в том положении, которое Маркс выдвинул в своем предисловии к первому изданию первого тома: смотреть «на развитие экономической общественной формации как на естественно-исторический процесс». В этой сжатой формулировке, чрезвычайно богатой мыслями, отмечается и об'ективная закономерность процесса, который не определяется сознанием людей, а, наоборот, — сам определяет это сознание, и понимание Марксом своеобразной закономерности каждой особой «экономической общественной формации», которую надо изучать в ее особенности и развитии. Тут же подчеркнуто требование диалектического метода в ы д е л и т ь о с о б о с а м о е с у щ е с т в е н н о е и на изучение его обратить особое внимание, не упуская из виду всю совокупность целого (т. I, стр. 124). Впоследствии Ленин, постоянно возвращаясь к этой мысли, говорит об «основном

звене, ухватившись за которое можно овладеть всей цепью. Таким звеном, для того, чтобы овладеть пониманием общественного процесса, является изучение строя экономических отношений. Особенным достоинством изложения Лениным исторической теории Маркса, которое необходимо отметить, является подчеркивание значения понятия «экономической общественной формации».

С чрезвычайной ясностью формулирована у Ленина «теория отражения»: «идеальное есть только отражение материального».

И Ленин мастерски применяет ее. В соответствии с материалистическим характером теории Ленин указывает на ее задачу: «точно изобразить действительный исторический процесс» и ничего более. Критерием теории является «верность ее с действительностью» (т. I, стр. 110), а вовсе критерий этот не в абстрактных схемах. В ранних работах Ленина отмечается также важнейшее значение противоречий — наличие их свидетельствует об особой силе и жизненности явления (т. I, стр. 171), и Ленин, изучая «русскую историю и действительность», всюду вскрывает имеющиеся налицо противоречия классов и классовую борьбу. Он дает гениальное материалистическое освещение экономической истории России (т. I, стр. 73 — 74 и др.), вскрывает особенности русского капитализма (например, вся III часть «Друзей народа» и ряд других произведений, не говоря уже о «Развитии капитализма»), дает необычайно яркое и сильное изображение экономики русской деревни (т. I, стр. 142 — 144) и т. д., и все это изложение он неизменно ставит в связь с практическими задачами рабочего класса, последовательно и систематически изучает, вскрывает, об'ясняет об'ективную диалектику капиталистической общественной формации и все особенности ее конкретных проявлений в развитии русского капитализма и вырастающей на этой почве классовой борьбы и руководящей роли в этой борьбе российского пролетариата. И делается это для того, чтобы пролетариат «как можно скорее и как можно легче покончил со всякой эксплоатацией» (т. I, стр. 225).

Неизменная верность этим основным принципам научной работы, последовательное проведение их является характерной особенностью метода Маркса, а также и Ленина, начиная с самых ранних его (известных нам) работ. Никто из других марксистов не был в этом так последователен и так верен марксистскому методу, как именно Ленин. И особенно характерно, как это отмечалось уже неоднократно в нашей литературе, умение Ленина учесть и изучить конкретные особенности данного явления, не ограничиваясь рассуждениями вообще. В разнообразных спорах, которые приходилось вести Ленину, нужно отметить (оставляя в стороне классовую основу существа разногласий, а рассматривая лишь разницу в методе), что противники Ленина не умели понять существа конкретных особенностей рассматриваемого предмета. Примеров этому можно было бы привести без конца. Укажем хотя бы на споры о программе в начале 900-х годов (Соч., т. V), споры с меньшевиками («Две тактики», т. VIII), споры по национальному вопросу в 1913—16 гг. (т. XVII, XIX) и т. д.

«Безусловным требованием марксистской теории при разборе какого бы то ни было социального вопроса является постановка его в определенные исторические рамки, а затем, если речь идет об одной стране (например, о национальной программе для данной страны), учет конкретных особенностей, отличающих эту страну от других в пределах одной и той же исторической эпохи» — так писал Ленин в 1914 г. в споре с Р. Люксембург по национальному вопросу (Ленин, соч., т. XVII, стр. 431—432).

Здесь нет места останавливаться во всех подробностях на всем богатстве теоретического содержания первых работ Ленина и совершенстве их метода. То немногое, что указано здесь нами, дает понятие о громадной их ценности. Было бы очень интересной задачей проследить, как целый ряд

мыслей, имеющихся в зародыше или в сжатой формулировке в этих ранних работах, нашли себе впоследствии дальнейшее развитие и широкое применение, были подтверждены в дальнейшем ходе борьбы рабочего класса и развития революции и в 1905 и в 1917 гг.

Таков был первый период занятий Ленина вопросами общей теории, философией марксизма. Вполне овладев основами диалектического материализма, изучив и продумав до конца, до полной ясности все выводы из основных работ Маркса и Энгельса, уясняя себе в общем все стороны марксизма, Ленин все свои силы стал посвящать теоретическому и практическому руководству борьбой рабочего класса. И тут не индивидуальные желания и вкусы, а об'ективные условия выдвигали вперед то одну, то другую сторону марксизма, заставляя ей заниматься преимущественно. Как впоследствии Ленин отметил сам, в рассматриваемый нами период «выдвинулось применение экономического учения Маркса к нашей действительности» («Наши упразднители». Соч., т. XV, стр. 88). Но и в этот период особенно в ссылке (1898—1899 гг.) Ленин известную часть своего времени уделял изучению вопросов философии. Он знал, конечно, хорошо все произведения Плеханова, читал сочинения Спинозы («Этика»; «Теологически-политический трактат»; «Усовершенствование человеческого рассудка»), отдельные произведения французских материалистов XVIII в. (Гельвеция «О духе», его же «О человеке»), Юма «О человеческом познании» и представителей немецкой классической философии — Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля и Фейербаха, т. е. основательно изучал предшествующее марксизму развитие философии. Специальной философской работы Ленин в этот период не написал, но в ряде своих произведений он отводил не мало места вопросу о методе: в полемических работах против народничества, против ревизионизма «легальных марксистов» (работы 1894—1899 гг.) против экономистов («Что делать?», 1902 г.), против меньшевиков («Шаг вперед, два шага назад», 1904 г.).

III.

Период под'ема революции 1905 г. был, конечно, временем мало подходящим для специально философских занятий. Но в это время теоретическая мысль Ленина непрерывно и напряженно работала. Время революции было временем обучения у жизни, обучения на практике, временем проверки теоретического оружия марксизма. Ленин в 1905 г. очень много раз возвращался к изучению ряда произведений Маркса.

Вслед за спадом революционной волны создалась такая обстановка, в которой для марксиста-теоретика, вождя революционной марксистской рабочей партии, необходимость борьбы на почве философии выступила на первый план. Увлечение идеализмом и религией, распространившееся среди буржуазии после революции 1905 г., было явлением далеко не случайным. Это увлечение захватило и некоторые неустойчивые элементы из среды марксистских литераторов, даже партийных. Религия сложилась давно, и ее старые формы, грубо-наивные, перестали удовлетворять, отталкивали от религии. Религиозная идеология, приспособленная к феодально-крепостническим отношениям, все более и более переставала оказывать влияние. Для того, чтобы после опыта пережитой революции держать массы в повиновении, недостаточно было одного физического принуждения. Потребовался «духовный», «моральный» кнут, каким является религия, и потребовалась выработка более утонченных ее форм, приспособленных к потребностям, созданным новыми отношениями. Борьба против религии и против идеализма, являющегося утонченной защитой веры в бога, стала особенно необходимой, приобрела особое значение как борьба против буржуазных влияний на пролетариат и на массы трудящихся. Борьбу против махизма и против поповщины вел

и Плеханов, но вел ее так, что это не удовлетворяло Ленина. Во-первых, Плеханов недостаточно раз'яснял данные вопросы разногласий с махистами, вопросы теории познания. Ленин в Письме к Горькому в марте 1908 г. говорит, что Плеханов по существу прав против Богданова и других махистов, «только не умеет или не хочет, или ленится сказать это конкретно, обстоятельно, просто без излишнего запугивания публики философскими тонкостями». Во-вторых, Плеханов использовал свою полемику с махистами во фракционных целях против большевизма, что по существу с философскими разногласиями нисколько не было связано и к делу не относилось.

В том же упомянутом выше письме к Горькому Ленин сообщал, что он непременно напишет критический разбор махистской философии «по-своему». Ленин это и сделал в своей книге «Материализм и эмпириокритицизм» и сделал это действительно по-марксистски. После «Анти-Дюринга» Энгельса эта книга является самым крупным философским произведением марксизма. Появление этого главного произведения второго периода было выдающимся событием в области теории марксизма. Помимо того, что книгой этой был нанесен махистам сокрушительный удар, она дала чрезвычайно много нового для теории марксизма.

В этой книге впервые в марксистской литературе с такой полнотой были раз'яснены основы теории познания диалектического материализма. По каждому вопросу: о материи и опыте, об ощущении и познании, об об'ективности пространства и времени, о причинности, об абсолютной и относительной истине, с полнейшей ясностью были показаны две линии в философии.

Энгельс сделал это в полемике с Дюрингом в 70-х годах XIX в., Ленину же пришлось сделать это в новой обстановке, более 30 лет спустя, в полемике с другими противниками — махистами. За эти десятилетия в естествознании произошел целый переворот и надо было овладеть совершенно новым материалом. Ленину пришлось рассматривать и разрешать ряд новых вопросов. Совершенно новой задачей в марксистской литературе был подробный разбор и раз'яснение кризиса современного естествознания. Представители естествознания, как правило, не обладающие философской выучкой, не умели мыслить диалектически. Научное исследование стихийно влечет их к материализму, классовая же их позиция и их неумение владеть диалектическим методом ведет к путанице, заставляет их скатываться к релятивизму и идеализму. Вывод, к которому приходит Ленин в конце V главы о том, что «современная физика рождает диалектический материализм», сохраняет свое значение спустя более 20 лет после того, как он был высказан. Благодаря своему гениальному умению владеть материалистической диалектикой, Ленин и в области методологии естествознания сумел сказать свое новое слово и сказать его не вообще, а давая точные указания, в чем состоят ошибки и отступления «стихийных материалистов естественников» от диалектического материализма. Ленин критиковал их теории диалектически, поправляя ошибки и выделяя правильное. Такая критика и должна быть признана образцовой.

Необходимо отметить, что, несмотря на строгую научность содержания книги, все изложение ее вполне понятно. Все вопросы нисколько не упрощались. Ясность изложения об'ясняется ясностью мысли и определенностью того, что Ленин собирался сказать по вопросам философских споров. Когда он писал эту свою философскую книгу, он точно так же ни на минуту не забывал, что и эта работа пишется для того, чтобы помочь пролетариату, «как можно скорее покончить со всякой эксплоатацией».

В этот период Ленин далеко опередил всех марксистов, занимавшихся после Маркса и Энгельса разработкой вопросов философии. Первый из всех виднейших теоретиков марксизма (мы не говорим об Энгельсе) Ленин занялся вопросами естествознания, самостоятельно их разрешил и наметил пути, каким образом марксизм должен обеспечить себе влияние и в этой

области. Поэтому с полным основанием можно утверждать, что появление книги «Материализм и эмпириокритицизм» ознаменовало новый этап в развитии теории марксизма.

Основной темой в этот период была — борьба за материализм. Но, к сожалению, от этого периода никаких неопубликованных материалов не сохранилось. Ни рукописи книги «Материализм и эмпириокритизм», ни каких-либо заметок и материалов у нас не имеется. Ни из одной из сохранившихся тетрадей Ленина нет прямых указаний на то, что которая-нибудь из них относится к этому периоду. Ближе всего по содержанию может подходить конспект лекций Фейербаха «О сущности религии». Он может относиться к несколько более позднему периоду (к 1909 г.?). Все остальные записи кроме этих относятся к третьему периоду, где преобладающий интерес вызывала к себе тема о диалектике.

IV.

В третий из указанных нами периодов, несмотря на относительную краткость того времени, когда Ленин мог заняться целиком научной работой, он проделал громаднейшую работу теоретического характера. Достаточно указать, что в течение 2 — 3 лет им были проработаны такие большие и сложные вопросы, как вопрос об империализме и о государстве. То, что нам сейчас кажется понятным само собой, после того, как мы все изучили книги Ленина «Империализм, как новейший этап капитализма» и «Государство и революция», что теперь вошло уже в сознание широких кругов рабочего класса, изучающих идеи этих книг в марксистских кружках и в школах политграмоты, то тогда, в 1913—16 гг. представляло собой целый лабиринт сложных и запутанных вопросов, и путаница эта была создана не только трудами буржуазных теоретиков, но она была в работах марксистов-теоретиков II Интернационала — Каутского, Гильфердинга, Плеханова и ряда других. Ленину удалось разрешить, распутать эти сложные вопросы благодаря тому, что он твердо стоял на почве диалектического материализма, гениально умел владеть диалектическим методом и неразрывно был связан с тем классом, интересами которого он жил — с пролетариатом. Изучая капитализм мировой и борясь с буржуазными влияниями на пролетариат в лице новейших оппортунистов — социал-империалистов, каутскианцев и т. д. — Ленин подошел к вопросам точно так же, как он это делал в 90-х годах, когда изучал русский капитализм и боролся с буржуазным влиянием на пролетариат в лице русских народников и русских ревизионистов 90-х и начала 900-х годов. Было бы весьма поучительной задачей сравнить во всех подробностях метод ранних работ Ленина с методом его работ 1915 — 16 гг. Если бы такая работа была проделана, ясно обнаружились бы и высота теоретического уровня ранних работ Ленина и тот же неизменно революционный характер его метода 20 и более лет спустя. От революционной диалектики марксизма Ленин ни в чем ни отступал. Не обнаружилось бы разницы в применении диалектики. Но нечто новое в отношении Ленина к вопросам диалектики в этот период появилось. Он занялся этим вопросом специально, собирал все данные, относящиеся к истории диалектического мышления, все характеристики, отмечающие различные моменты диалектики, и отличительные черты, различные оттенки, об'ясняющие самое существо диалектического мышления, существо материалистической диалектики. Этот теоретический интерес является в области философии преобладающим в этот период и не ослабевает и в дальнейшем.

Причина этого вполне понятна. Мы видели, что уже в ранних работах у Ленина отмечено решающее значение диалектики. В статье о переписке Маркса и Энгельса, в 1913 г., Ленин говорит, что наиболее существенным, наиболее новым, «гениальным шагом вперед в истории революционной мысли»

было то, что Маркс и Энгельс применили материалистическую диалектику ко всем областям знания — к переработке политической экономии, к философии, к естествознанию, к политике и тактике рабочего класса.

Революционная материалистическая диалектика — решающее в марксизме,— «живая душа марксизма», его «коренное теоретическое основание». Естественно было заняться специально изучением этого, столь важного оружия, особенно в тот период, когда, благодаря наступающей социалистической революции, особенно важным сделалось практическое значение этого оружия. В теоретических битвах по вопросам текущей политики приходилось особенно часто иметь дело со стремлением противников извратить диалектику, подменить ее софистикой, и такими противниками все чаще начали становиться бывшие союзники, из сторонников пролетариата, превращающиеся во врагов его движения, перешедшие на сторону буржуазии, как это сделал ряд выдающихся теоретиков II Интернационала, особенно с началом империалистической войны. В борьбе против оппортунизма неизбежной была борьба за диалектику против эклектики. В революционную эпоху диалектический характер движения, единство противоположностей, движение в противоречиях особенно резко выступает наружу, становится особенно наглядным, как это отметил еще Энгельс. Ускоренный темп движения, разнообразие, и, если так можно выразиться, сконцентрированность событий расширяет кругозор и дает богатейший материал для теоретической мысли. Пробуждение к сознательной жизни новых и новых масс неизбежно вносит небывалое оживление в развитие теоретической мысли и в частности философии.

В эпоху буржуазных революций в Европе Гегель, идеолог буржуазии (тогда еще в общем и целом революционной), явился крупнейшим представителем диалектики, «дал исчерпывающую и сознательную картину общих форм движения» (Маркс). Первые вожди и теоретики нового революционного класса — пролетариата, Маркс и Энгельс, восприняли это теоретическое завоевание, «спасли диалектику от разгрома идеализма» и, соединив с материализмом, плодотворно применили ее к научному исследованию. Гениальный вождь и теоретик пролетариата — Ленин в эпоху кануна социалистической революции сделал дальнейшие шаги в направлении углубления теоретического изучения этого революционного метода, прозеренного и испытанного в ряде революций и в последней, незадолго перед этим происшедшей, крупнейшей русской революции 1905 г. И не случайно, что именно в стране первой социалистической революции впервые Лениным была поставлена задача специального изучения диалектики и приступлено к ее разрешению.

Из всех европейских стран именно в России в конце XIX — начале XX века, сложилась наиболее революционная обстановка. Революционная почва России явилась предпосылкой того, что теоретическое сознание русских революционеров-марксистов было выше чем где бы то ни было в других капиталистических странах. Доказательство этого — борьба Плеханова против кантианства, начиная с 90-х годов, борьба Ленина против махизма в 1908 г. за материализм и за революционную материалистическую диалектику и тогда и позднее, против софистики и извращения этого важнейшего теоретического оружия пролетариата бывшими союзниками по борьбе за революционный марксизм — Бернштейном, а потом и Плехановым, Каутским и другими.

Из тетрадей, относящихся к теме о диалектике, на первом плане надо, конечно, поставить три тетради с конспектом «Науки Логики» Гегеля (IX «Ленинский сборник»). К этому непосредственно примыкают печатающиеся в XII сборнике конспекты гегелевской «Истории философии», в которых Ленин заботливо собрал все, что имеет отношение к диалектике. Замечания по поводу лассалевского «Гераклита» и «Метафизики» Аристотеля содержат в этом отношении точно так же необычайно много ценного. После

заметок о «Гераклите» Ленин, в большом отрывке о диалектике, дает, в противовес неправильному пониманию диалектики Гегеля Лассалем, свое понимание диалектики. В этом отрывке и в ряде других замечаний («элементы диалектики» в конце конспекта «Науки логики», заметки, помещенные в XII сборнике на стр. 290—292) собраны и сведены воедино основные мысли Ленина о диалектике, вырисовываются общие контуры той теоретической работы о диалектике, как она намечалась Лениным.

К тому же циклу относится и конспект книги Фейербаха о Лейбнице. Если при чтении фейербаховских лекций «О сущности религии» Ленин обращает главным образом внимание на противопоставление материализма идеализму, то здесь, в конспекте книги о Лейбнице уже виден преобладающий интерес к вопросу о диалектике. Преобладание того же интереса бросается в глаза и в тетради с выписками из книги Клаузевица «О войне». Читая ее, Ленин интересовался двумя темами и собрал с исчерпывающей полнотой относящиеся сюда места. Одной из этих тем было: «о применении диалектики к вопросу о войне», другая же тема: «вопрос о связи между политикой и войной».

Остальные заметки меньшего об'ема примыкают к этим основным работам, содержащим главный материал. Сюда относятся некоторые материалы к вопросу истории науки и техники, тесно связанному с материалистическим изучением диалектики. Ленин приступил к собиранию такого материала, но успел сделать лишь немного, остановившись в самом начале работы. Сюда же относится собранная Лениным библиография работ о Гегеле.

Если Ленин собирался написать работу о диалектике, то материал для этой задачи был им собран богатейший, а в отдельных частях (специально по вопросу «Гегель о диалектике») — прямо-таки исчерпывающий. Чтобы написать о диалектике специальную работу, у Ленина, как и у Маркса, времени не нашлось. Но во всех статьях после 1914 г. Ленин начинает отводить место раз'яснению сущности диалектики, замечаниям обобщающего характера. Ленин прямо занимается пропагандой диалектики. Например, в статье «Крах II Интернационала» он показывает разницу между диалектикой и софистикой. В статьях «Итоги дискуссии о самоопределении», «О брошюре Юниуса», «Письма о тактике» отмечаются различные моменты, особенности диалектического мышления. Наконец, в 1920 — 21 гг. в статье «Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина» Ленин дает ставшее широко известным популярное раз'яснение сущности диалектической логики в отличие ее от эклектизма. Все эти замечания опираются на ту работу по изучению диалектики, которую Ленин проделал в особенности в начале империалистической войны.

Бросается в глаза, что понимание диалектики у Ленина отличается особенной ясностью и глубиной. Вырабатывая это понимание совершенно самостоятельно, Ленин сходится с той характеристикой диалектики, какую дает Энгельс, который, как и Маркс, превосходно изучил Гегеля и проделал самостоятельную работу по превращению идеалистической диалектики Гегеля в материалистическую. Такую работу проделал и Ленин и вслед за ним должен проделать всякий марксист-теоретик. По Ленину самое существо диалектики наиболее удачно выражает формула «единство противоположностей». Согласно выражению Ленина эта формула удачно схватывает «ядро диалектики». Раздвоение единого, противоречивость его частей является внутренним источником всякой деятельности, внутренним импульсом (побудительной силой) развития. Об'ективный мир, находящийся в непрерывном движении, являющийся бесконечно сложным и разнообразным, в то же время является единым (это единство мира, как говорит Энгельс, состоит в его материальности). Все грани в этом об'ективном материальном мире относительны

и условны, все в нем изменяется и превращается в другое. И наше сознание, отражающее в общем правильно этот об'ективный мир, отражающее абсолютную истину об'ективного существования, в то же время относительно. Оно приближается к точному отражению движения об'ективного мира, никогда его не исчерпывая полностью, потому что это движение, развитие, изменение никогда не останавливается, не прекращается.

Как на основной недостаток метафизического материализма Ленин указывает на его неумение применить диалектику к процессу развития познания. «Подход ума (человека), пишет Ленин при чтении «Метафизики» Аристотеля, к отдельной вещи, снятие слепка или (что то же) понятия с нее не есть простой, непосредственный, зеркально-мертвый акт, а сложный, раздвоенный, зигзагообразный, включающий в себя возможность отлета фантазии от жизни, мало того, возможность превращения (и при том незаметного, несознаваемого человеком превращения) абстрактного понятия, идеи в фантазию (в последнем счете в бога). Ибо в самом простом обобщении, в элементарнейшей общей «идее» («стол» вообще) есть известный кусочек фантазии» (см. стр. 339, XII сборника). Материалистическая диалектика, применяемая к нашему познанию об'ективно, т.-е. памятуя о том, что сознание наше определенно независимо от него происходящим процессом, является лучшей гарантией против таких превращений, лучшим оружием против поповщины, окостенения мысли, против подмена живой работы ума мертвой абстракцией, ведущей к умственному застою.

Для ленинского понимания очень характерна его программа изучения и изложения диалектики. И в этом отношении громадная заслуга Ленина состоит в том, что он спасает диалектику от упрощения, от опошления, от превращения ее в софистику, как это происходит у ренегатов II Интернационала Каутского, Вандервельде, Отто Бауэра и др., и восстановляет ее в том виде, как она имеется у Маркса.

Ленин указывает, что в самом простейшем явлении, в любом предложении необходимо вскрыть зачатки всех элементов диалектики. В этом вскрывании особой диалектики каждой отдельной области, подлежащей исследованию, и состоит диалектический метод. Таким именно образом надо диалектику и излагать и изучать.

Ленин ставит знак равенства между диалектикой и теорией познания и указывает на то, что Плеханов не обратил на это должного внимания, а это суть дела.

В рассматриваемом нами третьем периоде Ленин систематически обращает внимание на недостатки плехановской диалектики и критикует их. Подмен Плехановым диалектики софистикой отмечен Лениным еще в 1904 г. В статьях периода войны это делается систематически. Рассматривая ошибки Плеханова, отделявшие его от диалектического материализма и приближавшие его к вульгарному материализму, Ленин отмечает, что плехановская критика кантианцев и юмистов была недостаточной потому, что Плеханов просто отвергал их рассуждения, а не исправлял, как это делал, например, Гегель, критикуя Канта.

Мы выше уже указывали, что критика Лениным махистов, данная в «Материализме и эмпириокритицизме», как раз свободна от этого недостатка. Такая критика, исправляющая, обобщающая, показывающая связь и переходы всех понятий, вообще была свойственна Ленину. Особенно же блестящие образцы такой критики находим мы в произведениях Ленина, начиная с рассматриваемого нами периода. Достаточно указать на такие произведения, как «Государство и революция», «Детская болезнь левизны в коммунизме» и др., Ленин, везде показывая материальные корни тех или иных явлений в области теории, неизменно вскрывает методологические ошибки противника и показывает, как надо их исправлять.

Придавая такое огромное значение изучению диалектики, Ленин, как уже сказано, наметил программу работ для того, чтобы поставить это изучение систематически. В конспекте «Науки логики» Ленин неоднократно высказывает мысль, что продолжение дела Гегеля и Маркса состоит «в диалектической обработке истории человеческой мысли, науки и техники» (IX «Ленинский сборник», стр. 138). Это, так сказать, общая установка, говорящая о том, что материалистическую историю философии, историю развития человеческой мысли нельзя отрывать от истории материального процесса производства. Но далее имеются более детальные указания, в которых дается целая программа изучения. Среди заметок при чтении лассалевского «Гераклита» Ленин перечисляет: «история философии, история отдельных наук, история умственного развития ребенка, история умственного развития животных, история языка + психология + физиология органов чувств. Следовательно, короче, история познания вообще. Вот те области знания, из коих должна сложиться теория познания и диалектика» (см. стр. 315, XII сборника). Вот целая программа работ по изучению диалектики.

В своем известном письме в журнал «Под Знаменем Марксизма» в 1922 г. Ленин оставил как бы завещание, как надо работать в дальнейшем в области изучения диалектики.

Ленин прежде всего указывает на необходимость борьбы за материализм против «философской реакции» и «философских предрассудков» так называемого «образованного общества», т.-е. против идеализма, против поповщины. Ленин приглашает «неуклонно разоблачать и преследовать всех современных «дипломированных лакеев поповщины», представителей реакционной буржуазной и мелкобуржуазной идеологии,—вести атеистическую пропаганду. Ленин указывает на необходимость союза со всеми последовательными материалистами и «с представителями современного естествознания, которые склоняются к материализму и не боятся отстаивать и проповедывать его против господствующих в так называемом «образованном обществе» модных философских шатаний в сторону идеализма и скептицизма».

Ленин напоминает, что из той крутой ломки, которую переживает современное естествознание, «сплошь да рядом родятся реакционные философские школы и школки, направленья и направленьица». И для того, чтобы справиться со всеми сложными и трудными вопросами, возникающими в связи с этим, не дать сбить себя с пути научного исследования, необходимо, как говорит Ленин «быть сознательным сторонником того материализма, который представлен Марксом, т.-е. ...быть диалектическим материалистом». И Ленин, обращаясь к сотрудникам журнала «Под Знаменем Марксизма», говорит дальше, что надо делать, как работать, чтобы овладеть материалистической диалектикой.

«Чтобы достигнуть этой цели, сотрудники журнала «Под Знаменем Марксизма» должны организовать систематическое изучение диалектики Гегеля с материалистической точки зрения, т.-е. той диалектики, которую Маркс практически применял и в своем «Капитале» и в своих исторических и политических работах и применял с таким успехом, что теперь каждый день пробуждения новых классов к жизни и к борьбе на Востоке (Япония, Индия, Китай) — т.-е. тех сотен миллионов человечества, которые составляют большую часть населения земли и которые своей исторической бездеятельностью и своим историческим сном обусловливали до сих пор застой и гниение во многих передовых государствах Европы — каждый день пробуждения к жизни новых народов и новых классов, все больше и больше подтверждает марксизм.

Конечно, работа такого изучения, такого истолкования и такой пропаганды гегелевской диалектики чрезвычайно трудна, и, несомненно, первые опыты в этом отношении будут связаны с ошибками. Но не ошибается только

тот, кто ничего не делает. Опираясь на то, как применял Маркс материалистически понятую диалектику Гегеля, мы можем и должны разрабатывать эту диалектику со всех сторон, печатать в журнале отрывки из главных сочинений Гегеля, истолковывать их материалистически, комментируя образцами применения диалектики у Маркса, а также теми образцами диалектики в области отношений экономических, политических, каковых образцов новейшая история, особенно современная империалистическая война и революция, дают необыкновенно много. Группа редакторов и сотрудников журнала «Под Знаменем Марксизма» должна быть на мой взгляд своего рода «обществом материалистических друзей гегелевской диалектики». Современные естествоиспытатели найдут (если сумеют искать и если мы научимся помогать им) в материалистически истолкованной диалектике Гегеля ряд ответов на те философские вопросы, которые ставятся революцией в естествознании и на которых «сбиваются» в реакцию интеллигентские поклонники буржуазной моды.

Без того, чтобы такую задачу себе поставить и систематически ее выполнять, материализм не может быть воинствующим материализмом. Он останется, употребляя щедринское выражение, не столько сражающимся, сколько сражаемым. Без этого крупные естествоиспытатели так же часто, как и до сих пор, будут беспомощны в своих философских выводах и обобщениях. Ибо естествознание прогрессирует так быстро, переживает период такой глубокой революционной ломки во всех областях, что без философских выводов естествознанию не обойтись ни в коем случае». (Собр. соч., т. XX, ч. II, стр. 497 — 498).

К тому что говорит здесь Ленин о необходимости изучения образцов диалектики у Маркса, следует добавить, что столь же важно изучать и ту материалистическую диалектику, которая имеется во всех произведениях Ленина. Это важно особенно потому, что в его работах, речах, выступлениях дается материалистическое освещение и об'яснение явлений и событий новейшей истории: первой всемирной империалистической войны и пролетарской революции. В философских же тетрадях Ленина (IX и XII Лен. сборники) дана исчерпывающая характеристика материалистической диалектики и содержится много ценнейших указаний, как ее изучать.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

К вопросу о критике теории империализма т. Бухариа.

Борьба с правыми ошибками т. Бухарина помогает партийным кадрам глубже продумать основы лениизма, его теории, стрвтегии и тактики, т. к. речь идет не только о преодолеиии политических ошибок, но и о вскрытии теоретических, методологических корней, из которых ати ошибкн проистекают. Последнее тем более важно, что теоретические и методологические ошибки т. Бухарина имеют более широкое распространение и присущи целому ряду таких товарищей, которые политически с иим не согласны.

Основная задача должна заключаться в том, чтобы выяснить правильные леиинские положения и на их основе преодолевать ошибки т. Бухврина.

С втой точки зрения ие может удовлетворить тв критика бухаринских ошибок в теории империвлизма, какая данв иа страницах № 9 «Проблем экономики» [1]).

Тов. А. Кои в своей статье «Несколько замечаний о теории «организованного капитализма» критикует ошибки тов. Бухарина в теории империвлиама.

Первая часть статьи посвящена лениискому пониманию соотношения конкуреиции и моиополии в эпоху империализма. С этой точки зрения ввтор делает ряд вамечвний об ошибках т. Бухариа. Казалось бы, что доствточно развнть высквзанные в первой части положеиия, чтобы продемонстрировать методологические ошибки Бухарина в теории империализма. Однако, во второй чвсти статьи автор отклоиился от этого пути, пустился в «оригинвльиое» углубление и наделал ворох ошибок, сводящих на-нет все его критическое выступлеиие. Приведем центральные положения тов. Коиа:

> «В возникиовении капиталистических об'едииеиий и монополии важна не организация капиталистического общества, но *концентрации эксплотвции*. Имеиио в *коицентрации нвсилия*, в *концентрвции вксплоатации*—наиболее существенная сторона монополитической тенденции империализмв. Об'едииеиие капиталистов, есть об'единение насилия по отношению к другим классвм.
>
> «...Если подходить к оцеике империализма не с точки зреиия характера отношеиий обмеиа, но с точки зреиия классовых отношений, стаиет ясным, что отличительной чертой империализма по сравиению со старым капитализмом является отиюдь не рост оргаиизоввиности сам по себе, отиюдь ие замеиа рыночиых отношений организованиыми, но специфические отношения эксплоатации. В эпоху старого «свободного» капитализма нсточником капиталистического дохода является прибавочивя стоимость, выколачиваемая из наемного рабочего. Образование же капиталистических моиополий ведет к тому, что к обычиой прибыли капитвлистов присоедиияется монополистическая сверхприбыль, добываемая путем эксплоатации потребителя и «независимого» мелкого производителя. Иначе говоря, эксплоатация крестьянства как капиталистических стран, так и стран колониальных, эксплоатация промежуточиых слоев населения стаиовится иеобходимой чертой империвлистической системы. Одновременно процесс образования моиополией ведет к усилению эксплоатации рабочего. Во все большем количестве отраслей производствв рабочему классу противостоит теперь моиополистический наниматель, навязывающий рабочему классу аарвботную плату, путем прямого давления, прямого насилия. Правда, получение сверх

[1]) Общая рецензия на журнал будет двиа в одном из следующих иомеров «Большевика».

прибыли путем эксплоатации колониального крестьянства и колониальных рабочих позволяет монополистам обратить часть своих доходов на прямой подкуп верхушки рабочего класса в метрополиях. Однако, тем ожесточеннее оказывается эксплоатация других непривилегированных слоев рабочего класса. Именно в этом росте эксплоатации, именно в этом росте насилия, именно в распространении капиталистической эксплоатации на промежуточные слои населения и на крестьянство в первую голову и состоит характерная черта монополистического капитализма-империализма, мимо которой проходит т. Бухарин.

Мы извиняемся перед читателем за столь длинные выписки. Но мы свободны теперь от обвинения, что вырвали фразу, недоцитировали и т. п. С другой стороны, читатель имеет возможность разбирать мысль во всей ее полноте.

Начнем разбор с последнего положения. Сущность, характерная черта монополистического капитализма, заключается, в понимании т. Кона, в распространении капиталистической эксплоатации на крестьянство и другие промежуточные, живущие на основах докапиталистического производства, слои населения. Именно это, по мнению т. Кона, отличает империализм от старого «свободного» капитализма, когда источником дохода являлась только прибавочная стоимость, производимая наемным рабочим. Все это понимание прежде всего исторически неверно. И в эпоху «свободного» капитализма и в эпоху империализма основное и решающее, что лежит в основе системы, что характеризует ее — это производство прибавочной стоимости наемным рабочим. И нет никаких оснований утверждать, что производство прибавочной стоимости играет теперь меньшую роль. С другой стороны и старый капитализм и империализм разоряет массу мелких производителей и внутри страны и в отсталых, колониальных странах, высасывает их экономические соки на всем протяжении своей истории. Так что говорить о том, что это новый характерный только для империализма процесс,—не приходится. Вследствие господства монополий колоссально возрос, приобрел ряд новых форм этот процесс эксплоатации «промежуточных слоев». Но считать, что эксплоатация некапиталистических производителей это то новое, что характеризует империализм в отличие от старого капитализма, это значит теоретически сползать с ленинской на каутскианскую позицию, сочетая ее с некоторыми положениями Розы Люксембург. Никто иной как Каутский видел особенность империализма в угнетении аграрных стран передовыми, и ни кто иной как Ленин именно за это разоблачал Каутского, подчеркивая, что империализм стремится захватить и эксплоатировать не только отсталые, но и передовые страны.

Далее, именно Роза Люксембург считала, что капитализм вообще, в особенно империализм, может «развиваться» лишь в меру «поедания» промежуточных слоев, особенно крестьянства и внутри страны и в колониях. Некоторый вариант этих положений мы находим в последних высказываниях т. Кона. Он забыл здесь, что говорил сам же в начале статьи, что главное в империализме—господство монополий.

У т. Кона, далее, получается, что наиболее существенная сторона в империализме это «концентрация насилия». Выставляя концентрацию насилия, как наиболее существенную сторону, т. Кон берет это положение в весьма странном противопоставлении: важна не «организация» капиталистического общества, но «концентрация насилия».

Прежде всего, Ленин нигде и никогда не ставит вопроса об «организованности самой по себе». Ленин всегда и всюду говорит только о капиталистических монополиях. Их историческую роль он видит отнюдь не в бесформенном, неопределенном «росте организованности», а в том, что они подняли на более высокую ступень тот процесс обобществления производства в антагонистической форме, тот процесс подготовки материальных предпосылок социализма, который составляет историческую миссию капитализма. О росте «организованности капитализма вообще» благодаря монополиям Ленин нигде не говорит. Наоборот он подчеркивает всюду развитие противоречий капитализма на новой основе, углуб-

ние этих противоречий. Неверно поэтому ставить так вопрос: «Подходя к вопросам «организации» капиталистического общества, Ленин всегда подчеркивал, что главным (!!) здесь является не организация сама по себе, но принуждение подчинению союзам монополистов» (55).

В подтверждение этого идут у Кона две цитаты из Ленина, которые свидетельствуют о том, что главного-то у Ленина Кон и не понял. Для Ленина так называемый вопрос о росте организованности не является ни главным, ни второстепенным, ни десятистепенным в вопросе о монополии. Ленин отвергает буржуазную болтовню о росте организованности, противопоставляет ей анализ капиталистического существа монополий, не снимающих, а лишь углубляющих все противоречия капитализма. При чем для Ленина вопрос вовсе не сводился к росту концентрации насилия. Это у т. Бухарина вопрос о концентрации насилия поставлен в качестве основного определения империализма. И тов. Кон, выпячивая это положение, лишь повторяет ошибку т. Бухарина:

> «Вертикальной и сложной конкуренции сопутствуют методы непосредственного (силового) давления. Поэтому система мирового финансового капитала неизбежно влечет за собой вооруженную борьбу империалистических конкурентов. Здесь и лежит основной корень империализма» («Экономика переходного периода», стр. 15).

Вопрос о насилии, как центральный для империализма, как основной корень его—все это бессознательно заимствовано т. Коном у Бухарина, повторена полностью и целиком ошибка последнего. Как бы специально на сей случай в приведенном месте сделаны Лениным подчеркивания (Лен. сборник, XI, стр. 350—351). А против слов «поэтому» и «здесь» написано:

«не «поэтому» и не «здесь». Колонии были и до империализма и даже до промышленного капитализма».

Здесь дан ответ на оба ошибочных положения тов. Кона:

1) о том, что «в концентрации насилия наиболее существенная сторона монополистической тенденции империализма».

и 2) что—«в распространении капиталистической эксплоатации на промежуточные слои населения и состоит характерная черта монополистического капитализма».

Пытаясь критиковать ошибки т. Бухарина, т. Кон наделал в свою очередь ряд грубых ошибок, частью бессознательно повторив бухаринские. Такая критика запутывает вопрос, мешает преодолеть бухаринские ошибки и глубже продумать основы ленинской теории империализма. Основная ошибка т. Бухарина вовсе не в том, что он не видит «концентрации насилия». Наоборот это «силовое давление» заслонило от его взора то, что составляет существо: рост и углубление всех противоречий капиталистической системы вследствие роста монополий, вследствие сосуществования монополии и конкуренции.

Из выпячивания этой «концентрации насилия», из непонимания вопроса о росте капиталистических противоречий, вытекает совершенно ошибочное понимание т. Коном вопроса о невозможности ультраимпериализма:

«Именно обострение классовых противоречий делает невозможным завершение монополистических тенденций империализма» (55). Это положение т. Кон в разной связи повторяет не однажды, преподнося его как ленинское понимание вопроса. Для выяснения сути дела сравним положения на сей счет у Ленина и Бухарина:

Бухарин.

«Рассуждая абстрактно - теоретически, такой трест вполне мыслим, так как, вообще говоря, не существует экономического предела для процесса картеллирования. Но эта абстракция, экономически возможная,

Ленин.

«Спрашивается, «мыслимо» ли предположить при условии сохранения капитализма, (а именно такое условие предполагает Каутский), чтобы такие союзы были некратковременными? Чтобы они исключали трения, конфликты и борьбу во всяческих и во всех возможных формах?

отнюдь не означает, однако, ее реальной вероятности. Тот же Гильфердинг с полным правом пишет в другом месте: «экономически был бы возможен всеобщий картель, который руководил бы всем производством и, таким образом, устранил бы кризисы; он был бы мыслим экономически, хотя социально и политически такое состояние является делом неосуществимым, так как антагонизм интересов, доведенный им до крайних пределов, неизбежно привел бы его к крушению».

Однако, на самом деле, социально-политические антагонизмы не могли бы допустить даже образование такого всеохватывающего треста» (Мировое хозяйство и империализм. Стр. 131—132. «Моск. Рабочий». 1927 г.).

Достаточно ясно поставить вопрос, чтобы на него нельзя было дать иного ответа, кроме отрицательного. Ибо при капитализме немыслимо иное основание для раздела сфер влияния, интересов, колоний и пр., кроме как учет силы участников дележа, силы общеэкономической, финансовой, военной и т. д. А силы изменяются не одинаково у этих участников дележа, ибо равномерного развития отдельных предприятий, трестов, отраслей промышленности, стран при капитализме быть не может. Полвека тому назад Германия была жалким ничтожеством, если сравнить ее капиталистическую силу с силой тогдашней Англии; тоже—Япония по сравнению с Россией. Через десяток—другой лет «мыслимо» ли предположить, чтобы осталось неизменным соотношение силы между империалистскими державами? Абсолютно немыслимо» (т. XIX. 2-е изд. стр. 167—168).

И т. Бухарин и Гильфердинг не видят экономических причин невозможности ультраимпериализма. Невозможность заключается, по их мнению, лишь в причинах социальных и политических. При этом Гильфердинг считает, что эти причины взорвут всемирный трест, если он образуется, т. Бухарин считает, что эти причины не допустят даже образования. Но невозможность ультраимпериализма лежит только в социально-политическом антагонизме, который взорвет капитализм еще до образования всемирного треста. Как мы видели, т. Кон целиком повторяет эту точку зрения. И у него мы не находим понимания экономических причин невозможности ультраимпериализма.

Ленин же видел первую, исходную так сказать, причину во всей сумме противоречий капитализма, в неравномерности его развития. Вопрос о классах и обострении классовой борьбы был неразрывно связан у Ленина со всей системой противоречий экономики капитализма включался важнейшим звеном в эту систему противоречий, характеризующих самое существо экономической структуры, монополистического капитализма. Поэтому Ленин считал невозможным ультраимпериализм не только по причинам социальным и политическим, но прежде всего в силу неизбывной внутренней противоречивости всей экономики капитализма и в его монополистической стадии развития.

Непонимание этой стороны вопроса вытекает у тов. Бухарина из всей его ошибочной методологии в теории империализма, из рассмотрения всех тенденций в «чистом» виде. Здесь лежит корень ошибки в понимании вопроса об ультраимпериализме. Поэтому замечания тов. Кона бьют целиком мимо цели, т. к. тов. Кон сам стоит в этом вопросе на точке зрения т. Бухарина. Ошибка т. Кона в этой части должна быть отмечена тем более резко, что он повторяет ее во всех трех изданиях своего «Финансового капитала», начиная с 1925 г. В издании, вышедшем в самом конце прошлого 1928 г., мы читаем:

«Если бы каждая страна была автаркией (т.-е. самостоятельно, без помощи других стран, удовлетворяла свои потребности), если бы она была изолированной и не была связана нитями международной торговли со всем остальным миром, монополия капиталистических организаций на национальных рынках была бы абсолютной. Конкуренция, и даже меновые отношения со всеми свойственными им атрибутами: ценами стоимости и пр., были бы окончательно вытеснены из современного общества. Современное хозяйство перестало бы быть капиталистическим и превратилось бы в организованное классовое общество (подобие хозяйства рабовладельческого). Однако, международные связи мощно и стремительно развиваются из года в год».

«Современное хозяйство, по существу своему, является хозяйством мировым. Поэтому распространение власти финансово-капиталистических объединений на целые страны не устраняет конкуренции из системы современного капитализма. Напротив того, по мере усиления мощи отдельных капиталистических организаций, по мере расширения их влияния, конкуренция на мировом рынке приобретает все более ожесточенный и разрушительный характер».

(А. Кон. — Финансовый капитал и империализм, 1929 г., стр. 104).

Теория «организованного капитализма» преподнесена здесь в грубо-упрощенной форме. Эти высказывания свидетельствуют, во всяком случае, о том, что понимания экономической невозможности единого треста тов. Кону недостает. Своей последней статьей против т. Бухарина он лишь подтверждает это.

В общем итоге, необходимо признать, что т. Кон, пытаясь критиковать ошибки тов. Бухарина, сам в ряде решающих пунктов остается стоять на точке зрения Бухарина. Нет ничего удивительного в том, что статья не может послужить преодолению этих ошибок и популяризации основ ленинской теории империализма.

Мы не имеем возможности остановиться на разборе ряда других ошибок, имеющих косвенное отношение к настоящей теме. Возьмем лишь одну. В приведенной цитате у т. Кона фигурирует «точка зрения» обмена и противопоставляющаяся ей «точка зрения» классовых отношений («не с точки зрения характера обмена, но с точки зрения классовых отношений»). С коих это пор марксисты стали заниматься такими противопоставлениями?! Ведь в «Капитале» достаточно отчетливо выяснено, что именно из развития законов товарного производства, на основе обмена рождается капиталистическая эксплоатация. С коих это пор обмен стал бесклассовой категорией?!

Имея благое намерение критиковать теорию империализма тов. Бухарина, тов. Кон не в состоянии, однако, это выполнить. Ему мешают его ошибки, его механистическая методология. Но освободившись до конца от всего этого механистического груза, нельзя правильно понять ленинской теории империализма, нельзя преодолеть ошибочной бухаринской теории, в основе которой лежит та же механистическая методология.

В этом же номере напечатана и статья тов. Бессонова «Понятие мирового хозяйства в концепции тов. Бухарина», ставящая своей задачей выяснить, что «основные исходные теоретические позиции тов. Бухарина» ошибочны, что неверен «исходный пункт представлений тов. Бухарина».

В самом деле, приступая к исследованию империализма, тов. Бухарин пишет, что «Вопрос об империализме, его экономической характеристике и его будущности превращается в вопрос об оценке тенденций развития мирового хозяйства». Если к этому добавить, что под мировым хозяйством тов. Бухарин подразумевает «один из видов социального хозяйства вообще», то нельзя не признать, что тов. Бухарин стоит на позициях принципиально отличных от ленинских.

«У Ленина, — как это правильно отмечает тов. Бессонов, — возникновение империалистических отношений «произведено не чем иным, как непосредственным развитием, расширением, продолжением самых глубоких и коренных тенденций капитализма и товарного производства вообще» (XVIII, 354).

Таким образом, в то время как у Ленина империализм является развитием тенденций капитализма, у тов. Бухарина он является развитием тенденций мирового хозяйства, являющегося «одним из видов социального хозяйства вообще». Иначе говоря, у тов. Бухарина теряется и исчезает как раз то особенное, что характерно для империализма, как «надстройки над старым капитализмом».

С этой точки зрения критику тов. Бессонова надо считать интересной и нужной, поскольку она по-новому, с новой стороны подходит к исходным положениям бухаринской теории империализма. Однако, на ряду с этим,

тов. Бессонов допустил и ряд ошибочных положений, которые не позволяют полностью принять его критику *исходных* пунктов теории империализма тов. Бухарина. Прежде всего о самом термине: «мировое хозяйство». Тов. Бессонов пишет:

> «Термин «мирового хозяйства»—недостаточно определенный термин. Дело, конечно, не в том, или, вернее—не только в том,—что он рожден *буржуазной* наукой и применяется главным образом ею. Особенность этого термина в том, что он характеризует *об'ем явлений, а не их социально-классовое содержание.* В этом смысле термин «мировое хозяйство» стоит в том же ряду, что и термин «народное» или «национальное хозяйство», над которым так жестоко издевался Маркс и неправильность которого в других местах признавал и сам т. Бухарин (Экономика переходного периода, 8)» (36).

Итак, по Бессонову, термин «мировое хозяйство»—понятие, фигурирующее в буржуазной науке, что термин этот немарксистский. Тов. Бессонов ставит своей задачей обнаружить «познавательную бесплодность» понятия «мирового хозяйства».

Но напрасно т. Бессонов начинает со спора о терминах. Схоластическое это занятие. Наконец, всей своей постановкой вопроса тов. Бессонов вносит путаницу. Если он настаивает на своем положении, то нужно быть последовательным и обосновать исключение этого термина и из программы Коминтерна, т.-е. это название фигурирует там далеко не случайно.

Мы со своей стороны считаем, что развитие в империалистическую эпоху дает все основания говорить о мировом хозяйстве, наполняя это понятие определенным экономическим содержанием, охватывающим особенности империализма.

Наконец, тем, что тов. Бессонов перенес вопрос в дебри схоластических рассуждений о пространственно-об'емных связях, он упустил основное, за что нужно критиковать тов. Бухарина. Верно указание тов. Бессонова, что у Бухарина имеется стремление вывести империализм из мирового хозяйства, а не капитализма. Но не только в этом исходное и главное у Бухарина. У последнего хозяйство выступает как сплошной, законченный монополистический капитализм и весь анализ в его работе «Мировое хозяйство и империализм» построен именно на этой схеме чистого, «цельного» империализма. Отсюда у тов. Бухарина получается затушевание противоречий капитализма, смазывается вместе с тем и вопрос об обострении классовой борьбы. Весь вопрос о классах поставлен столь же мертво, схематично, предельно.

Монополии и финансовый капитал являются ведущей силой современной экономики. Но все мировое хозяйство представляет собой сложную хозяйственную мозаику. Монополии и империализм покоятся на базе старого капитализма, и то и другое переплетается и ведет за собой огромный мелкотоварный массив. Ничего этого в бухаринском мировом хозяйстве нет. У него «цельный» империализм, механически перенесенные законы капитализма, которые облечены лишь в другую одежду. Поэтому нельзя найти, например, анализа того, как на известном уровне развития закон концентрации создает новое явление — монополии и приводит к укреплению их господства, воспроизводя на более высоком уровне и в некотором отношении в видоизмененной форме все основные противоречия капитализма. Вместо этого—схема государственно-капиталистических трестов. Не найдем мы поэтому и анализа тех превращений форм конкуренции, что характеризует империализм, перерождение старых форм конкуренции в новые формы экономической борьбы, их переплетение и срастание с методами внеэкономического воздействия, широкого привлечения государственной мощи. Одновременно с этим сохранение ряда старых форм конкуренции. Вместо этого у тов. Бухарина механическая замена конкуренции посредством дешевых цен конкуренцией методами «силового давления». Все эти ошибки отражают непонимание марксистской диалектики. Обо всем этом надо прежде всего говорить, т. к. *здесь центр тяжести* ошибок.

Чтобы покончить с об'емно-пространственными вопросами, обратимся к выяснению последнего положения на сей счет.

Тов. Бессонов считает, что «в известных пределах и для известных целей» рассмотрение в «пространственном разрезе» допустимо. Это допустимо в *конкретном* исследовании, но не в *чистой* теории. В последнем случае безразлично, «рассматриваем ли мы его (капитализм) в национальном или интернациональном разрезе». Здесь т. Бессонов солидаризируется целиком и полностью со следующим положением из «Экономики переходного периода»:

«*Совершенно безразличным* является для чистой теории, насколько велик об'ем, какова пространственная характеристика данного общественного хозяйства».

Позволим себе продолжить цитату:

«*Как раз поэтому* Маркс и издевался так над названием «национальная экономия», которую облюбовали патриотические немецкие профессора. Точно также *сравнительно второстепенным* для абстрактной теории является вопрос о том, что выступает в качестве суб'екта отдельного хозяйства... (стр. 8). Все подчеркивания принадлежат здесь Ленину (см. Лен. сборник XI, стр. 349) и вместе с Бухариным они бьют и Бессонова. Положение о том, что в чистой теории безразличен об'ем хозяйства, представлялось Ленину ошибочным.

Ведь как раз из этого положения, что для чистой теории не важен об'ем, вытекает положение Бухарина, которое непосредственно следует в «Экономике переходного периода» за приведенными рассуждениями об об'еме и суб'екте:

> «Современный капитализм есть капитализм мировой. Это значит, что капиталистические производственные отношения господствуют *во всем мире*».

Дважды подчеркнув последние слова, Ленин пишет на полях: «Не во всем».

Раз для *чистой* теории не важно «в национальном или интернациональном разрезе» рассматривать капитализм, то совершенно законно, констатируя мировой характер современного капитализма, распространить капиталистические отношения на *весь* мир. Но именно из такой методологической ошибки вытекает то, что т. Бухарин рассматривает мировое хозяйство, как «цельный» империализм, беря все процессы в их «предельном» развитии.

Основная ошибка Бухарина именно в том и заключается, что весь вопрос остается только и исключительно в «чистой», а я бы сказал в «чистейшей» теории. Весь анализ империализма, как особой фазы в развитии капитализма, потоплен в общих схемах и крайних, «предельных» абстракциях. И именно здесь корень методологических ошибок.

ПОЧТА ОТДЕЛА КОНСУЛЬТАЦИИ.

Посланы ответы почтой: тт. Лукша (Бердичев), Евсееву (Вольск), Щукину (ст. Обозерская. Сев. ж. д.), Чекалину (Коломна), Синеву (Аленевка, Р.-У. ж. д.) и Котову (г. Пугачев).

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ.

Товарищи, присылающие в редакцию журнала «Большевик» статьи, написанные без предварительной договоренности с редакцией, должны одновременно указывать свою партийность, выполняемую работу и точный адрес.

По поводу статей, присланных без указания этих необходимых сведений, редакция ни в какие переговоры или переписку с авторами вступать не будет.

Редакция «БОЛЬШЕВИКА».

Главлит № А—54671. Тип. газ. „Правда", Москва, Тверская, 48. Тираж 165.000 экз.